

УДК 94 (574): 902.2

На правах рукописи

КАРИЕВ ЕЛДОС МАКСАТОВИЧ

Археологические памятники, исследуемые в рамках национальной программы «Культурное наследие» как источники по истории народов Евразии

Специальность 6D020300 – История

Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Отечественный научный консультант:
доктор исторических наук,
профессор С.М. Машимбаев

Зарубежный научный консультант:
доктор археологии, научный сотрудник
Евроазиатского отдела Германского
Археологического Института
Анатолий Наглер (Anatoli Nagler)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
1 ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ	
1.1 Некоторые вопросы историографии проблемы.....	18
1.2 Статус археологии как исторической науки в контексте специфики вещественных источников.....	23
1.3 Практико-теоретические и методологические основы научного поиска в археологии.....	41
1.4 Археологические памятники, включенные в реестр программы «Культурное наследие» как исторический источник.....	50
2 ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В РАМКАХ ПРОГРАММЫ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ» ПО РЕГИОНАМ	
2.1 Жетысу: содержание и интенсивность полевых исследований, специфика памятников.....	55
2.2 Восточный Казахстан: категории исследованных археологических объектов и особенности научных работ.....	65
2.3 Южный Казахстан: процесс и динамика полевых изысканий, степень результативности.....	73
2.4 Центральный Казахстан: основные этапы научных работ и специфика исследованных памятников.....	103
2.5 Северный Казахстан: ход, научная ценность и особенности практических изысканий.....	112
2.6 Западный Казахстан: виды исследованных памятников и степень их своеобразности.....	119
2.7 Общие дополнения и выводы.....	129
3 ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ПРОГРАММЕ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ» В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ	
3.1 Археологические памятники каменного века в системе ранней истории Евразии.....	132
3.2 Вклад археологических изысканий на памятниках эпохи палеометалла и раннего железного века в реконструкцию прошлого континента.....	134
3.3 История Евразии I тысячелетия нашей эры по археологическим материалам государственной программы.....	145
3.4 Памятники археологии средневековья в контексте урбанистической и кочевой культуры народов Евразии II тысячелетия нашей эры.....	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	151
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	156
ПРИЛОЖЕНИЯ	195

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

АН	Академия наук
ВДИ	Вестник древней истории
ВИД	Вспомогательные исторические дисциплины
ВШЭ	Высшая школа экономики
ГККП	Государственное коммунальное казенное предприятие
ДИН	Дисциплина исторической науки
ДонНУ	Донецкий национальный университет
ИА	Институт археологии
ИИЭ	Институт истории и этнологии
ИрГТУ	Иркутский государственный технический университет
ИРИ	Институт российской истории
КемГУКИ	Кемеровский государственный университет культуры и искусств
ККСОН	Комитет по контролю в сфере образования и науки
КН	Комитет науки
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
ЛГУ	Ленинградский государственный университет
МАЭ	Музей антропологии и этнографии
МКҚК	Мемлекеттік коммуналды қазыналық кәсіпорын
МОН	Министерство образования и науки
НАН	Национальная Академия наук
НГУ	Новосибирский государственный университет
НИЦИА	Научно-исследовательский центр истории и археологии
ПМО	Президенттік мәдениет орталығы
ПЦК	Президентский центр культуры
РА	Российская археология
РАН	Российская академия наук
РЖВ	Ранний железный век
РИНЦ	Российский индекс научного цитирования
РОССПЭН	Российская политическая энциклопедия
СА	Советская археология
СО	Сибирское отделение
СПбГУ	Санкт-Петербургский государственный университет
ТД СПИПАИ	Тезисы докладов сессии, посвящённой итогам полевых археологических исследований
ФИА	Филиал института археологии

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы. Диссертационная работа выполнена на стыке интересов исторической науки и ряда ее ключевых отраслей и дисциплин, в частности, историографии, археологии и источниковедения.

Исследование направлено на теоретико-методологический и практический анализ хода и итогов научных изысканий на археологических памятниках в рамках национальной стратегической программы «Культурное наследие, с охватом целевых объектов археологии как таковых, в контексте оценки их содержательности как исторических источников, социально-научного эффекта результатов научных работ, вклада в исследование истории евразийских народов и других важных аспектов указанной программы.

Официальной датой старта национального научно-исследовательского проекта можно считать день подписания Указа Главой государства от 13 января 2004 года N 1277 – «О Государственной программе «Культурное наследие» на 2004-2006» [1].

В целом, археологические исследования в рамках этой программы можно условно разделить на два этапа:

- 1) Этап сбора материалов и первичной обработки – с 2004 по 2011 гг.;
- 2) Этап обобщения, систематизации и всестороннего осмысления собранного материала – с 2011 г. по настоящее время.

Учитывая общенациональный характер проекта, направленного на решение важных проблем в духовной жизни страны, на возрождение и популяризацию культурного достояния Республики, требуется привести общую информацию о проделанной работе по всем не менее важным отраслям науки, культуры и образования.

С момента введения в действие программы проделана обширная работа в научной и культурной отрасли по всей Республике, осуществлены расширенные изыскания в сфере базовых и прикладных наук – истории, археологии, востоковедения, филологии, социологии, права и мн. др., организованы многочисленные экспедиции в регионы Казахстана и за границу для работы с целью сбора полевого материала и работы в архивных и других профильных фондах, осуществлена реставрация значительного числа историко-культурных памятников страны и зарубежья, имеющих отношение к истории и культуре Казахстана, издано огромное количество фундаментальных трудов по всем отраслям гуманитарных наук, которые на данный момент являются ключевыми по основным проблемам той или иной отрасли науки, произведено сохранение и перезапись уникальных образцов аудиоисточников, найдены реальные места имевших место важных исторических событий, открыты памятники ряду выдающихся исторических личностей Казахстана в стране и за рубежом, выполнены и доставлены в страну копии памятников и артефактов важных для истории и культуры Казахстана и многие иные значимые научно-культурные работы [2].

Что касается вклада нацпрограммы в систему среднего и в высшего

образования страны – результаты научных исследований были включены в учебные пособия, лекционные курсы и т.д., в рамках подготовки кадров были открыты новые специальности и увеличено количество грантов на обучение бакалавров, магистров и докторов PhD по актуальным в рамках реализации программы направлениям. Многие учёные академической и вузовской науки прошли стажировки в передовых научно-образовательных учреждениях ближнего и дальнего зарубежья [3].

Актуальность темы. За многолетний период реализации национальной стратегической программы «Культурное наследие» был накоплен поистине огромный массив данных, в том числе и по археологическим памятникам Казахстана. Согласно официальной статистике, с 2004 года осуществлено порядка 40 археологических исследований (см. рис. А.1) разного характера [2; 4, с. 41], которые принесли источниковедческой базе археологии Казахстана колоссальный материал, как по объёму, так и по содержанию. Это и результаты исследований памятников эпохи камня и палеометалла, ряд важных памятников по раннему железному веку и гунно-сарматской эпохе, многочисленные памятники раннесредневековой и средневековой археологии и, в том числе, наследие городской культуры. На данный момент существует острая необходимость в осмыслении полученных данных и в общем системном анализе результатов исследований. Выполненные и публикуемые к данному времени работы, за редким исключением, посвящены отдельно взятым памятникам и историческим эпохам, и следует признать, что превалирует региональный подход в осмыслении результатов. В свете этого остро стоит вопрос об обобщении результатов реализации программы, в первую очередь, на основе трудов ученых, изданных в ходе и по итогам реализации госпрограммы, в которых осмыслены итоги исследований, имеет место усиленная конкретизация истоков каждого отдельно изученного памятника в контексте археологического универсума региона, с выявлением исторической преемственности между теми или иными культурами как в рамках Казахстана, так и в масштабах Евразийского континента.

Также, с учётом того, что археология, по мнению большинства ученых, является одной из ключевых и самодостаточных отраслей исторической науки в том или ином понимании и имеет свои специфические источники и методы их обработки, которые служат достижению по возможности максимально объективной реконструкции истории и исторических процессов в рамках своей хронологической компетенции, в казахстанской науке давно назрела острая необходимость в систематизирующей аналитической работе, нацеленной на теоретико-методологический анализ археологических памятников как исторического источника. В данном конкретном случае осуществляется попытка реализации этого на примере самых масштабных научных археологических изысканий эпохи независимости – исследований в рамках нацпрограммы «Культурное наследие». В свете некоторых моментов сказанного акцентируем, что в мировой науке всё более актуальным становится вопрос о пересмотре принадлежности археологии к исторической науке и

определении ее к категории точных и естественных наук и даже о выделении археологии в локальную научную единицу. Это также требует соответствующих детальных исследований, направленных на выработку итоговых положений, могущих поставить точку в многолетних, достаточно острых прениях, уже порой толкающих историю и археологию к откровенной конфронтации. Выводы представленной вниманию научной работы, конечно, не претендует на истину в последней инстанции и на окончательное решение этой сложной проблемы, над которой бьются уже много лет лучшие умы мировой истории и археологии, но определенно внесут свой вклад в объективную расстановку акцентов.

Степень изученности темы исследования. Историография по теме диссертационной работы достаточно обширна, но большинство исследований носит описательный характер. Суть этого, по большей степени, в том, что основная часть инициированных в годы реализации национальной программы «Культурное наследие» научных работ всё ещё продолжается, и многие из них как раз на том важном этапе, когда происходит сложный процесс осмысления и интерпретации поистине огромного массива данных, собранного на протяжении многих лет. Основная часть имеющихся к этому моменту трудов посвящена археологическим памятникам отдельного географического и административного региона страны либо исторического периода. Имеется определенное количество публикаций по различным отраслям науки, касающиеся хода и итогов реализации национальной стратегической программы, которые в известной степени затрагивают археологические исследования, но мало обобщающих и систематизирующих трудов сугубо по итогам реализации археологического направления.

Исходя из всего сказанного, историографию программы «Культурное наследие», в контексте темы диссертации, можно условно разделить на два раздела. Первый – это научные издания, непосредственно относящиеся к археологическому направлению программы. Второй – общие труды, касающиеся самой программы и других ключевых отраслей науки, культуры, искусства, образования и т.д., так или иначе рассматривающие научные работы археологического характера.

Первый раздел, в свою очередь, можно условно дифференцировать на два этапа: труды, опубликованные в периоды непосредственной реализации программы – 2004-2006 гг., 2007-2009 гг. и 2009-2011 гг. (период первичного накопления материалов) и научные работы с 2011 года по настоящее время, что является временем систематизации, интерпретации и обобщения объема данных по результатам исследований.

Первый этап начального раздела характеризуется заделом широкомасштабных археологических работ и предварительной обработкой полученных материалов. Можно отметить исследования в рамках программы таких ведущих археологов страны, как работы Б.Н. Нурмуханбетова на всемирно известном Исыкском некрополе. Исследователями в ходе реализации первого этапа работ введены в научный оборот материалы

исследований и сделаны предварительные обобщения результатов работ [5; 6]. Одними из наиболее полных исследований в рамках программы являются работы З. Самашева на некрополе Берел в Казахском Алтае – научные изыскания практически непрерывно велись с 1998 года, и пик научно-исследовательских работ приходится как раз на период реализации нацпрограммы [7-16]. Все данные исследований, проведенных в годы функционирования нацпроекта, введены в научный оборот, сделаны предварительные научные интерпретации полученного материала. То же самое можно сказать о других исследованиях З. Самашева – на культово-мемориальном святилище древних тюрков Сарыколь в ВКО [17-19], на святилище Кызыл Уик [20-24], на средневековом городище Сарайшык [25-30] и поселении Токсанбай [31-37] в Западном Казахстане. Отличаются уровнем введения в научный оборот материалов и общей научной информативностью научные исследования А.Т. Толеубаева, осуществлённые на могильнике Шиликты в Восточном Казахстане. Все материалы ежегодных кропотливых археологических исследований введены в научный оборот, произведены соответствующие аналитические обобщения [38-47]. Создание научной школой А.Т. Толеубаева реконструкции костюма Шиликтинского «царя», обнаруженного в 2003 году, стало одним из знаковых для казахстанской археологической науки событий [48]. Важное место в реализации национальной программы занимают этноархеологические исследования С.Е. Ажигали культово-мемориальных памятников Западного Казахстана и многолетние междисциплинарные работы по поиску и исследованию могилы хана Абулхайра [49]. По степени изученности и обработки результатов исследования заслуживают внимания исследования памятника Айбас Дарасы, археологических комплексов Токтауыл и Талдысай в Центральном Казахстане, сакского городища Чирик Рабат в Кызылординской области Ж.К. Курманкуловым, О.А. Артюховой, А.С. Ермолаевой [50-80], работы Ж.К. Таймагамбетова на памятниках каменного века в Южном Казахстане и Жетісу [81-87], изучение В.Ф. Зайбертом знакового памятника энеолита Казахстана и Евразии – поселения Ботай в северном Казахстане [88-90]. Важны исследования М.К. Хабдулиной на средневековом городище Бозок, близ города Нур-Султан [91-96]. Также не менее значительны изыскания в рамках национальной программы У.Х. Шалекенова, К.М. Байпакова, С. Жолдасбаева, М.Е. Елеуова, А.Н. Марьяшева, В.В. Евдокимова, А.Н. Подушкина, Г.К. Омарова, Т.В. Савельевой, В.К. Мерца, А.А. Бисембаева, Е.А. Смагулова, А.З. Бейсенова, А.И. Исина, А.М. Досымбаевой, М.Н. Сдыкова, Э.Р. Усмановой, Ж. Жетибаева, А.А. Горячева, В.В. Варфоломеева, Ж.Е. Смаилова, Ю.А. Мотова, В.Г. Ломана, Г.А. Базарбаевой, Г.С. Джумабековой, А.В. Логвина, Д.С. Байгунакова, Я.А. Лукпановой, Д.А. Воякина, А.А. Ержигитовой, В.С. Волошина, А.А. Плешакова, И.А. Кукушкина, Б.А. Железнякова и огромного числа других исследователей, в том числе и плеяды ученых молодого и среднего поколений – С. Мургабаева, А.Е. Шотбаева, У.У. Умиткалиева, Е.Т. Толегенова, Е.К. Оралбая, Р.С. Жуматаева, А. Онгара, Д.А. Байтлеу, Т.Б. Мамирова, А.М.

Мамедова, Ж.Р. Утубаева, А.А. Тажекеева, Е. Ақымбека, Б.Б. Бесетаева, Б.Б. Кожаметова, А.С. Жунисханова, А.Е. Касеналина, А. Айткали и мн. др. [97-242].

Необходимо отметить, что все без исключения полевые научно-исследовательские работы, осуществлённые в годы работ в рамках нацпрограммы, отличаются высоким профессионализмом, и каждый ученый на должном уровне выполнил поставленные перед ним задачи.

Второй этап указанного раздела является временем подведения итогов и осмысления материалов. Завершение третьего заключительного этапа национальной программы совпало с 20-летием независимости Республики Казахстан, и подведение результатов программы, в том числе и по археологическим исследованиям, стало своего рода итоговым отчётом по научным работам за весь период независимости, в котором, без сомнения, особое место занимают изыскания в рамках нацпроекта.

Здесь, в первую очередь, хотелось бы назвать материалы Международной научной конференции «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы», прошедшей 12-15 декабря 2011 года в г. Алматы и посвящённой 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, в которых были отражены результаты научных исследований основного числа археологических памятников, включённых в реестр нацпрограммы [243].

Весьма информативен в плане подведения итогов по многолетним археологическим исследованиям за период независимости и соответственно за годы работ по нацпрограмме сборник научных статей «Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана», посвящённый 20-летию независимости республики. В сборнике ведущие археологи страны подводят итоги археологических изысканий за годы независимости, и практически все учёные подробно отмечают вклад и значение национальной программы «Культурное наследие» в археологию Казахстана и Евразии в целом, по всем ключевым историческим эпохам [244].

Немаловажное значение в контексте оценки места археологических памятников Казахстана в истории народов Евразии имеют материалы организованной С.Е. Ажигали 2-ой Международной научной конференции «Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии», посвящённой 20-летию независимости Республики Казахстан [245].

Среди обобщающих и систематизирующих работ второго этапа по определённому археологическому памятнику и исследованиям можно назвать монографии В.Ф. Зайберта по Ботайской культуре [246-249], систематизирующие материалы исследований памятников Манкыстау и Устюрта, книгу-альбом С.Е. Ажигали [250], труды З. Самашева по храму-святилищу Кызылуийк, городищу Сарайшык, Берельскому некрополю и другим памятникам ВКО [251-254], сборник избранных трудов А.Т. Толеубаева по проблемам эпохи бронзы и раннего железного века Казахстана, в содержании которого значительное внимание уделено обобщению результатов

многолетних научных исследований [255]. Особое следует отметить фундаментальную работу А.Т. Толеубаева по подведению итогов многолетних научных изысканий на некрополе Шиликты и выделении раннесакской Шиликтинской археологической культуры; в монографии особое место занимают как раз исследования по госпрограмме [256]. Ряд важных сведений по археологическим памятникам Восточного Казахстана и в том числе по исследованным в годы реализации нацпроекта объектам содержатся в монографическом исследовании Г.К. Омарова [257]. Не менее ценны, с позиции подведения итогов реализации национальной стратегической программы, фундаментальные исследования К.М. Байпакова [258-260], А.М. Досымбаевой [261-263], Ж.К. Курманкулова, О.А. Артюховой, А.С. Ермолаевой и др. [264-266], А.З. Бейсенова и В.В. Варфоломеева [267-268]. Одной из немногих работ подводящих итоги археологических исследований по программе «Культурное наследие» по отдельным регионам является статья А.З. Бейсенова и Р.С. Мусаевой, в которой авторы дают оценку археологическим изысканиям по нацпроекту в Центральном Казахстане в контексте развития науки, культуры и образования страны [269].

Значимы в подведении итогов исследований госпрограммы по археологии и древней истории Казахстана публикации Д.С. Байгунакова [270-272].

Второй раздел содержит различного рода исследования обобщающего характера – от академических трудов до массовой публицистики, затрагивающие большинство отраслей науки включённых в ареал целей и направлений программы «Культурное наследие» и касающихся в том или ином аспекте археологических изысканий.

В отдельную категорию можно выделить официальные труды нормативно-отчётного характера, подводящие общие итоги многолетней реализации программы и в том числе в сфере археологии, которые также в определённой степени отражают уровень изученности темы диссертационной работы.

Одним из первых хотелось бы отметить материалы Международной научной конференции «Культурное наследие Казахстана: открытия, проблемы, перспективы», проведённой на базе КазНПУ им. Абая 19 октября 2005 года в г. Алматы, в которых такие учёные, как Т.С. Садыков, М.К. Койгельдиев, С.А. Каскабасов, А.Н. Нысанбаев и мн. др. подводят итоги первого года реализации нацпрограммы, ставят далеко идущие цели и определяют основные перспективы дальнейшей реализации программы. Значимое место в материалах конференции занимает научная информация по археологическим исследованиям, которая также представлена предварительными результатами полевых и камеральных изысканий в рамках программы, имеющимися практическими и методологическими проблемами по процессу исследования и обработки археологических данных и т.д. [273].

В число важных трудов, отражающих результаты и перспективы национальной программы, входят и материалы Республиканской научно-практической конференции «Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия», прошедшей 14 декабря 2005 года на базе КазНУ им.

аль-Фараби. В ходе конференции видные учёные университета и Республики в целом обсудили широкий круг вопросов, касающихся исторического и культурного достояния страны в контексте новой, принятой на тот момент национальной стратегической программы «Культурное наследие»; достаточно значительное внимание было уделено самым разнообразным аспектам исследований археологических памятников Казахстана и Евразии в целом [274].

Среди материалов научных мероприятий, посвящённых реализации направлений и этапов национальной программы, значимое место занимают материалы Международной научно-практической конференции «Вклад ученых КазНУ имени аль-Фараби в реализацию программы «Культурное наследие»: достижения и перспективы развития», проведённой 27 февраля 2009 года на базе указанного вуза. В докладах, представленных во вводных и основных секциях научного мероприятия, ведущие учёные университета и страны, такие, как К.М. Атабаев, А.Т. Толеубаев, К.Т. Жумагулов и другие, отразили комплекс осуществлённых в рамках нацпрограммы научно-исследовательских работ ученых вуза по изучению и сохранению культурного достояния страны. Приведены теоретико-практические аспекты проблем сохранения и популяризации культурного наследия, обозначен круг первостепенных вопросов, требующих научных исследований, дана оценка роли и месту программы в духовно-идеологической жизни Республики и вкладу флагмана отечественного образования и науки в реализацию основных вех общенационального проекта [275].

Огромную важность в оценке вклада госпрограммы в историческую науку Казахстана имеет изданный под редакцией К.М. Атабаева сборник статей «Мәдени мұра» – қазақ тарихының дерек көзі» («Культурное наследие» – источник по казахской истории), где представлен целый ряд аналитических статей по широкому кругу проблем отечественной истории и археологии и значения в их решение нацпрограммы, к примеру, исследования О.Х. Мұхатовой – «Деректанулық көзқарастарды дамытудағы «Мәдени мұра» бағдарламасының орны» (Место программы «Культурное наследие» в развитии источниковедческих взглядов), «Мәдени мұра» бағдарламасы мәселелерін зерттеу: бағыттары мен деңгейі» (Исследование проблем программы «Культурное наследие»: направления и уровень), Г.Е. Сабденовой – «Государственная программа «Культурное наследие» Республики Казахстан и некоторые проблемы средневековья»; «Мәдени мұра» жобасы және шығыстану ғылымының кеңістігі (Проект «Культурное наследие» и пространство востоковедческой науки); The «Cultural Heritage» Strategic National Project the republic of Kazakhstan for primitive archeology (Национальный стратегический проект «Культурное наследие»: первобытная археология), а также другие исследовательские статьи ученых КазНУ им. аль-Фараби по важным аспектам и проблемам нацпроекта [276].

Трудно переоценить значение в оценке роли и места нацпрограммы в отечественной истории и источниковедении изданных в разные годы

исследований К.М. Атабаева: «Мәдени мұра» бағдарламасы және көптомды шынайы Қазақстан тарихы» (Программа «Культурное наследие» и многотомная объективная история Казахстана); «Мәдени мұра» деректанусыз қалды» (Культурное наследие» осталось без источниковедения); «Мәдени мұра» және Қазақстанның тарих ғылымы» («Культурное наследие» и историческая наука Казахстана); «Мәдени мұра» Стратегиялық Ұлттық жобаның орындалуы: екі түрлі түсінік және олардың мәні мен маңызы» (Выполнение национального стратегического проекта «Культурное наследие»: два вида понятий и их смысл и значение); «Мәдени мұра» бағдарламасының деректанулық негіздері» (Источниковедческие основы программы «Культурное наследие») и мн. др. [276, 9-61 бб.].

К кругу значимых обобщающих исследований по результатам реализации нацпрограммы в сфере исторических наук относится аналитическое исследование М.Х. Абусеитовой «Государственная программа «Мәдени мұра» и формирование национальной идеи как основа устойчивого развития Казахстана» [277] и другие работы. В данном случае хотелось бы отметить огромную работу по сбору и анализу источников в зарубежных архивах, проделанную Институтом востоковедения под руководством М.Х. Абусеитовой, которая значительно пополнила источниковую базу истории Казахстана [278].

Вместе с приведенными работами заслуживают внимания следующие публикации, рассматривающие ряд проблем истории и культуры страны в призме нацпрограммы – статья Т. Ташенова, рассматривающая «Культурное наследие» как основу национальной истории [279]; коллективную работу С.Ф. Мажитова, С.М. Сыздыкова и Ж.А. Калиева об историко-культурном наследии тюрков в контексте Центральной Азии и евразийского континента [280]; работа Д. Мынбай о влиянии программы на сознание нации [281]; публикации С. Каскабасова, посвященные целям и задачам второго этапа нацпроекта и оценке уровня исследований культурного достояния [282; 283].

Можно отметить также значительное количество статей научного и научно-публицистического характера, посвященных национальной программе «Культурное наследие» по ряду ее направлений и в той или иной степени касающихся археологических исследований. В их числе статья А. Ассоновой по итогам работ практически по всем ключевым направлениям нацпроекта – от научных исследований в сфере национальной культуры и нововведений в образовании до масштабных историко-археологических изысканий. Приводится обобщающая информация по проведенным на тот момент археологическим исследованиям, как полевого и камерального характера, так и реставрационного направления [284]. Публикация М. Алима о программе «Культурное наследие» Жамбылской области на 2008-2009 годы отражает основные итоги уже проведенных работ и раскрывает актуальность и важность запланированных на тот момент научных исследований и мероприятий по сохранению культурного достояния Жамбылской области, с учётом того, что в пределах указанной административной единицы страны расположено

несколько археологических и историко-культурных памятников республиканского значения, делается особый акцент на имеющиеся и возможные результаты археологических изысканий [285]. Статья К.С. Калыбековой о национальных программах «Культурное наследие» и «Народ в потоке истории» в контексте работы Закона РК «О культуре» – в публикации достаточно подробно описывается ход и основные результаты реализации нацпрограммы и, в том числе, приводятся обобщающие данные по археологическим изысканиям, рассматривается содержательная и целевая преемственность двух важных в духовной жизни страны вышеназванных национальных программ [286]. В работе М.С. Карамановой об основных вехах претворения в жизнь национальной программы и о ее значении в духовном пространстве страны отводится немаловажное место археологическому направлению и результатам работ на памятниках истории и культуры древности и средневековья [287]. В публикации С.С. Кумыспаева о роли государственной программы в изучении социально-гуманитарных дисциплин в условиях глобализации подчеркивается значение археологических памятников как источников по истории цивилизации «Великой степи» [288]. В статье Г.С. Ильясовой о месте историко-культурного наследия страны в системе культурной политики приводится информация по ряду ключевых направлений программы, значимая часть обзора отведена археологическим памятникам и научно-исследовательским работам на памятниках истории и культуры. Всё отмеченное рассматривается с позиции реализации политики государства в сфере науки и культуры [289]. В публикации К. Аязбекова о вкладе в восстановление исторической памяти народа национальных программ и программных трудов главы государства одно из ключевых мест отводится программе «Культурное наследие», и наряду со всеми остальными научными изысканиями весьма корректно и лаконично описаны проведенные археологические исследования на территории страны и зарубежья [290]. Ряд важных статистических и других данных по археологическим изысканиям содержится в статье С.Ф. Мажитова [291]. В работе Г.К. Отарбаевой, А.К. Отарбаевой, С.Т. Мусаевой рассматриваются проблемы сохранения историко-культурного и природного наследия страны, в том числе археологических памятников [292].

Лидирующее положение среди ресурсов, содержащих информацию о нацпрограмме, занимает электронный научно-информационный портал «Мәдени мұра», в контенте ресурса имеется практически вся доступная информация по всем ключевым направлениям нацпрограммы, достаточно подробно описана проведенная работа, раскрыты все основные результаты реализации программы, ведущее место в содержании, безусловно, занимают археологические исследования [2].

Однако ещё раз оговорим, что общего систематизирующего труда по археологическим памятникам, исследуемым в рамках программы «Культурное наследие», непосредственно в качестве источника по истории народов Евразии, на данный момент нет, и следует констатировать недостаточную степень

исследованности темы диссертационной работы.

Объект исследования: труды ученых-археологов самого разного формата – от статей и очерков до итоговых отчетов и фундаментальных аналитических монографий, в первую очередь по включённым в реестр национальной стратегической программы «Культурное наследие» археологическим памятникам, вкуче с исследованиями материальных объектов, находящимися в хронологических и содержательных рамках официальной археологической науки, с научными работами по эстетико-культурному нематериальному наследию по соответствующим эпохам и по теоретико-методологическим вопросам археологии.

Предмет исследования: научные подходы, методология и методы практических и теоретических исследований археологических памятников, находящихся в поле зрения национальной программы «Культурное наследие», в системной связи с широким кругом эмпирических и интерпретационных вопросов археологии в контексте исторической науки.

Цель исследования: обзор и историографический анализ исследований и открытий казахстанских археологов в рамках национальной программы «Культурное наследие» и оценка их источниковедческого значения для истории Казахстана и Евразии в целом.

Для достижения поставленной цели обозначены следующие **задачи:**

– анализ ряда важных вопросов истории изучения археологических памятников в качестве исторических источников, практико-теоретических и методологических основ научного поиска в археологической науке и специфики археологических источников, также оценка археологических памятников, в том числе исследованных в рамках нацпрограммы, в контексте вышеприведенных теоретико-методологических аспектов;

– общий детальный обзор и историографический анализ трудов по исследованиям археологических памятников в рамках национальной стратегической программы «Культурное наследие», по регионам и эпохам, в контексте оценки особенностей и степени реализации научных работ как источников по национальной истории;

– исследование итоговых обобщающих трудов по археологическим изысканиям в рамках программы «Культурное наследие» в контексте оценки их вклада в исследование истории Казахстана и Евразии;

– оценка уровня выполнения основных задач программы по каждой из реализованных тем и направлений и их влияния на научно-культурную, социально-экономическую и другие важные сферы страны.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что такого рода обширные компаративистские исследования на стыке истории, источниковедения и практико-теоретической археологии по итогам реализации национальной стратегической программы «Культурное наследие», на примере включённых в реестр археологических памятников, с привлечением широкого круга теоретико-методологических и практических исследований мировой археологии, проводятся впервые. Также основную научную новизну

представленной работы определяет территориально-географическая масштабность и то, что материалы археологических исследований рассматриваются в качестве источников по разносторонним этнокультурным процессам в истории народов Евразийского континента.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Археология является неразрывной частью исторической науки, со своими специфическими источниками, самостоятельна и не играет подчинённую или диктующую роль в кругу истории и ее дисциплин.

2. Теоретические разработки археологии должны проводиться с учетом региональных особенностей археологии той или иной страны, географического ареала.

3. Археологические памятники, исследованные в рамках национальной программы, в исторической перспективе, в первую очередь, должны рассматриваться как исторические источники, при любом сценарии дальнейшего научного развития археологии.

4. По итогам научно-исследовательских работ на памятниках археологии эпохи камня, в рамках национальной программы «Культурное наследие», учеными установлено, что территория Казахстана была одной из рано заселённых *Homo Sapiens Sapiens* ареалов Евразии и была в числе транзитных центров распространения кроманьонцев по континенту, насельники Казахстана имели производящее хозяйство уже в эпоху неолита (опровергнуто бытовавшее в науке мнение о более позднем переходе к нему), и это связано с миграцией передовых мезолитических племён на территорию страны.

5. Научно-исследовательские работы на памятниках археологии эпохи палеометалла внесли значительный вклад в доказательство учеными того, что лошадь одомашнена на территории современного Казахстана, и ее использовали в качестве тяглового и верхового транспорта уже в эпоху энеолита. На территории Казахстана уже в эпоху бронзы существовали развитые протогосударственные объединения, с передовым на тот момент производством и хозяйством.

6. Исследования памятников археологии раннего железного века внесли существенный вклад в доказательство учеными того, что территория Казахстана в раннем железном веке являлась одним из очагов зарождения и становления скифо-сибирского мира Евразии.

7. Комплексное изучение памятников археологии гунно-сарматского и древнетюркского периодов сыграло значимую роль в доказательстве учеными того, что территория страны в гунно-сарматскую эпоху была одним из импульсных очагов начала Великого переселения народов и трансформации этнокультурной картины Евразии, и что именно на территории Казахстана проходили основные процессы этногенеза современных тюркских народов Евразии.

8. По итогам научно-исследовательских работ на памятниках городской культуры средневековья ученые пришли к выводу, что городская культура средневекового Казахстана по своему происхождению имеет автохтонный

характер и вместе с тем показывает обширные связи с урбанистическими центрами Евразии.

9. Археологическая наука выполнила возложенные на нее национальной стратегической программой «Культурное наследие» научные, социальные, культурно-просветительские и другие задачи.

Методология и методика исследований. Изначально, в ходе научных работ в рамках диссертации, основной упор был сделан на устоявшийся в археологической науке порядок, соответствующую методологию и методы исследований – вводная часть с последующей основной частью, начинающейся с общей характеристики контекстной программы, с дальнейшим подробным описанием процесса археологических работ с заключительной главой, содержащей итоговые обобщения и интерпретацию материалов, с широким применением сравнительного исторического анализа, с использованием по необходимости иных методов исторического исследования. Однако, учитывая шифр специальности, специфику и широту темы, данный порядок научных действий, по справедливости, был признан односторонним, и было значительно пересмотрена вся методология и методика исследований. В свете уже отмечавшихся сепаратных тенденций одной из главных и, признаться, щекотливых задач (учитывая утверждённый шифр и определённый риск конъюнктуры соискателя) диссертации явилось обоснование или опровержение принадлежности археологии к исторической науке, и этому была посвящена первая глава данной работы, в которой для решения упомянутой задачи была использована методология историографических исследований, состоящая из историографического обзора и анализа, вкупе с критикой, с логическими обоснованиями, обобщениями и интерпретациями автора на основе метода логического анализа.

Во второй главе приоритет отдаётся методу содержательного анализа проведённых археологических работ и их интенсивности, региональной специфики памятников и степени выполнения возложенных национальной программой практических задач.

Основным методом исследования последней главы является историографический анализ трудов исследователей с упором на обобщение ключевых выводов. В разделах по раннему железному веку, гунно-сарматскому периоду и по некоторым аспектам раннетюркского времени, входящих в научную компетенцию соискателя, имеются специализированные исследования детализирующего характера как в рамках диссертации, так и в рамках профессиональной практики – применяется спектр научных методов. Это, в первую очередь, сравнительно-исторический – для широкого компаративистского анализа археологических данных, в том числе полученных в годы реализации программы, по отмеченным эпохам с материалами по древней истории и археологии народов Евразии. Также по мере актуальности и необходимости используются следующие методы: а) историко-типологический в ходе анализа общих категорий предметов материальной культуры, явлений и процессов – при актуальности вычленения и научного анализа социально-

экономических и социально-культурных исторических типов носителей культур и диффузионных процессов взаимовлияния в пределах Евразии; б) историко-системный метод – при необходимости анализа структуры и функций, внутренних и внешних связей (морфологии), а также динамических изменений (генезис); в) ретроспективный метод (историко-генетический) – при исследовании вопросов тенденций развития культур, для реконструкции периодов данного процесса в контексте преемственности с культурами последующих исторических этапов, взаимосвязей и взаимовлияния с иными культурами на просторах Евразийского континента как синхронными, так и с обозначениями «пред» и «пост».

Географические рамки диссертационной работы включают всю территорию современного Казахстана и известную часть Евразийского континента, где в рамках исследования по теме диссертации прослеживается связь археологических памятников Казахстана, включённых в реестр программы «Культурное наследие» с историческими процессами древности и средневековья.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2004 года по настоящее время, т.е. с момента официального старта национальной программы, соответственно, археологических исследований в ее рамках и до настоящего времени, вплоть до которого продолжается обработка и осмысление накопленного массива практического материала.

Источники. Основную часть источников диссертационной работы составляют архивные материалы и печатные издания научно-образовательных учреждений Республики Казахстан, публикации ученых-археологов, как руководителей работ, так и исполнителей, непосредственно задействованных в реализации археологического направления национальной программы «Культурное наследие». К ним относятся: 1) годовые и промежуточные отчеты по результатам полевых исследований в рамках программы за период с 2004 года по 2011 год; 2) ежегодные итоговые отчетные публикации в специализированных изданиях по результатам полевых работ в рамках программы с 2004 года по 2012 гг.; 3) монографии, материалы республиканских и международных конференций, сборников, круглых столов, отчетных сессий и иных научных изданий, вышедшие в свет с 2004 года по настоящее время в традиционном и электронном форматах и в которых обобщаются результаты археологических работ в рамках реализации программы «Культурное наследие».

Практическая значимость диссертационной работы обусловлена тем, что рассмотрен, проанализирован и систематизирован обширнейший материал по всем археологическим памятникам, исследуемым в рамках национальной стратегической программы «Культурное наследие», в концептуальной связке с древней и средневековой историей народов Евразии, и это даст возможность использовать результаты исследования при подготовке учебных пособий, разработке туристических маршрутов в рамках развития внутреннего и международного туристического кластера, популяризации культурного

наследия среди широких слоёв населения. Одним из самых важных в практической значимости работы является то, что в свете программной статьи Первого Президента РК Н.А. Назарбаева «Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру» результаты диссертационной работы могут внести весомый вклад в реализацию программ «Туған жер» и «Сакральная география Казахстана», так как в поле зрения нашего исследования находятся одни из самых основных сакральных объектов – археологические памятники, причём всех регионов Казахстана. Помимо сказанного, диссертационная работа вносит ощутимый вклад в осмысление всех основных пунктов ещё одной важнейшей программной статьи – «Семь граней Великой степи». В исследовании в той или иной степени рассматриваются такие ключевые вопросы, как всадническая культура, древняя металлургия, звериный стиль, представители древней элиты, известные широкой общественности под наименованием «золотой человек», древнетюркская цивилизация Евразии, Великий Шелковый путь и мн. др.

Апробация результатов диссертационной работы. Основные положения диссертационного исследования прошли апробацию в шести международных конференциях и изданиях, среди которых 2 зарубежные конференции: прошедшая 27-30 июня 2014 года в городе Прага (Чехия) – X Mezinarodni vedecko-prakticka Konference «Aktualni vymozenosti vedy-2014» и проведённая 12-14 мая 2016 года в городе Анталия (Турция) - 6th World Conference on Educational Technology (WCTER-2016), в материалах указанных конференций опубликованы доклады на английском языке. Две Международные конференции состоялись на территории Республики Казахстан: первая 14-15 ноября 2012 года в г. Актобе – «Кадырбаевские чтения-2012», вторая прошла также в г. Актобе 6-7 октября 2016 года – «Кадырбаевские чтения-2016». Совместно с зарубежным научным консультантом опубликована одна статья в тематическом сборнике – «Археологические исследования степной Евразии», изданном в г. Караганда в 2013 году. Ещё одна статья вышла в свет в 2016 году в международном журнале «Мир Большого Алтая», индексируемом РИНЦ.

В рамках темы диссертационной работы опубликовано три статьи в научных журналах, рекомендованных ККСОН МОН РК: «Известия НАН РК: Серия общественных и гуманитарных наук» 2013 г., № 3 (289), электронный научный журнал «edu.e-history.kz» от 01 октября 2016 г., № 4 (08) и журнал «Қазақ тарихы», 2017 г., № 7.

Одна статья опубликована в индексируемой базой цитирования Scopus международном научном журнале «Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia», 2016, Volume 44, Issue 3, 2016.

Структура диссертационной работы. Исследование состоит из введения, трёх глав, 15 разделов, заключения, списка использованных источников и приложений.

1 ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

1.1 Некоторые вопросы историографии проблемы

В процессе научно-исследовательских работ в рамках диссертации, для полноты общего представления, был осуществлен детальный историографический экскурс, который охватывал период с древности до современности и рассматривал факты намеренного, косвенного и контекстного использования материальных остатков в реконструкции прошлого. Однако, учитывая, что столь обширный обзор выходит за рамки темы диссертационной работы, было принято решение ограничить его с переводом основного акцента на современный этап и на отечественную историографию этого вопроса.

Тем не менее, хотелось бы отметить – проведенные исследования показывают, что общая историография археологии нуждается в серьезной ревизии, в особенности это касается раннего периода становления науки и ее понятийного аппарата, так как многие ставшие догмами «факты», высказанные еще в XVIII-XIX вв. основоположниками современной археологии, без какой-либо элементарной проверки механически повторяются уже на протяжении нескольких поколений. Тому примером, в частности, может служить то, что термин «археология» впервые был использован в V веке до н.э. древнегреческим ученым Фукидидом – первая книга «Истории Пелопоннесской войны» названа им «Археология» [293], а вовсе не Платоном, как все мы привыкли считать, который, как фиксируют ученые, свое произведение «Гипсий Большой» создал в период между 385-375 гг. до н.э. Более того, бытуют сомнения в принадлежности этого труда Платону, некоторые исследователи считают его поздним подражанием и фальсификатом [294, с. 3-6], тогда как науке достоверно известно, что свое произведение Фукидид написал к 400 году до н.э. [295, с. 544-545].

В общем и в целом историю восприятия и использования материальных остатков как информационного источника по прошлому и формирования археологической науки как таковой можно условно разделить на несколько этапов (см. рис. А.2):

– древность – первые факты использования вещественных свидетельств в реконструкции событий прошлого в произведениях ранних авторов, зарождение термина «археология»;

– средневековье – время стагнации всей науки, редкие изыскания, направленные на поиски христианских реликвий и записки путешественников о памятниках старины;

– эпоха Возрождения – подъем науки, первые коллекции и труды в рамках восприятия смысла и содержания вещественных памятников и артефактов;

– новое время – археология как часть античного искусствоведения и антикваристики, первые фундаментальные изыскания практического и теоретического характера, распространение термина «археология», начало

становления археологии как исторической науки;

– новейшее время – стремительное развитие археологии, сложные теоретико-методологические разработки в понимании материальных остатков в контексте источника исторических реконструкций.

В осмыслении археологического материала в качестве исторического источника на текущий день в археологии нашей страны, а также ближнего и дальнего зарубежья прослеживается доминирование ряда научных направлений.

Первое – это собственно археология классического толка, основы которой заложены в начале XX века, ключевая цель – реконструкция истории человечества при помощи изучения материальных свидетельств, само направление не монолитно – ряд научных нюансов и проблем рассматриваются в данной работе;

Второе – это «новая археология», основателями которой можно считать Джулиана Стюарда, Уолтера Тэйлора и Льюиса Бинфорда. Адепты нового течения в археологии подвергли критике сугубо «вещеведческую» и хроноидентифицирующую ориентированность археологов и призвали обратить больше внимания на изучение конкретных культурных процессов; именно по этой причине новую школу принято еще называть «процессуальной археологией» [296, с. 84-85; 297, с. 229-307]. Это течение отличается подходом к пониманию информации, полученной при помощи археологических исследований – если академическая археология в большинстве своем ограничивается лишь точной механической фиксацией информации с последующими общими или узкоспециализированными выводами, и основной целью исследований является датировка памятника и через него культуры или историко-культурной общности, то новая археология предполагала более детальное изучение каждого археологического памятника с позиции системного взаимодействия человека с окружающей средой, как с природной, так и с созданной им самим [297, с. 229-307], т.е. с основой на анализ особенностей психологии, жизненных установок, менталитета и других внутренних качеств людей прошлых времен в естественной для них среде. Провозглашалось, что археология — это антропология, а не историческая дисциплина [297, с. 239].

Третье – это постпроцессуализм или, как его еще называют, постмодернизм в археологии, связанный с именем известного западного ученого Яна Ходдера. Научное течение, состоящее из нескольких традиций археологического исследования, основная идея – тщательное разностороннее изучение самого археологического источника и, как результат, получение максимально возможной объективной информации по разного рода аспектам жизни древних и средневековых культур. Отличие этого учения от процессуальной археологии заключается в том, что при реконструкции прошлого представители «новой археологии» склонны опираться на свой жизненный опыт и мышление, не пытаясь восстановить возможные культурные и др. установки того народа или племени, оставившего изучаемые памятники и артефакты. Постпроцессуальная

археология объединяет в себе такие отрасли, как когнитивная, феминистская, контекстная археология и неомарксизм [298].

Среди ответвлений «новой археологии» весьма интересно такое течение, как поведенческая археология М. Шиффера [297, с. 318-322], основная идея которой – в изучении системы поведения человека при разного рода жизненных ситуациях, согласно выработанным определённым рефлексам и нормам культурного толка и отражение этого в материальных остатках – особенности и закономерности положения и характера элементов культурного слоя, погребального инвентаря и конструкций как исходная познавательная информация. Насколько понятна соискателю суть этого течения. Тут имеются определенные аналогии с поведенческой аналитикой ФБР: исследуя памятник, анализируя и суммируя перманентные и систематические признаки местоположения артефактов, особенностей конструкций и прочего, составляется профиль представителей некой культурной общности со специфической манерой поведения в повседневности и в тех или иных особых условиях (похороны, сезон охоты или страды и т.п.).

На современном этапе Л.С. Клейн выделил ряд неординарных направлений развития археологии; в частности, привлекает внимание так названный «конструктивный радикализм», который пропагандирует мысль, что в изучении археологического материала ученые и любители одинаково субъективны и имеют равные права и возможности в их исследовании. Абсурдность этого достаточно весомо обосновывается автором аналитического обзора [299].

Помимо всего приведённого, в археологической науке имеются другие течения и отрасли, которые представляют собой реанимации угасших научных школ или модернизации имеющихся, теории, формирующиеся под влиянием новых тенденций истории, антропологии, этнологии и т.д. [297].

Необходимо сказать, что на современном этапе, начиная с 90-х годов XX века, теоретико-методологические исследования в археологии, как минимум постсоветского пространства, в рамках анализа археологических материалов как исторического источника, за редким исключением, стагнируют – мало дискуссий, старое поколение уходит. До недавнего времени активно издавал исследования фундаментального характера лишь Л.С. Клейн, без активного оппонирования. В этом заключается одна из причин того, что в российской археологии, по признанию ученых, доминирует концепция о принадлежности археологии к источниковедению [300, с. 9].

Теперь, рассмотрим вопросы вклада ученых Казахстана в понимание археологического материала в качестве исторического источника. И здесь, первым делом необходимо отметить, что подавляющее большинство трудов казахстанских ученых-археологов практического направления связаны с археологическими памятниками определенной эпохи или географического ареала, нет профильных работ, посвященных строго теории археологических исследований. На наш взгляд, причина этого, в первую очередь, лежит в политической составляющей данного вопроса в советское время – всякого рода теоретические обобщения, в частности, древнего периода, обязаны были

основываться на постулаты отцов коммунизма и соотносились с прерогативой идеологии, диктовалась с центра, соответственно, принадлежали сугубо к компетенции ученых центральных учреждений, причем, благонадежных. Это стало генератором того, что большая часть советской археологии, в том числе и казахстанская, развивалась в русле эмпирики.

Тем не менее, отечественные ученые на основе своих археологических исследований, можно сказать, по крупицам реконструировали древнюю историю Казахстана.

Это, в первую очередь, работы А.Х. Маргулана, автора Бегазы-Дандыбаевской культуры [301], Х.А. Алпысбаева, на основе найденных им археологических памятников нижнего палеолита в пределах хребта Каратау расширивший горизонты нашей истории до 1 млн лет [302], К.А. Акишева, автора «Золотого человека», на основе археологических данных доказавшего оседлость усуней и написавшего древнюю историю Жетысу [303, с. 16-113], М.К. Кадырбаева, автора Тасмолинской культуры и исследователя сарматов Западного Казахстана [304, с. 5-12; 305, с. 6-20], А.М. Оразбаева, одного из основателей археологии бронзового века Казахстана [306, с. 7-27, 66-90; 307], У.Х. Шалекенова, легендарного исследователя археологии Казахстана от эпохи ариев до средневековой городской культуры [308] и многих других выдающихся классиков археологической науки нашей республики.

Из трудов отечественных ученых, посвященных теоретико-методологическим проблемам в археологии в контексте понимания и использования материальных свидетельств, в качестве исторического источника следует назвать докторскую диссертацию З. Самашева «Наскальные изображения Казахстана как исторический источник». В работе рассмотрены методологические и общенаучные проблемы изучения одного из самых информативных археологических памятников – широкого круга образцов наскального изобразительного искусства: от писаниц каменного века до этнографических казахских изображений. В частности, проведен подробный историографический обзор становления и развития петроглифоведения в Казахстане, анализ функционального значения, методологии и методов изучения наскальных изображений, проблемы хронологической идентификации, типологии и классификации древних образцов искусства. На основе специфического археологического материала осуществляются исторические реконструкции самого обширного характера [309].

Большое значение для методологии археологии Казахстана имеет фундаментальная монография А.Т. Толеубаева «Шиликтинская археологическая культура». На основе детального анализа объемного материала ученым осуществлено комплексное исследование и обоснование одной из сложнейших категорий в археологической методологии – культуры, на базе археологического материала проведены научно корректные и по максимуму объективные исторические реконструкции. Если говорить подробнее, то в монографическом исследовании, наряду с полным описанием всех исследованных памятников и их конструкционных особенностей, уделено

внимание методологии полевых и камеральных археологических исследований, осуществляется широкий компаративистский анализ шиликтинских материалов в контексте разного рода аспектов истории и культуры скифо-сибирского мира Евразии. Поистине, бесценно для казахстанской науки исследование ученого параллелей между сако-скифскими и казахскими погребально-поминальными практиками в контексте преемственности и, конечно же, произведенное ученым на основе тщательного анализа культурно-хронологических аспектов обоснование Раннесакской шиликтинской культуры [256, с. 15-509]. К слову, на возможность выделения Шиликтинской культуры указывает в своих трудах и один из известных ее соисследователей Г.К. Омаров [257, с. 70-95].

В контексте понимания места и роли материальных памятников в истории и культуре важны теоретико-методологических разработки С.Е. Ажигали по одному из сравнительно новых направлений в науке Казахстана и мира в целом – историческому памятниковедению. Ученым проводится тщательный историографический анализ становления этой отрасли, прорабатываются теоретические и практические проблемы, вопросы методологии и методики исследований, и ставится вопрос о создании и развитии «казахского памятниковедения», с соответствующими структурами в составе научных организаций страны [310-313].

Необходимо сказать и о работах А.М. Досымбаевой, посвященных изучению историко-культурного наследия Казахстана второй половины I тысячелетия н.э. в качестве исторического источника по истории тюркских народов Евразии. Исследователь, на основе данных археологии, этнографии, ВИД и письменных источников производит междисциплинарный сравнительный анализ материального и духовного наследия тюркского культурного комплекса Казахстана, Центральной Азии и Восточной Европы [314].

Весьма ценны с позиции теоретических разработок исследования М.К. Хабдулиной по критериям и понятиям кочевой цивилизации [315], где в качестве исторического источника по обозначенной проблеме привлекаются данные археологии, этнологии, культурологии и социологии.

Вносят свой вклад в решение теоретических проблем археологии и этнологии исследования К.М. Байпакова и М.З. Цинмана по методологии изучения кочевых обществ Евразии [316].

Среди немногочисленных трудов, посвященных методологическим проблемам казахстанской археологии, необходимо назвать исследования Д.С. Байгунакова по разного характера важным вопросам – от историографии археологических исследований до теоретических и методологических аспектов археологии страны. К примеру, в докторской диссертации Д.С. Байгунакова «Ежелгі Қазақстан тарихының тарихнамасы (палеолиттен ерте орта ғасырларға дейін)» (Историография истории древнего Казахстана (от палеолита до раннего средневековья) [317] осуществлен подробный историографический анализ проблем периодизации и хронологии памятников археологии, проведен широкий аналитический обзор трудов исследователей по вопросам культурно-

хронологической атрибуции памятников, освещены актуальные на тот момент теории и концепции по ряду значимых вопросов отечественной истории и археологии, дается оценка роли и места вещественных источников в реконструкции древней истории Казахстана. Помимо сказанного, можно назвать и другие труды исследователя по теоретико-методологическим вопросам истории Казахстана на основе синтеза исторических и археологических материалов – «Көне тарихты зерттеудегі негізгі ғылыми бағыттар» (Основные научные направления исследования древней истории) [318], «О некоторых проблемах методологии исследования каменного века Казахстана» [319], где ученый анализирует проблемы изучения древней истории в контексте данных археологии.

Из последних теоретических исследований, ориентированных на реконструкцию исторических процессов на основе археологических источников, необходимо отметить статью В.Ф. Зайберта «Основные концептуальные положения изучения древней истории Казахстана», в которой ученый на основе данных археологии, с привлечением материалов ряда других гуманитарных и естественных наук, анализирует обширный круг вопросов (природно-климатическая ситуация, периодизация, культурно-исторические процессы в определенный период и т.д.) наиболее сложных в истории Казахстана эпох – каменного века и энеолита [320].

Заслуживает внимания статья Г.А. Базарбаевой и Г.С. Джумабековой «Труды М.К. Кадырбаева как источник по изучению палеосоциологической ситуации населения раннего железного века казахских степей», в которой осуществляется историографический анализ ряда исследований знаменитого ученого-археолога в контексте источника по гендерной ситуации в древности и по некоторым другим важным аспектам социокультуры раннего железного века Казахстана [321].

Стоит заметить, что большая часть приведенных теоретико-методологических исследований вышло в свет как раз в годы функционирования и в последующие периоды осмысления материалов национальной программы.

1.2 Статус археологии как исторической науки в контексте специфики вещественных источников

Археология прошла достаточно долгий и тернистый путь до академической дисциплины со своей источниковой базой, методологией, методикой и прочими неотъемлемыми атрибутами полноценной научной структуры. С интенсификацией развития любой гуманитарной и не только науки закономерными являются процессы и тенденции необходимости пересмотра ее парадигмы и основополагающих положений – цели, задач, предмета, объекта и пр. Не исключением является и археология – уже не раз отмечалось, что на текущий момент довольно остро стоит вопрос о пересмотре места археологии в системе науки или как минимум определения конкретной позиции археологии в кругу исторической науки, вплоть до выделения ее в самостоятельную научную

единицу. Однозначно, что большая часть данных разногласий и иных дискуссионных моментов основываются на специфике археологических материальных источников. Попытаемся проанализировать данную специфику и дать свою оценку конкретному месту археологии в системе науки.

Первым делом, раз речь зашла о возможной смене парадигмы, обратимся к философии науки для оценки вероятности ее научной конверсии в археологии.

Термин «парадигма» введен в философию науки американским ученым Томасом Куном и заимствован из грамматики; в его понимании это комплекс общепризнанных достижений той или иной науки, на основе которых на протяжении определенного периода основывается модель постановки и решения проблем [322, с. 11]. Позже, в виду того, что под парадигмой науки ученые стали толковать отличающиеся от его суждений понятия, он начал использовать обозначение «дисциплинарная матрица» [322, с. 237-238]. Не углубляясь в детализацию сказанного, ориентируемся на основные механизмы смены парадигмы по автору.

По Куну, есть несколько этапов функционирования и развития науки:

– первый – это этап до парадигмы, т.е. период становления определенной отрасли науки и первые шаги в выработке собственной парадигмы;

– второй – это фаза «нормальной науки», или период доминирования общепринятой парадигмы, посредством которой решаются и объясняются возникающие аномалии той или иной науки;

– третий – это период кризиса «нормальной науки», когда аномалии уже необъяснимы или считаются необъяснимыми парадигмой доминантой, и появляются альтернативные теории и ее адепты, предлагающие новые, на их взгляд, более функциональные парадигмы;

– четвертый – это научная революция, когда одна парадигма сменяет другую [323, с. 195].

Весьма интересно, что процессы появления и смены парадигмы, наряду с весомыми научными доводами, объяснимы простыми примерами оптических иллюзий, когда в том или ином изображении можно узреть два образа или персонажа, и это аллегорически передает то, что разные парадигмы не в состоянии прийти к единому согласованному мнению [322, с. 151-156]. Рост числа последователей той или иной парадигмы, по Куну, основывается на простой вере в ее истинность, без убеждения и доказательств [322, с. 195]. И Кун, основываясь на мысли М. Планка, считает, что смена парадигмы происходит не в силу доказательства истинности одной и ошибочности другой, а элементарно в результате физического ухода представителей старой и доминирования поколения адептов новой [322, с. 199-200].

Укладывается ли археология в приведённые этапы развития науки? Однозначно, да – есть допарадигмальный период, имеется этап относительного единения научных взглядов, и на текущий день, в зависимости от состояния науки той или иной страны или части света, мы имеем возможность наблюдать определённый кризис в парадигме археологии, который может привести к ее смене. И тут важен вопрос – можно ли считать тенденции к кардинальному

пересмотру места и статуса археологии в поле исторической науки аномалией, ведущей к научной революции? Тоже да – ее вывод из сферы истории, безусловно, возможен лишь при смене парадигмы.

Теперь посмотрим на потенциальные возможности и на имеющиеся место зачатки процесса научной революции в археологии по некоторым отдельным регионам мира.

Как уже сказано, есть несколько основных направлений развития современной археологии – традиционная археология, как часть исторической науки, процессуальная археология и ряд ее ответвлений.

Первая доминирует в пределах Евразии, в том числе и на постсоветском пространстве. Ряд научных теорий, возникших внутри нее, предпринимают попытки отделиться в отдельную структуру или перейти под патронат других отраслей и дисциплин науки. Одним словом, под влиянием вышеназванных американских научных течений и на основе специфики археологических источников адепты этих теорий склонны к дифференциации археологии от истории и соответственно к смене ее парадигмы. Это, в первую очередь, идеи Л.С. Клейна о чуждости археологии истории и о соотнесении ее к источниковедению. Как мы уже отмечали, эта теория на данный момент превалирует в российской археологической науке, и это произошло в точности, как высказал Т. Кун, цитируя М. Планка – ушли его оппоненты, и в силу общей распространенности и легкой доступности его работ теория доминирует и ведет к смене парадигмы. Можно даже предположить, что Л.С. Клейн, прекрасно знакомый, как с трудами М. Планка, так и с работами Т. Куна [297, с. 350], это и предполагал, вкладывая все свои силы в издание и широкое распространение фундаментальных трудов в последние десятилетия.

Казахстанская археология, безусловно, всё ещё находится в орбите традиционной и переживает этап «нормальной науки». Причина этого, по всей видимости, в том, что ученые осознают оптимальность данного толка археологии для реалий истории и культуры страны, но также немаловажную роль играет и то, что у нас практически отсутствуют теоретическая археология и исследования всё еще осуществляются в инерционном потоке традиционной археологии, истоки которой берут начало в советском периоде. Как бы там ни было, это не гарантирует полной безопасности отечественной археологии от новомодных влияний, учитывая усиливающуюся интеграцию с археологией западных стран и тесные связи с наукой соседней России. Наша наука в один день может быть поставлена перед фактом срочного перевода археологии в сферу антропологии или, как минимум источниковедения, с механической сменой парадигмы, без учета реалий и местной специфики. Во избежание этого, необходимо развивать сферу теоретико-методологических разработок и активно включаться в процессы мировой теоретической археологии.

Процессуальная археология и ее ответвления господствуют в археологии США и оказывают активное влияние на науку других частей света. На наш взгляд, согласно специфике археологии Нового света, которая изначально была отнесена к антропологии, их подходы в исследовании собственных

археологических источников не ведут к смене парадигмы, а лишь к трансформации и модернизации методологии и методов археологического исследования. Другое дело, когда они пытаются проецировать свои идеи на другие части света, где использование их парадигмы мало эффективно, так как исследовать в рамках антропологии локальные культуры, которые полноценно дополняемы данными нового и новейшего времени (взять хотя бы поведенческую археологию – этнографические и социологические исследования культуры и быта индейцев в естественной среде могут быть краеугольной основой составления профиля древнего американца) – это рационально, а вот пытаться это сделать там, где по историческим меркам слишком часто происходила полная смена всей второй реальности и ее создателей, как минимум, нецелесообразно. Если идеи американской археологии будут приняты в мире, то это и будет настоящей научной революцией, кардинальной сменой парадигмы. Более чем очевидно, что «новая археология» и возникшие на ее основе направления набирают всё большую популярность, и, если согласиться с Т. Куном, смена парадигмы археологии вполне вероятна, и это произойдет не на основе правоты и рациональности их взглядов, а в силу роста числа их сторонников. Это, безусловно, субъективно, но более чем реально, и единственный метод защиты – стоит обратить внимание на обоснование и популяризацию объективной для археологии той или иной страны парадигмы среди молодого поколения ученых.

Однако, это не значит, что мы должны воспринимать методологию и методику новых веяний в археологии в штыки и относиться к ним с позиции радикальной конфронтации. Многие теоретико-методологические наработки «новой археологии» могут с определённой степенью адаптации и с оглядкой на региональную специфику использоваться при исследованиях древней, средневековой и современной культуры Казахстана. Тем более, что есть немало аспектов, способствующих этому – традиционное хозяйство, которое находит прямые исторические аналогии как минимум до эпохи бронзы, и тесно связанный с ним культурный мир казахского народа. Одним словом, пользуясь данными этнографической современности и текущего дня, мы имеем достаточно обширные возможности для попытки реконструкции поведенческой системы и психологии древних насельников Казахстана, но подчеркнём – отдельные возможности применения исследовательских методов и методологии не дают оснований к смене парадигмы археологии.

Продолжая мысли в контексте места и статуса археологии, отметим, что основное число ученых в исследовании этого вопроса опираются на теоретико-методологические разработки археологии и в большинстве случаев оставляют без внимания позицию непосредственно исторической науки и профессиональных историков, разве что за исключением начального периода развития археологии, когда нередко ученые были универсалы истории и археологии.

Обзор исторической теоретико-методологической и источниковедческой литературы показывает, что позиция ученых-историков и философов истории в

восприятию и трактовке археологии и ее материалов также не столь однозначна (см. рис. А.3), в целом, в исторической науке фиксируются следующие точки зрения:

– как вспомогательной исторической дисциплины (ВИД) и части источниковедения, это имеет место и на заре становления науки [324], и на современном этапе, причем, не только в самой истории, но и в археологии. Представители этой трактовки, в основном, бытовавшей в начале XX века, когда только происходило академическое становление археологии, считали, что ее предназначение – это сугубо вещеведение, а историческую информацию из образцов материальной культуры могут и должны вычленять только историки. Это, в частности, ясно прослеживается по работам российского историка Н.И. Кареева, который однозначно отводит археологии роль ВИД и раздела источниковедения, полагая, что разработки, которые шире физических свойств вещей, принадлежат компетенции истории [325, с. 380-382]. Касательно принадлежности археологии к ВИД – в условиях современного уровня ее развития, это однозначно ошибочно, так как содержание и влияние археологии гораздо шире дисциплины вспомогательного характера; более того, она обладает полным доминированием в исследовании древних эпох и значительным весом в изучении средневековой, новой и даже новейшей истории (этноархеологические изыскания) определённой части мира, где сама историческая наука зачастую играет роль ВИД. Осуществлять исторические реконструкции на основе вещественных источников в силах только археологи, за очень редким исключением историки лишь получают готовые выводы. Да, бесспорно, археология имеет самое непосредственное отношение к источниковедению, но не ограничивается ею, так же, как и история; если следовать логике соотнесения по значению источников, то можно и последнюю попытаться включить в источниковедение;

– как дисциплины исторической науки (ДИН), т.е. как полноценную отрасль истории со своим объектом исследований, однако и здесь подчёркивается определённый дополняющий или подсобный характер археологии через общую трактовку понятия ДИН [326]. Если не обращать внимания на это, то сказанное наиболее близко к содержанию и потенциалу археологии. Вероятно, выражаемая подчиненность археологии в коей-то мере влияет на желание некоторых ее представителей отделиться в независимую науку, так как они считают, что их исследования не дополняют, а творят историю на основе вещественных источников. Здесь мы имеем дело с практически тупиковой ситуацией – признавая историчность своих исследований, выступать против принадлежности к исторической науке – это, по крайней мере, нонсенс. Итоговые выводы по этому вопросу сформулируем в течение и в заключение данного раздела;

– как специальной исторической науки, наряду с источниковедением, исторической географией, историографией и этнографией, по мнению ученых, эта точка зрения перекликается с позицией отнесения археологии к источниковедению и к вспомогательным наукам, ранг которых несколько

выше, чем у ВИД [327, с. 5];

– как отрасли антропологии, со своими источниками, специальной методологией и методикой исследований [328, с. 33-43].

Первые три представленные трактовки археологии характерны для европейской и постсоветской науки, и их объединяет то, что они в том или ином понимании считают археологию неотделимой частью исторической науки.

Последнее определение присуще американской археологии и последователям американских научных школ в разных частях мира.

Почему безоговорочная принадлежность археологии к исторической науке в пределах по крайней мере Евразии и постсоветского пространства стала аксиоматичной в представлениях ученых и широкой общественности, и почему это оспаривается некоторыми учеными, в первую очередь, профессиональными теоретиками археологии? Насколько логично определение археологии к антропологии американской и др. наук? Все-таки что ближе к истине? Обратимся, в первую очередь, непосредственно к понятию источника в исторической науке в призме восприятия специфики материальных свидетельств.

Бытует ряд вариаций трактовки понятия исторический источник, и все они в основе своей однозначно относят к категории исторических источников материальные памятники и артефакты. Рассмотрим некоторые формулировки классиков мировой исторической науки, профессиональных историков, историографов и источниковедов. К примеру, немецкий историк XIX века И.Г. Дройзен считал, что исторические источники подразделяются на «остатки» и «предания»; в категорию остатков он включал широкий круг источников от материальных до документации административного характера, т.е. археологические материалы однозначно отнесены к историческому источнику и даже поставлены в один ряд с письменными источниками. Подобное видение места материальных источников прослеживается и в трудах последователей И.Г. Дройзена. Конечно, на текущий день такого рода формулировка практически устарела и не выдерживает критики, но, по мнению ученых, «рецидивы» все еще бытуют в исторической науке. Специфику материальных источников И.Г. Дройзен и его ученики видят в том, что они созданы в ходе исторического события и не дают повествовательную информацию – она получается из контекста путем логических построений [329, с. 28-30]. В трудах немецкого ученого можно четко проследить основы безапелляционной принадлежности археологии к истории, даже более того, они рассматриваются как одно целое, т.е. материальные свидетельства однозначно считаются историческими.

Английский историк XIX века Эдвард Фриман относит материальные свидетельства к группе монументальных исторических источников в категории вспомогательных [329, с. 34]. Вероятно, это можно считать началом восприятия археологии и ее источников как вспомогательной к самой истории дисциплины.

Классик российской исторической науки и археологии А.С. Лаппо-

Данилевский выделил три категории исторических источников – памятники языка, памятники словесности и письменности, вещественные памятники [330, с. 116]. В отличие от историков, которые более склонны к оценке археологии как подсобной отрасли, А.С. Лаппо-Данилевский подчеркивал важность, незаменимость и первостепенность вещественных источников в реконструкции истории и их особое место в спектре исторических источников [60]. Сформулированное им понимание исторического источника [329, с. 94] актуально по сей день и с некоторыми корректировками и дополнениями широко используется учеными.

Кроме вышеназванных ученых ближнего и дальнего зарубежья, в качестве примера понимания археологических материалов как исторических источников можно назвать классификации Л.Н. Пушкарева, который выделяет тип вещественных источников и понимает под ними широкую категорию памятников – от археологических материалов до личных предметов исторических личностей и вещей, имеющих отношение к событиям нового и новейшего времени [331, с. 194, 195], О.С. Шмидта, в классификации которого археологические материалы рассматриваются в общей категории вещественных, наряду с образцами материальной культуры нового времени и современности [332, с. 21], И.Д. Ковальченко, однозначно включающего в четыре выделенные им категории исторических источников вещественные и считающего, что историческим источником может быть только материально зафиксированная информация [333, с. 135, 136].

В качестве подведения итогов данного краткого обзора отметим, что современные российские источниковеды, в рядах которых такие известные в исторической науке ученые, как И.Н. Данилевский, О.М. Медушевская, В.Ф. Румянцева и др., на основе широкого историографического анализа считают, что в мировой науке в той или иной передаче, но в идентичной смысловой нагрузке бытуют два определения исторического источника. Первое – это комплекс объектов, в содержании которого отражен исторический процесс и которые свидетельствуют о прошлом человечества [329, с. 90], т.е. тут имеется в виду широкий круг явлений, от археологических памятников и письменных источников до природных факторов. Второе – *«исторический источник - обьективированный результат творческой деятельности человека / продукт культуры, используемый для изучения / понимания человека, общества, культуры как в исторической, так и в коэкзистенциальной составляющих»* [329, с. 93, 94]; это как раз и есть модернизированная мысль А.С. Лаппо-Данилевского и, по мнению исследователей, наиболее приближенная к объективности понимание исторического источника.

Историческая наука Казахстана также не отделяет археологию от истории, признавая за ней специфику источника, собственные методы исследований и самостоятельную научную парадигму. Отражение этого можно увидеть в трудах известного источниковеда и историографа казахской истории, д.и.н., профессора К.М. Атабаева, где отмечается роль и место археологических источников в истории Казахстана [334; 335; 336]. Классик отечественного

источниковедения считал археологию неразрывной частью исторической науки, ценил ее источниковедческий потенциал и сетовал, что в отечественной археологии практически отсутствует теоретическое направление, которое следует развивать в тесной связи с казахстанскими материалами. К слову, самим К.М. Атабаевым проделана колоссальная работа по источниковедению нашей страны именно с основой на материалы отечественной истории, и на основе своих исследований ученый, основываясь на источники по истории Казахстана, выделяет следующие типы исторических источников: письменные источники – от этнографических данных до разного рода графологических документов; изобразительные источники, состоящие из образцов художества и произведений искусства широкого круга; устные источники – от современной разговорной речи до образцов вербального народного творчества, фоновые источники – музыка, песни, композиции и прочее: традиционно-обрядовые источники – традиции, ритуалы, суеверия и поверья, имеющие место в быту и в других сторонах жизни казахского народа, также практика устной генеалогии и, наконец, вещественные источники, которые включают в себя материальные памятники, от археологических объектов до образцов машин и техники поздних периодов. Также ученый отмечает наличие смешанных и синкретичных типов источников, которые могут содержать признаки всех названных типов [335, 26 б.; 336, 30 б.].

Суммируя приведенные научные трактовки вещественного источника, становится очевидным, что в понимании историков археологические свидетельства соответствуют историческим – они есть результат культуры и творчества, используются для изучения человека и его общества во всех имеющихся смыслах. Специфика их в том, что они представлены материальными остатками и дают информацию контекстного характера, а история работает, в основном, с источниками, отражающими прямые сообщения.

Далее, почему американская наука относит археологию в научное поле антропологии? Корни этого следует искать в истоках развития этой науки на американском континенте. Связано это с деятельностью Бюро Американской Этнологии и с основанием антропологической школы Франца Боаса, главной целью которых было исследование автохтонного населения Америки [337, с. 213]. Одним словом, американская археология изучает культуры индейцев, которые развивались локально и до прихода колонизаторов были на стадии каменного века, хотя и достигли возможного в условиях отмеченного периода пика развития, т.е. американская археология – это только археология эпохи камня. Она тесно связана с антропологией, этнологией, лингвистикой, так как изучает локальные культуры, дошедшие в изолированном виде до этнографической современности, и их история не превышает 15-25 тыс. лет [338] – конец верхнего палеолита (по хронологии Евразии). По сути, американская антропологическая археология – это этноархеология. В определении археологии к антропологии в американской науке не последнюю роль сыграло однообразие в орудиях труда, которое привело к сложностям в

периодизации археологических памятников и вынудило ученых основываться по большей степени на методы естественных наук, в первую очередь геологической стратиграфии [296, с. 72]. Очевидно, что американский пример не подходит к Евразии – обширная территория с интенсивными и мощными миграционными процессами, как внутри континента, так и с охватом практически всех других частей земли, в том числе Америки (приход сюда людей по Беринговому перешейку), антропогенез ее порядка 2 млн. лет, огромный массив живых и мертвых культур, сложнейшая история социогенеза, этногенеза, религиогенеза и прочее. Однозначно, что всё вышесказанное гораздо объемней рамок антропологии, этнологии и иных профильных направлений. Наверное, для расширения горизонтов следует весь комплекс гуманитарных дисциплин, вместе с самой исторической наукой, включить в состав антропологии. Коротко говоря, пример Америки неприменим к подавляющей части археологии Евразии и не может служить прецедентом ее отделения от исторической науки.

Что касается науки нашего континента, то очевидно, что, за исключением определения конкретной позиции археологии в границах самой исторической науки и оценки важности ее источников, археологические материалы в той или иной трактовке исторического источника однозначно принимаются всеми историками как полноценная составляющая этого понятия, соответственно, археология рассматривается как часть исторической науки.

Далее, может ли мультидисциплинарность археологических исследований быть аргументом в вопросе отделения археологии от истории и отнесения ее к кругу естественных наук? В этом свете кратко рассмотрим вопрос о статусе археологии в контексте междисциплинарности самой исторической науки.

Историческая наука, генерирующая в себе комплекс дисциплин самого разного характера и в ходе реконструкции процессов прошлого синтезирующая информацию из широкого круга источников, по своей сущности полидисциплинарная наука. Она органично совмещает в себе ряд дисциплин и направлений, в том числе и археологию [339, с. 30-31], которые, по большей части в своей основе, также междисциплинарные. Историческая наука на пути достижения своих целей и решения задач вступает в разного рода связи с самым широким кругом естественных и гуманитарных отраслей науки – биология, экономика, филология, психология, география, экология, химия, физика, математика, информатика и т.д. Это происходит как в процессе использования данных этих наук в исторических реконструкциях, так и в ходе обработки своих источников. К примеру, информационный подход к обработке письменных исторических источников на основе цифровых и компьютерных технологий [340; 341]. Тесное взаимодействие истории с другими отраслями приводит к появлению новых синкретичных направлений, как историческая информатика, историческая антропология, историческая география, историческая психология и мн. др. И не удивительно мнение, что историческая наука, в силу своей междисциплинарности, стоит вне круга гуманитарных наук [342, с. 12].

Однозначно, что критерий мультидисциплинарности археологии не может быть доводом в обосновании необходимости отделения, а как раз наоборот.

В исторической науке также имеют место быть тенденции к пересмотру или модернизации парадигмы в силу расширения исследовательского поля и роста задач, не последнюю роль в этом играет и потребность во взаимодействии и интеграции со смежными и другими отраслями науки. Рассматривая всё вышесказанное в системной связи, путем анализа внутреннего содержания и компетенции исторической науки ученые приходят к выводу, что она интегральная наука, в поле зрения которой события и результаты их исследований всех находящихся в ее поле дисциплин [342, с. 14]. К схожим выводам приходят в своих исследованиях философ истории Е.В. Гражданников и археолог Ю.П. Холюшкин (см. табл. 1), тщательный системный анализ которых привел к результатам, что археология с письменной историей образуют основу исторической науки (в целях отделения от общей естественной истории ученые применяют термин «гуманитарная история»). Обе эти науки интегрированы друг в друга до такой степени, что взаимно замещаемы на определенных хронологических этапах. ТанDEM письменной истории и археологии стоит над тройкой наук – этнография – источниковедение – филология, с каждой из которых они взаимодействуют согласно своей компетенции и на основе своих исследований. Они, органично дополняя друг друга, строят диахронную цепь прошлого – первобытная история, древняя история, история средневековья, новая и новейшая история. Справедливо отмечено, что нет четких границ перехода от археологии к письменной истории, для каждого региона она может быть индивидуальной, и в определённые периоды превалирует роль одной из них [343, с. 112-113].

Таблица 1 – Классификационная схема статуса археологии в системе исторической науки по Е.Д. Гражданникову и Ю.П. Холюшкину.

ОБЩАЯ ИСТОРИЯ					
АРХЕОЛОГИЯ			ПИСЬМЕННАЯ ИСТОРИЯ		
ЭТНОГРАФИЯ		ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ		ФИЛОЛОГИЯ	
ЭТНО АРХЕОЛОГИЯ	ЭТНИЧЕСК. ИСТОРИЯ	ИСТОЧНИК ВЕЩЕСТВ. ПАМЯТНИКИ	ИСТОЧНИК ПИСЬМ. ПАМЯТНИКИ	ФИЛОЛ. МЁРТВЫХ ЯЗЫКОВ	ФИЛОЛ. ЖИВЫХ ЯЗЫКОВ
ИСТОРИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ					
ПЕРВОБЫТНАЯ ИСТОРИЯ	ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ	ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ	НОВАЯ ИСТОРИЯ	НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ	

Итак, как определяется статус археологии в контексте междисциплинарности, и какова его оценка с позиции исторической науки? Тут

мы полностью согласны с мнением известного специалиста в области взаимодействия истории с точными науками – одного из основателей отечественной исторической информатики С.А. Жакишевой, что история – это комплексная наука-интегратор [339, с. 33-35], выше которой только трансдисциплинарные науки, как философия. А археология в составе супрадисциплинарной исторической науки – это самостоятельное междисциплинарное направление.

Казалось бы, все предельно ясно, корректно, логически верно, и нет никакого повода к каким-либо дискуссиям: археология – самостоятельное направление в составе науки-интегратора истории, и ее источники - однозначно исторические источники. Эти высказанные положения известны многим, и для непосвященного человека любые сомнения и т.д. кажутся излишними. Однако, как уже говорилось, в среде теоретиков археологии имеются и распространяются тенденции к пересмотру места археологии в системе науки. Рассмотрим это подробнее, но для начала остановимся на общих проблемах археологического источниковедения в контексте специфики источника и ряда других важных вопросов.

По мнению ученых, с которым мы согласны, в археологическом источниковедении достаточно бесспорным является лишь то, что археологические источники – это материальные остатки прошлого и труды ученых в рамках их изучения. Выделяется три проблемных направления источниковедения археологии. Первое – это собственно проблема соотносимости археологических источников к историческим [344, с. 68], в свете того, что они представляют собой безмолвные материальные остатки, и в них нет прямого текстового сообщения. Второе – это специфика археологических источников, которая, по мнению исследователей, выражается в оценке их объективности; здесь мнение ученых разделяется – если одни считают, что вещественные свидетельства строго объективные, то другие обосновывают их субъективность [344, с. 69]. Если смотреть с отмеченной позиции, что археологические источники – это материальные свидетельства и результаты их исследований, тут правы обе стороны, так как археологический артефакт может нести объективную информацию, а более широкие выводы на его основе исследователя могут быть субъективны. К примеру, найденные в ходе раскопок изделия, недвусмысленно указывающие на назначение, взять хотя бы мотыги со следами сработанности – они говорят о том, что люди, оставившие этот памятник, были знакомы с земледелием, и это объективная информация, но дальнейшая экстраполяция этого на весь хронологический этап, культуру или регион и умозаключения о характере всего хозяйства лишь на указанной основе, несомненно, имеют долю субъективности. Однако есть немало артефактов, предназначение которых неизвестно в силу выхода из употребления в настоящем и забвения, кроме фиксируемой разными методами информации о материале, о дате и т.п., и большая часть интерпретаций будет субъективной. Сказанное отмечается, в частности, Л.С. Клейном, который считает главной спецификой археологического источника так называемый

двойной разрыв [345, с. 61]: *в традициях* прошлого и настоящего, когда, допустим, забывается назначение той или иной вещи или утрачивается изначальная семантика в искусстве – это наглядно проиллюстрировано В.Т. Плахиным [346, с. 24-25], *в объективации* – это разрыв между реальным содержанием артефакта и идеями ученого, которые возникли на его основе [345, с. 61]. Тогда как у источников других исторических дисциплин и самой истории, якобы, фиксируется всего лишь один разрыв, и это второй из приведенных, а первый отсутствует или выражен не очень сильно и преодолевается не так болезненно, как в археологии [345, с. 61, 62]. Кроме сказанного, к специфике археологических источников относится то, что они оставлены «мёртвыми культурами», которые больше не функционируют, и то, что археологический источник может быть прочитан всего лишь один раз [344, с. 69, 70]. И, наконец, третье – это проблемы взаимодействия с источниками естественных и точных наук [344, с. 70]. Здесь следует назвать дискуссионные результаты статистико-комбинаторных исследований в археологии, корректность данных, уже отмечавшихся, процессуальной археологии и ее «дочерних» направлений, базирующихся на антропологии, лингвистике, этнологии и психологии, объективность итоговой информации по датированию методами физики, биологии и геологии, корректность методов географии и химии в археологии и многое иное.

Очевидно, что основные проблемы археологического источниковедения концентрируются вокруг ключевого вопроса об историчности источников археологии и ее принадлежности к исторической науке. Теперь перейдём к конкретным позициям ученых-археологов в понимании места археологии в системе науки.

Уже не раз упомянутый гигант мировой теоретической археологии, Л.С. Клейн считает, что археология, хоть и служит интересам истории, она вообще ей «не родственна» по природе и более соотносима с источниковедением, вспомогательными историческими дисциплинами, близка естественным наукам и даже по своей сути является криминалистикой, аргументируя это тем, что у археологии и истории разные задачи. Археология лишь приносит сырой материал для истории, и по предмету и объекту, а также методике исследований кардинально отличается от исторической науки, утверждая, что археология по своим методам и образу действий – это «следователь», а история – «судья» [347, с. 5, 6], т.е. археология лишь добывает материалы, если говорить языком юстиции – доказательную базу, а вердикт выносит история.

При всем уважении, во-первых, не вполне понятна логика ученого, когда он в категоричном тоне говорит о «не родственности» археологии и истории, отнеся первую к источниковедению, хотя близость (если говорить языком ученого, «родственность») истории и источниковедения более чем очевидна, и последняя не то что «родственна», а является краеугольной основой истории. То же самое касается и ВИД, которые, безусловно, не чужды истории. Очевидно, что ученый имел в виду более родственна источниковедению, чем истории. Однако, читая категоричные утверждения ученых о сугубо

источниковедческой природе археологии и чуждости истории, может создаться впечатление, в особенности у неискушенного читателя, что источниковедение – это некая далекая от истории наука из категории астрофизики и т.п.

Во-вторых, касательно роли археологии как поставщика материалов или сборщика доказательств, С.А. Васильев [348, с. 696] справедливо отметил, что оценка синтезирующей роли истории слишком преувеличена, и не существует синтезирующих (*выносящих вердикт* – прим. моё) историков – все археологические материалы от А до Я обрабатываются археологами, они и собирают базу, они и выносят вердикт. К тому же, как верно подметил украинский ученый С.В. Смирнов, разделение одного материала между двумя дисциплинами ведет к нарушению их взаимосвязи [349, с. 37]. Разделив одну задачу между историей и археологией, используя аллегорию самого Л.С. Клейна, мы рассечем кентавра, и получится у нас половина коня и половина человека, т.е. нечто неполноценное. То, что археология гораздо шире источниковедения и иных прикладных дисциплин, достаточно убедительно обосновывает и Я.А. Шер, который также подчеркивает неясность того, как точно понимает Клейн источниковедение [350, с. 121-123].

В-третьих, следует признать, что мнение о близости археологии и криминалистики не лишено логики, но эта схожесть больше механического и процедурного характера – метод эксгумации, фиксация места события, экспертизы, трасология орудий и иные лабораторные исследования. Первая служит юстиции и правопорядку, зачастую ограничена в своих изысканиях одним конкретным эпизодом, телом или максимум серией периодических или аналогичных преступлений, могущих не иметь между собой ничего общего, тогда как археология ставит перед собой более широкие задачи в значительных географических, хронологических и иных масштабах, где все в той или иной степени взаимосвязано в территориальном, во временном и иных аспектах, со сложной системой межпериодных и транзитных связей. Криминалист строго фиксирует материал и передает результаты эксгумации, лабораторных и др. исследований уполномоченным лицам, а археолог, если уж продолжать в заданном духе, это сотрудник оперативных служб и сил быстрого реагирования, он и эксперт-криминалист, и одновременно агент-аналитик отдела поведенческого анализа, а также следователь и судья в одном лице.

Можно констатировать, что доводы Клейна не вполне убедительны в отделении археологии от истории и в основном перекликаются с вышеуказанным мнением ученых-историков первой половины XX столетия о принадлежности археологии к историческому источниковедению, и, видимо, именно в них следует искать их корни.

Понимание Л.С. Клейном археологии как источниковедения в советской и постсоветской археологии разделяются В.С. Бочкаревым, Г.С. Лебедевым [349, с. 39], А.В. Евглевским, В.М. Аниковичем. Последний ученый указывает, что пришел к этому выводу другим путем и не является последователем Клейна [351, с. 291; 300, с. 9, 10].

В пределах научного сообщества дальнего зарубежья археологию относят к

источниковедению немецкие ученые Г. Булле, Г. Нимейер, американские археологи И. Роуз [352, с. 44] и П. Курбен [353, с. 7].

Также в контексте прикладного характера археологии и отнесения к источниковедению существует мнение о принадлежности археологии к категории ВИД, это можно проследить в мыслях советского археолога А.Л. Монгайта [353, с. 7].

Со своей стороны отметим – то, что археология имеет отношение к источниковедению, понятно и не оспаривается; также ясно, что археология гораздо шире источниковедения и ВИД и не может быть ограничена ими.

Наряду с мнением о принадлежности археологии к источниковедению, в научной археологической среде также бытуют представления, что археология при определенной историчности более соотносима с другими отраслями науки. К примеру, вышеупомянутый С.А. Васильев, оппонировав Л.С. Клейну, признает принадлежность археологии к историческим наукам, в том плане, что это наука о прошлом, ставя ее в один ряд с палеонтологией и исторической геологией, отмечая близость письменной истории к ряду отраслей археологии. Он склонен отождествлять первобытную археологию с антропологией как наукой о человеке и его культуре в контексте взаимодействия с окружающей средой [348, с. 696]. В первых сравнениях, наверное, маститый ученый имел в виду нечто более сложное в плане философии науки, так как легко увидеть, что цели и задачи палеонтологии, исторической геологии и археологии, по крайней мере, для науки постсоветского пространства, в принципе не сопоставимы. Первые сугубо естественнонаучны – изучение древних форм жизни, в том числе человека, как элементов биосферы и исследование истории развития земной коры, тогда как археологию интересуют все стороны жизнедеятельности человека и общества через материальные источники. Как было уже сказано, по нашему мнению, отнесение археологии к антропологии (в понимании науки Нового света) будет корректно, если говорить строго об американском, австралийском континенте или иной изолированной территории с непрерывным развитием вплоть до современности, с непродолжительным, по историческим меркам, процессом антропогенеза. Как уже было отмечено, в целом отнесение евразийской археологии к антропологии будет как минимум нецелесообразным, хотя, надо признать, для археологии каменного века всех континентов наблюдается достаточное однообразие в материальной культуре (в сравнение с другими эпохами), и они могут рассматриваться в общей плоскости, однако их имеющиеся особенности и специфика, проблема дальнейшего перехода и трансформации культур каменного века в периоды раннего металла и т.д., т.е. решение широкого круга задач, выходящих далеко за рамки антропологии, блокируют возможность ограничения первобытной археологии ее рамками.

Принадлежность археологии к антропологии, а не к исторической науке утверждают по большей части американские ученые [296; 347, с. 3, 4], причем, с описанной выше спецификой своего научного поля, вполне обоснованно.

Следующая точка зрения рассматривает археологию как независимую

науку – археолог-палеолитовед Г.П. Григорьев, беря за основу специфику археологических источников, считает, что археология шире источниковедческой дисциплины, существенно отличается от истории – археологические источники не содержат исторической информации, и она вполне себе самостоятельная наука, и что с определенной модернизацией ее методологии и методики, не без взаимодействия с другими отраслями наук, археология в силах писать свою археологическую историю, и ее понятия имеют самостоятельную ценность [354, с. 3-15; 355, с. 9]. Эти высказанные более 30-40 лет назад мысли вызвали бурную реакцию в науке и острую критику со стороны ученых, однозначно рассматривающих археологию как неотъемлемую часть исторической науки – подробно можно ознакомиться тут [349, с. 32]. На современном этапе ученые-теоретики признают положения и трактовки Григорьева как минимум преувеличенными и утрированными на специфике источника, и что идея о самостоятельности археологии доведена до абсурдности – отрицаются какие-либо методологические связи с другими общественными и историческими дисциплинами [300, с. 10]. Позиции о самостоятельности археологии в исследовании и интерпретации своих специфических источников, в той или иной степени и с некоторыми уточнениями, поддерживают английский археолог О. Кроуфорд, индийские ученые Х.Д. Санкалия и С.К. Дикшит и др. [352, с. 46].

Еще одна группа ученых придерживается мнения, что археология и история - одно целое и, несмотря на специфику своих источников, служат одной цели – реконструкции истории во всех возможных аспектах, причем, археология однозначно подчинена истории и зависима от нее. К числу советских и постсоветских ученых, которые в той или иной степени поддерживают это мнение, относятся советские археологи Б.А. Рыбаков, А.В. Арциховский, Г.Ф. Генинг, Ю.Н. Захарук, В.Н. Боряз, В.М. Массон и др. [349, с. 39; 353, с. 8].

Из ученых-археологов других частей света к этому мнению склоняются немецкий археолог Г.Ю. Эггерс, британские ученые К. Хоукс Г. Дэниел, американские археологи О. Киддер и Г. Колтон [356, с. 137, 138].

Еще одно выделенное определение – археология как самостоятельная и равная научная единица в составе исторической науки. Его поддерживают такие археологи, как В.А. Башилов, говоря, что археология и история – это две части единой науки, максимально сближающиеся на теоретическом уровне [357, с. 206-207]. Мнение А.И. Мартынова о неразделимости истории и археологии, но в то же время о самостоятельности последней также находятся в рамках данного направления [358, с. 3; 359, с. 11-14], позиция Е.Д. Гражданникова и Ю.П. Холюшкина – отнесение археологии к фундаментальным гуманитарно-историческим наукам и зависимость фундаментального или прикладного характера археологии от конкретной области исследований ученого [353, с. 12, 13]. Сюда же можно отнести идею Я.А. Шера о выделении исторической археологии [360, с. 53-56].

Таким образом, нами зафиксированы следующие точки зрения о сущности

археологии (см. рис. А.3):

- 1) это источниковедческая дисциплина или ВИД;
- 2) это антропологическая наука;
- 3) это самостоятельная наука, не имеющая отношения к исторической или как минимум имеющая все возможности к существованию вне нее и без нее;
- 4) это неотъемлемая часть исторической науки, без которой она не может существовать и играет подчиненную ей роль;
- 5) это самостоятельная наука в составе исторической.

Схожие дифференциации в рамках определения места археологии приводят российский ученый Ю.П. Холушкин и украинский специалист С.В. Палиенко [349, с. 39; 353, с. 6].

Помимо приведенного, внутри отмеченных направлений и локально, выделяются понимания археологии:

– как истории материальной культуры – это связано с начальным этапом советской науки, когда имел место активный поиск аналогий всему «буржуазному», и велись разработки марксистских основ археологии. С учетом тоталитаризма, это поддерживалось всеми учеными того времени; основной автор – ленинградский археолог С.Н. Быковский [353, с. 8];

– частичные деления – первобытная археология как часть естественных наук, а остальные подразделы как ВИД, связана со школой археолога А.Н. Рогачева [349, с. 39], перекликается и, по всей видимости, является предтечей точки зрения о целесообразности соотношения первобытной археологии к антропологии.

Кроме того, есть категория ученых и научных школ, которые, согласно эволюции научных идей, изменению политической конъюнктуры или по иным личным, профильным и др. причинам склоняются от одного определения к другому, пытаются синтезировать несколько из них в одно и т.п. Также некоторые исследователи видят в их взглядах соответствие иным, чем фиксируемым в данной работе, течениям, ряд вышеназванных ученых, в виду общих целей при определенных отличиях воззрений, объединяются в так называемую «чистую» или «строгую» археологию, остальные оппонировать и т.п. [349, с. 33].

Все отмеченные направления в некоторых моментах схожи в своих выводах, но в целом находятся в оппозиции друг к другу, даже на грани открытой конфронтации и явного антагонизма. Подробно история и результаты полемик, дискуссий и откровенной вражды научных направлений и отдельных исследователей изложены в свежем аналитическом обзоре украинского ученого С.В. Палиенко [349, с. 29-48].

Безусловно, что все приведенные понимания места археологии в системе науки базируются на специфике археологического источника, в понимании которого они более или менее едины, и вкратце это можно обозначить так:

- археологические источники – это комплекс материальных остатков хозяйственной, культурной и прочей деятельности человека, отличаются от письменных исторических источников тем, что не содержат прямой

повествовательной информации» и далее согласно позиции того или иного направления начинаются обоснования: ... и поэтому они не могут считаться историческим источником..., ... поэтому более соотносимы к ... науке..., ...но реконструируют исторические процессы из контекста.... и т.п., т.е. начинаются дискуссии и разногласия в поле понимания историчности арх. источника, через него переходя к определению статуса археологии в науке, ее объекта, предмета и к прочему широкому кругу теоретико-методологических проблем и вопросов.

Диссертанту, как практикующему археологу и выпускнику трёх кафедр факультета истории, археологии и этнологии КазНУ им. аль-Фараби (бакалавриат, магистратура, докторантура), наиболее импонирует и близко, согласно комплексной специализации и имеющемуся опыту археологических изысканий первичного, вторичного и интерпретационно-аналитического характера, последнее из выделенных направлений, и он придерживается мнения, что археология – самодостаточная наука в составе исторической, которая на равных позициях, согласно специфике своего источника, имеет все полномочия и возможности в реконструкции прошлого в рамках своего потенциала и компетенции. Однако, выделение ее в отдельную науку не имеет смысла – изучение специфических источников, исследование которых не альфа-цель археолога и лишь средства к реконструкции исторических процессов, с использованием как своих специальных методов, так и методов иных гуманитарных и естественных наук. Она также соотносима с источниковедением, как и сама историческая наука. Несмотря на свою достаточно значительную специфичность и своеобразность, археология неразрывно связана с исторической наукой. Не говоря о смене парадигмы археологии или выводе ее из состава истории, следует ставить вопрос о конкретизации ее места и роли в кругу исторической науки, потому что, имея полную самостоятельность в методологии и методике исследований, с полномочиями утверждения и опровержения итоговых выводов самого широкого характера: от периодизации течения истории до реконструкции всей истории – от древнейших времен до современности ряда территорий ойкумены, она не вмещается в рамки исторического источниковедения, ВИД и т.д., опять же, в то же время не может быть отделена от истории, так как ее конечные цели идентичны целям исторической науки – исследование всей совокупности человека и общества [358, с. 3]. В свете всего сказанного, со своей стороны, предлагаем рассматривать археологию как равную и самодостаточную научную структуру исторической науки, например – *комплексная практическая история* (обозначение условно, имеет цель передать смысл содержания, возможны и иные, более краткие и емкие формулировки), так как при наличии своих источников, относящихся к кругу исторических, но с профильной спецификой, методологии и методов археология широко использует подходы, методiku и принципы широкого круга гуманитарных и естественных наук, исследует не только ископаемую и надземную материальную культуру, но и все стороны историко-культурных, общественных и др. связей и отношений, получаемых из контекста вещественных данных, дополняемых также в комплексе с научными

результатами других отраслей общественно-исторических наук и дисциплин, в конечном счете желая достичь той же цели, что и сама историческая наука – реконструкции, по мере возможности, объективной и инвариантной исторической истины на основе творчества и культуры человечества. Надо признать, что сказанное в определенной мере перекликается с предпоследним из приведенных течений, суть которого емко и лаконично озвучил классик науки А.В. Арциховский – «археология есть история, вооруженная лопатой». Да, это очевидно, что археология считается нами частью исторической науки, но не в подчиненном или вспомогательном характере и не в понимании ее как материнской науки по отношению к самой истории. Также не обоснованными считаются попытки отделить ее от истории, по причине того, что они взаимосвязаны и не могут быть отделены, даже механически – к примеру, в ключе доистория-протоистория-история, так как в моментах перехода от одного периода к другому в любом случае будет необходимость взаимодействия и обращения к материалам обеих сторон, и предугадывая аналогии с ВИД и пр., которые играют вспомогательную роль в исследованиях исторического толка – в зависимости от конкретного региона или хронологического отрезка они могут играть по отношению к друг другу вспомогательную роль, что вполне закономерно, но конечные цели, повторимся, одни, и пусть к ним они идут немного разными путями и порой независимо друг от друга, однако это цели сугубо исторического содержания, и необходимости клонировать отдельную науку нет, как и вмещать археологию в прокрустово ложе узких для нее дисциплин и отраслей. Также немаловажным можно считать и то, что без археологии в исторической науке образуется вакуум, который логически приведет к необходимости создания отрасли, специализирующейся на доистории и протоистории по вещественным источникам, превалирование которых безусловно, т.е. должен появиться клон археологии – насколько это целесообразно и рационально? Думается, вполне хватает четкого определения позиции и признания полномочий археологии в составе исторической науки на официальном уровне, в той или иной формулировке, отражающей суть и роль археологии.

По нашему мнению, наиболее точно формулирует специфику исторических и археологических исследований, дает объективную оценку степени их близости, с приведением отличий от ВИД и иных дисциплин исторической науки, признавая их научную самостоятельность и при этом неразрывность их связей, совместный анализ философа истории Э.Н. Лооне и профессионального археолога В.А. Башилова [357, с. 192-208]. То же самое можно сказать про тандем философа науки Е.В. Гражданникова и археолога-теоретика Ю.П. Холюшкина – ученые на основе детального анализа чётко и весомо определяют статус и место археологии в классификационной системе науки [243; 253].

Также при определении места археологии в науке отдельных стран должны учитываться особенности самой истории, географии и т.п. той или иной территории, т.е. время появления письменных источников, степень интенсивности миграционных процессов, уровень стабильности характера

культуры и хозяйства, природно-климатических условий, кратко говоря, всего комплекса разного рода факторов, которые в определенные периоды меняли и видоизменяли популяционную и др. составляющие целевого ареала. К примеру, уже отмечавшаяся территория американского континента, Австралия и другие, изолированно развивавшиеся до одного времени континенты, острова и прочее. К такого рода ареалам, в пределах одного континента, можно отнести труднодоступные до недавнего времени регионы (племена и народы джунглей Азии, Африки и т.д.). В отдельные категории можно выделить народы, до текущего дня сохранившие значительную часть мобильного традиционного уклада при широкой открытости внешним влияниям, с достаточно вариабельной структурой этногенеза и культурогенеза, вкупе с нестабильной графологической практикой (Монголия и ряд других стран Евразии, Африки и др.), страны с ранней письменностью и цивилизациями (Китай, Ближний Восток, Египет и пр.), с относительно устойчивым и стационарным культурным полем на протяжении длительного периода. Если одни, в силу указанного, могут попытаться отделить археологию от истории, то вторые страны нет, так как их история, в некоторых случаях вплоть до современности, может быть реконструирована лишь на основе археологических данных. Они максимум могут образовать отдельное комплексное направление этноархеологического характера, опять же, при условии непрерывности и изолированности развития. Третьим же, в виду явной параллельности археологии и истории в исследовании их прошлого, в принципе невозможно их сепарировать.

Одним словом, признавая универсальность теоретико-методологических построений для большей части света, было бы оптимальным, по мере научных возможностей, производить разработки с оглядкой на конкретные исторические условия той или иной страны, региона и т.д. для поля определенной науки. Коротко говоря, теоретическая и полевая археология должны работать в одной связке.

На этом завершим данный раздел и в свете сказанного отметим необходимость более детального анализа практико-теоретических и методологических основ научного поиска в археологии.

1.3 Практико-теоретические и методологические основы научного поиска в археологии

В силу рассмотренной специфики археологических источников, анализ практико-теоретических и методологических проблем научного поиска более целесообразно проводить, опираясь на ключевые этапы археологических исследований.

На современном этапе основное число ученых-археологов выделяют три основных этапа археологических научных изысканий – полевой, камерально-лабораторный и теоретический (кабинетный) [347, с. 4; 358, с. 32; 361, с. 9], который можно назвать заключительно-интерпретационным. Некоторые ученые называют деление на «полевой» и «кабинетный» этапы формальным и условным, основанным на сезонности археологических работ, которая

отсутствует в ряде регионов земного шара [362, с. 6], на наш взгляд, если речь идет о сути кабинетных работ. Это мнение ошибочно – пусть и в ходе круглогодичных полевых работ, археолог уделяет время камерально-лабораторным (обработка материалов, шифрование и прочее) и теоретическому обобщению полученного материала (кабинетным). Это может происходить как в стационарных лабораториях, так и в полевых, как в палатке за обеденным столом или у раскопа, так и в личном или служебном кабинете. Если же имеется в виду некорректность самого обозначения, то да, скорее всего, более адекватным будет говорить «теоретический этап», который проводится не только в местах кабинетного характера. Также ученые объединяют вышеприведенные этапы в два общих уровня, которые именуются как «эмпирический» и «теоретический» [357, с. 192-197], в некоторых вариациях «источниковедческий» и «интерпретационный» [359, с. 11]. Первый включает в себя циклы работ по сбору и обработке материала, второй, соответственно – это этап осмысления и интерпретации, в первую очередь, в контексте всей возможной совокупности исторических обществ. Вышеотмеченные ученые Башилов и Лооне, с целью синкретизации ряда процедурных и процессуальных моментов методологии истории и археологии, попытались обосновать и наличие третьего уровня – реконструктивного [357, с. 197], но понимания не встретили и были раскритикованы [363, с. 208-231].

Не углубляясь в перипетии полемики касательно уровней, отметим, что основное число исследователей придерживается вышеприведенного деления [357, с. 197], и в принципе оно достаточно корректно, и с ним стоит согласиться. Вместе с тем, более удобным кажется анализ по приведенным этапам. В виду этого будем рассматривать системные этапы научного поиска в археологии в том и другом ракурсе, тем более что они в принципе не противоречат друг другу.

Отмеченные этапы археологических исследований соответствуют следующей системной линии работы с историческими источниками – первичные данные – констатация факта – выводы.

Итак, как все мы знаем, полевые изыскания состоят, в свою очередь, из археологических разведок и раскопок, каждая из которых имеет свою методическую основу, зачастую тесно связанную с различными смежными и не только науками, и определяют выбор той или иной исследовательской системы в ходе последующих научных работ.

Второй этап носит по большей части междисциплинарный характер и отличается использованием широкого круга методических принципов и собственно методов других отраслей наук, как гуманитарных, так и естественных.

Третий, заключительный этап состоит из итоговой обработки информации, полученной от двух первых, и по своей сути наиболее приближен к методологии и методике исторической науки, в том числе и в плане того, что ставит перед собой цель трансформации комплекса полученных данных, через хронологические, этнокультурные и иные призмы, в историческую

информацию (см. рис. А.4).

Первый и третий этапы обнаруживают тесные связи с историческим источниковедением, так как имеют в своем содержании довольно обширную работу с письменными источниками с соответствующими целями.

Рассмотрим подробней методологию, практику и теорию каждого этапа и их подразделов.

Согласно общей методологии научного исследования, первый этап основывается на использовании двух последовательных комплексов эмпирических методов – методы-операции и методы-действия [364, с. 88-104]. Первые состоят из сбора литературы, документации по разного рода исследованиям археологического и другого характера [365, с. 22; 366, с. 33-35; 367, с. 59], метода опроса – устное интервьюирование специалистов и широкого круга потенциальных информаторов. Вторые – из археологических разведок и раскопок. Эти два чередующихся методических комплекса, в свою очередь, опираются на специальные методы источниковедения, архивоведения, социологии, геологии и геоморфологии, географии и собственно археологии.

Применение методов-операций начинается с работ в архивных и печатных фондах, с использованием специфических подходов и приемов источниковедения, архивоведения и документоведения в целях поиска и отбора информации по археологическим памятникам определенного региона или исторической эпохи. Как правило, интересующая информация принадлежит авторам самого широкого временного диапазона – от древних письменных свидетельств, записок путешественников средневековья и последующих периодов, в которых может быть информация по памятникам в географически идентифицируемых на текущий день регионах, до историографии в современных академических работах и отчетов по археологическим разведкам и раскопкам последних лет и т.п.

Первым делом необходим подход с позиции функционального анализа круга данных по месту хранения, т.е. сначала нужно проводить работы в фондах и архивных коллекциях учреждений историко-культурного толка – институтов и центров археологии, музеев, университетов и т.д.; достаточно объемную информацию можно получить в фондах научных библиотек национального, областного и др. характера. Тут хотелось бы отметить, что эти работы по месту проведения можно условно разделить на два – республиканского и местного значения, в зависимости от исходной точки исследователя, работы проводятся поочередно в каждой. В большинстве случаев отправной точкой исследователя является крупный научно-исследовательский центр, и исследования начинаются с работ в организациях центрального характера с последующими изысканиями в архивно-библиотечных фондах местных учреждений – инспекции по охране историко-культурного наследия, школьные краеведческие кружки, документация историко-культурного, краеведческого и промышленно-индустриального толка местной администрации и т.д. Далее нужно осуществить поиск в местах хранения архивной и печатной информации тех научных и промышленных

организаций, которые имеют полевой цикл работ и могут дать информацию по археологическим памятникам – геология и геологоразведка, география, геодезия и топография, нефтегазовые и другие учреждения по разведке и добыче полезных ископаемых.

В ходе работы в архивных фондах и коллекциях обычно ориентируются на порядок хранения архивных единиц, основанный на признаках [368, с. 11], и всю получаемую информацию группируют по ним. Если взять, к примеру, поиски в фондах и коллекциях организации археологического направления: номинальный признак – документы одного вида; это, в первую очередь, отчеты по полевым археологическим исследованиям; предметный признак – документы по одному определенному вопросу, например, изыскания по программе «Культурное наследие»; авторский признак – документы конкретного ученого, научного коллектива или учреждения, например, отчет Самашева З. отдел РЖВ и древнего искусства, ИА им. А.Х. Маргулана; корреспондентский признак – почта касательно утверждения, реализации, подведения итогов стратегических программ, грантов и т.п., к примеру, адресованные ИА; географический признак – археологические исследования в том или ином регионе Казахстана; хронологический признак – это, в данном случае, во-первых, год проведенных изысканий, во-вторых, эпоха конкретного памятника. С адаптацией под какую-либо тему или период этот порядок работы достаточно оптимален в упорядочивании материала. Как показывает практика, довольно часто в архивах материалы хранятся по ряду указанных признаков.

Также при работе в архивных и библиотечных фондах применение методов архивоведения и документоведения осуществляется в рамках общей структуры источниковедческого исследования, с адаптацией на специфику необходимой информации. Условия возникновения, проблема авторства, обстоятельства создания, интерпретация и анализ источника [369, с. 127-143] осуществляются через призму содержания данных об археологических памятниках.

С развитием цифровых технологий огромный пласт научной информации можно получить из сети интернет – это и данные общего характера, имеющиеся на сайтах научных организаций археологического, историко-культурного и других вышеотмеченных направлений центрального и местного базирования, и предварительное изучение интересующей местности при помощи глобальных программ «Google Earth», «Google Maps» и мн. др. [370, с. 31, 55-83].

По указанному порядку и способами собирается и анализируется информация всех типов – от прямых и недвусмысленных сообщений до топонимики географических и административных единиц. Немаловажную роль здесь играют топографические карты гражданского и военного назначения, из содержания отмеченных источников можно получить определенное представление о возможных памятниках археологии, к примеру, для Казахстана довольно распространены местности с аффиксом «оба» – Төртоба, Бесоба (досл. – четыре / пять курганов) и т.д. или такие топонимы, как «Шимайлы» (букв. разрисованный или размалеванный) и др., которые указывают на наличие курганов, писаниц или наскальных изображений. Такого рода обозначения

встречаются в текстах различной литературы и документов, наряду с такими, как «Қалмақтың обасы» (калмыкский курган), «Мықтың үйі» (досл. дом Мыка – представителя мифического народа, по мнению исследователей, жившего в бронзовом веке [371, с. 16]) и пр., что также говорит о наличии археологических памятников.

Параллельно с работами в названных фондах, можно провести работу в виде бесед и опроса со специалистами, непосредственно проводившими изыскания в том или ином регионе. Это, в первую очередь, ученые-археологи, а также представители других полевых отраслей науки.

После сбора предварительной информации в центре наступает очередь непосредственных работ на месте, которая состоит, как было указано выше, из работы в пунктах возможного хранения различной печатной и архивной информации местного значения, работы с населением с помощью адаптированных методов социологии и конкретного поиска археологических памятников, ориентируясь по спецприемам и методам археологии, географии, геологии, геоморфологии и др. [365, с. 21-52; 366, с. 21-99; 367, с. 58-112], т.е. методы-операции совмещаются с методами-действиями.

Как отмечено, метод опроса также делится на два: 1) опрос специалистов-ученых; 2) работы с населением в месте проведения изысканий – здесь в первую очередь опрашиваются любители-краеведы, при их наличии, или старожилы; самый оптимальный вариант – учитель истории на пенсии, а также действующие преподаватели истории, краеведения и др. Также ценную информацию могут предоставить сотрудники отдела культуры местной исполнительной администрации, пастухи, сезонные отгонщики скота и другие работники сельского хозяйства. Понятно, что с каждым из потенциальных информаторов необходимо проводить опрос простым и доступным ему языком, без использования сложных специальных терминов. Одна из особенностей опроса касательно Казахстана – с осторожностью следует относиться к общераспространенным местным легендам о «золотом кладе», спрятанном баями, зажиточными староверами и т.д. после революции и при откочевке в 20-30-х годах XX века и о «могиле Чингисхана», но следует их обязательно фиксировать. С самого начала работ нужно иметь при себе карту интересующего региона для отметки пунктов расположения тех или иных памятников, в том числе по наводке информаторов [367, с. 65-66].

Далее первая часть операций-действий – непосредственная археологическая разведка, пожалуй, самый ответственный и сложный этап из дораскопочных работ, состоящий из тщательного осмотра и анализа местности. Здесь первым делом необходимо провести аэросъемку на видео и фото. Если раньше это было довольно затратным и практически недоступным методом для большинства исследователей, так как нужно было привлекать воздушные суда гражданской и военной авиации, то на текущий день, благодаря повсеместному распространению и доступности БПЛА – беспилотных летательных аппаратов с видео-, фотокамерами, этот метод стал общедоступным. Облет местности и последующий непосредственный осмотр проводится по четкой системе в

зависимости от интересующих памятников [365, с. 42-45; 366, с. 46-60; 367, с. 69-72]. Тут важно иметь общие познания по исторической геологии и геоморфологии – необходимо ориентироваться в вопросах особенностей формирования земной коры в геопериодах плейстоцена и голоцена, владеть информацией о природно-климатических изменениях в районе научных изысканий в тот хронологический отрезок, к которому относятся целевые памятники. Нет универсальной системы расположения для всех археологических памятников, но можно локализовать некоторые хронологические категории памятников по определенным местам расположения, к примеру, надпойменные террасы, являющиеся старыми берегами природных водоемов. Как правило, их бывает несколько, и по мере удаления их от современного берега увеличивается их возраст – обычно самая отдаленная содержит памятники палеолита, но опять же это зависит от конкретной местности и имевших место там природно-геологических процессов в определенный исторический период – перманентная деградация и регрессия общего объема воды и т.д. Для поселенческих и погребально-поминальных и др. памятников той или иной эпохи свойственны определенные места расположения – поселения практически всех периодов локализуются вблизи водных источников, стоянки эпохи камня также располагаются неподалеку от ресурсов воды [365, с. 24-31; 366, с. 37-46; 367, с. 77-107] – для нашей страны в основном характерны памятники каменного века открытого типа. Для большей части Казахстана погребально-поминальные памятники эпохи бронзы, раннего железного века в основном локализуются у подножья гор, сопков и иных всхолмлений местности, в предгорных и в речных долинах; памятники раннетюркского времени концентрируются на вершинах возвышений, а также у сакских курганов. Довольно часто имеет место комплекс разновременных памятников на одной площади [366, с. 73-90].

Одним словом, сначала проводится облет всех отмеченных участков и последующий пеший обход, причем, как было сказано, в силу отсутствия четких универсалий по системе расположения, при возможности необходимо последовательно облететь и осмотреть всю имеющуюся территорию. При этом особое внимание следует уделить профилям террас, оврагов, оплывов земли и иных потревоженных участков почвы в районе исследований, так как зачастую в них можно зафиксировать находящиеся под наносным и другим слоем кости, артефакты и конструкции [367, с. 69].

Также на данный момент широкое распространение получает обследование территории явных и потенциальных археологических памятников с помощью радаров глубинного зондирования геомагнитного и электромагнитного излучения, это особо актуально при поиске памятников, не имеющих внешних проявлений [365, с. 45-52; 366, с. 63-66; 372, с. 43-50; 373, с. 53-56].

Все выявленные в ходе разведочных работ памятники тщательно документируются – фиксируются географические координаты по системе глобального позиционирования GPS, проводится фото-, видеосъемка, чертежно-графическая зарисовка и съемка методами фотограмметрии при

необходимости, подробно описываются сами памятники. Каждому памятнику присваивается обозначение и нумерация, готовится учетная карточка и паспорт. Требуемая документация сдается в исполнительный орган местного или республиканского значения для включения памятников в реестр объектов историко-культурного наследия.

Археологические рекогносцировочные работы проводятся в рамках составления свода памятников определенного региона, выявления ареала распространения памятников тех или иных культур, мониторинга текущего состояния ранее выявленных объектов, в рамках историко-культурной экспертизы и других работ по контрактной археологии [366, с. 32]. Также по результатам археологических разведок, т.е., если говорить в плоскости источниковедения – на основе первичных данных, принимается решение о раскопе определенного археологического памятника.

Археологические раскопки, хотя и соотносимы с эмпирическим уровнем археологических исследований, но, однозначно, соответствуют второй из вышеотмеченных фаз работы с историческими источниками – констатация факта, и соответственно ориентированы на математическую и геометрическую точность фиксации научной информации. В зависимости от видов памятников, методика их раскопа может кардинально отличаться. Например, раскопки городищ и других объектов оседло-поселенческого характера обычно проводятся с разделением площади раскопа на сетки-квадраты с присвоением каждой соответствующей нумерации и буквенной маркировки, работы проводятся по участкам, и каждая находка, конструкции и т.д. имеют привязку к ним. После, уже на этапе заключительно-интерпретационного осмысления, материалы обобщаются, и формулируются системно-связующие выводы. При исследовании погребально-поминальных памятников разделение площади раскопа на сетки-квадраты, как правило, не практикуется. До недавнего времени раскопки этой категории археологических объектов состояли из следующих этапов – фиксация памятника до раскопа, очистка лицевой поверхности конструкции и непосредственно раскоп по центру памятника, т.е. исследованию наземного сооружения не придавалось значения, так как считалось, что это простое нагромождение камней или грунта. Кстати, отсюда берет свое начало общераспространенный в археологии термин «насыпь». Очевидно, что по своей сути такая методика особо не отличалась от грабительских раскопок, и цели обеих в принципе перекликались – поиск и сбор предметов. На современном этапе исследование погребально-поминального памятника после тщательной предварительной фиксации памятника, которая также имеет значение в интерпретации тех или иных сторон археологического памятника – следы ограблений, антропогенная и техногенная деградация и т.д. – предполагает обязательное изучение наземной конструкции – фото, чертежно-графическая и графологическая документация сооружения в плане и в разрезах по сторонам света. При достаточном опыте, уже на первых этапах исследований, по тем или иным особенностям наземного сооружения ученый-археолог может составить представление о характере подземных

погребальных конструкций и обряда и принять соответствующие профилактические меры при раскопе – контроль интенсивности углубления, вероятный порядок расположения погребения и инвентаря и т. д.

Общим в разных методиках раскопа большинства археологических памятников, наряду с общими методами документации, является ориентация на последовательность залегания слоев или, если быть точнее, на стратиграфическую очередность. Отличие в этом между поселенческими и погребально-поминальными объектами в том, что, во-первых, это обычно маркирует разные хронологические и культурные этапы, во-вторых, в памятниках это чередование этапов возведения одного конкретного объекта [365, с. 34-41, 53-91; 367, с. 113-239; 374; 375, с. 63-206; 376, с. 5-71; 377, с. 5-46].

Хотелось бы отметить и практическую часть полевых исследований отдельной категории памятников – образцов наскального искусства, эпиграфики и статуарных памятников древности и средневековья – оленных камней, скифо-сарматских, тюркских и иных средневековых изваяний. В основном, эти изыскания сочетают в себе этапы археологической разведки и непосредственного полевого изучения, так как в своем большинстве они не предполагают объемных раскопок. Полевая документация этих памятников, вместе с классическими методами фото-, чертежно-графической и описательной документации, имеет ряд специфических методов – это выполнение копий образцов наскального и статуарного искусства с применением влажной оклейки миколентой с последующим обводом и обтиркой красящим веществом, что дает наиболее приближенную к оригиналу по масштабам и содержанию кальку. Единственное – этот метод применим к образцам с рельефной поверхностью. Для фиксации наскальных изображений и художественных деталей изваяний без рельефа применяется копирование на полиэтилен. Описанные методы в большинстве случаев заменяют чертежно-графическую документацию. Нередко проводятся комплексные археологические исследования на такого рода памятниках – изучение наскального и статуарного искусства осуществляется параллельно археологическим раскопкам, что весьма ценно с позиции научной корреляции результатов обеих исследований [309, с. 41-46; 366, с. 90-94].

Также необходимо указать на такие виды полевых исследований всех археологических памятников, имеющих междисциплинарный характер, как фиксация топографического плана археологического памятника методами геодезии-картографии и геоархеология. Первый из отмеченных на данный момент стал одним из важных при работе с археологическими источниками – характерные особенности местоположения и порядок расположения памятников на местности могут дать ряд важной информации о пространственных и сакрально-территориальных представлениях той или иной культуры и о многом другом [378, с. 9-89].

В последние годы в документации археологических исследований полевого цикла наблюдается все более тесная интеграция с точными науками, уходит в

прошлое кропотливая ручная чертежно-графическая фиксация памятников, получает повсеместное распространение документация внешнего вида и параметров синтезом методов фотограмметрии и инструментальной тахеометрической съемки (так называемая ортофотограмметрия), с созданием разномерных (в плоскости и объемных в 3D) моделей городищ, некрополей, также отдельных объектов и артефактов [379, с. 99-105].

Археологические раскопки – самый ответственный вид работ из категории эмпирических [380, с. 100-104]; археологический памятник может быть исследован лишь один раз, и повторно его исследовать не получится, можно только доследовать некоторые моменты, и это, в основном, проводится в связи с прогрессом в методологии и модернизацией методов исследования.

Следующий этап научного поиска в археологии – это камерально-лабораторный, который соответствует по своему источниковедческому содержанию также фазе констатации факта.

Как было сказано выше, этот этап отличается мультидисциплинарностью – обработка археологических материалов и получение научной информации протекает при помощи методов гуманитарных наук – истории и вспомогательных исторических дисциплин, филологии и т.д. и естественнонаучных направлений – химии, биологии, физики и т.п. Это и корреляция археологической информации с данными письменных источников, интерпретация методами вспомогательных исторических дисциплин разного рода знаков, символов и других меток на археологических артефактах, изучение монет, прочтение образцов древней и средневековой письменности при помощи филологической науки, сохранение и восстановление археологического материала и получения информации об их характере и структуре при помощи химии, изучение палеонтологического материала, зоологического, ботанического антропологического содержания при помощи биологии, датировка органического и инертного материала из археологических раскопок методами физики и многое другое.

На этом этапе происходит наиболее обоснованная констатация факта, и получают весомые аргументы для последующих теоретических умозаключений и осмыслений итогов раскопок. Также в данный этап входят работы по обработке археологического материала – подготовка чертежно-графической документации и результатов фотограмметрических съемок, редакция текстов описаний, отбор фото и видеоматериалов, подготовка научного отчета о полевых исследованиях и т.д. [365, с. 110-215].

Третий этап (кабинетный) археологических исследований – соответствует уровню выводов в источниковедении, является наиболее сложным из всех названных в плане интерпретации и синтеза. Здесь происходит трансформация комплекса практической информации в системную структуру эпистемологической и гносеологической концепции или теории / аксиомы исторического толка возможной широты и объема.

Итак, у ученого, дошедшего до стадии теоретических обобщений массива практической археологической информации, подкрепленного, при

возможности, результатами лабораторных исследований, в первую очередь, стоит задача систематизации всего материала. Проводится это методами археологической классификации и типологии. Далее следует поиск аналогий систематизированных материалов, сравнительная датировка (если есть лабораторные абсолютные даты, то корреляция с ними), корректировка дат и других предварительных итогов, определение археологической составляющей, т.е. принадлежности к определенной археологической культуре или к историко-культурной общности, а при факте резкого отличия структуры археологических данных и при достаточном количестве оригинального по ряду критериев материала, происходящего из определенной территории, ставится вопрос о выделении новой археологической культуры. Помимо сказанного, делаются возможные выводы и предположения о характере памятника в контексте исторической периодизации, степени диффузионных и миграционных факторов в формировании памятника, археологической или этнокультурной общности и т.д. Конечным результатом всех этих исследовательских процедур является выведение научной гипотезы или концепции по определенной проблематике – об историческом периоде бытования той или иной культуры, об ее экономических и социальных основах, географическом распространении и т.д. Все это делается в прямой и контекстной связи с процессами мировой истории, со всей имеющейся совокупностью истории, материальной и духовной культуры человечества, как в масштабах планеты, так и отдельных континентов и регионов [365, с. 216-235].

На наш взгляд, наиболее полно, скрупулезно, детально и разносторонне специфика, этапы, цели и задачи кабинетных (теоретических) работ описаны в фундаментальном труде Л.С. Клейна, посвященном именно этому важному этапу археологических изысканий, с широким охватом двух первых этапов в контексте системной последовательности и взаимосвязанности [347; 381].

Вот таковы основные практико-теоретические и методологические особенности научного поиска в археологической науке, представленные в возможно развернутом виде. Безусловно, что приведенные этапы и методы научного поиска относимы и к памятникам археологии, исследованным в рамках программы «Культурное наследие». Рассмотрим некоторую их специфику, обусловленную особенностями археологических памятников Казахстана и целевыми установками названной национальной программы, в контексте исторических источников, а также оценим потенциальные возможности отделения отечественной археологии от исторической науки.

1.4 Археологические памятники, включенные в реестр программы «Культурное наследие» как исторический источник

В первую очередь, в свете озвученной во втором разделе данной главы мысли, что оценка соотношения археологической и исторической наук конкретной территории и о статусе археологии отдельных стран и регионов должны производиться с учетом особенностей исторического развития, хотелось бы сказать об археологии Казахстана как в общем плане, так и с

привязкой к национальной программе «Культурное наследие».

Территория современного Казахстана, представленная по большей степени степным равнинным ландшафтом, выражаясь в монументальном и емком тоне последних лет, «Страна Великой степи», расположенная в центре Евразии, издревле была ареной трансконтинентальных миграций, котлом этно-, социо- и культурогенеза, в котором сплавлялись племена и этносы, так или иначе имеющие отношение ко всему континенту, происходили ключевые события, в корне менявшие этнокультурную карту Евразии. Это территория с неустойчивым и контрастным, по географическим меркам, климатом, который менялся несколько раз за последние тысячелетия и приводил, вследствие этого, к кардинальным переменам во все сферах жизни, до полного обновления всего реального культурного пространства [382, с. 719-720].

Исторически сложившееся на территории страны сравнительное превалирование комплексного скотоводческого хозяйства над иными видами и способами жизнеобеспечения [382, с. 720] также обуславливают необходимость особого подхода в рассмотрении степени соотношения и взаимоотношения профильных наук. При этом, отмечая безусловность бытования одного из ранних проявлений письменной культуры на территории нашего государства [383] (немаловажно и то, что все образцы древней и раннесредневековой письменности Казахстана тесно связаны с археологическими памятниками и не могут изучаться отдельно от них, только в комплексе), следует признать, что для большей части истории Казахстана, вплоть до средневековья, археологические материалы – ключевые, а порой и единственные исторические источники, объективная обработка которых требует совместных усилий истории и археологии. Единоличная интерпретация археологических материалов приведет к однобокости результатов, к деформации целостности реконструкции исторической линии развития и к лакунам в результатах, так как вывод итогов всех без исключения археологических изысканий производится методами исторической науки и в ее интересах, и не потому что так сложилось традиционно, а по причине того, что они полностью соответствуют научной цели археологии и, повторимся, нет специальных историков, синтезирующих результаты археологических изысканий, хотя, вернее, они есть – это археологи, которые, если согласиться с бытующими взглядами, может, и вещеведы и прочее в ходе ряда циклов своих работ, но, как минимум, на финальной стадии они историки.

Учитывая все приведенное и уже сказанное в предыдущих разделах в рамках связи археологии и истории, остается только констатировать, что реконструкция истории Казахстана возможна лишь при консолидации археологии и истории со всем комплексом вспомогательных и других дисциплин и направлений. Втиснуть археологию Казахстана в рамки антропологии, источниковедения, ВИД и т.д. проблематично, нецелесообразно и невозможно. Отделять археологию от истории, в виду сказанных общих их целей и задач, и тесной взаимосвязи, не имеет практического смысла. Место и роль археологии Казахстана видятся автору в вышеприведенных личных

умозаключениях.

Касательно роли национальной программы «Культурное наследие» в соотношении исследованных в ее рамках археологических памятников к историческим источникам – как было уже отмечено, национальная стратегическая программа была создана для сохранения и репрезентации огромного массива культурного наследия национальной истории Казахстана и казахского народа в пределах страны и за рубежом, для будущих поколений и популяризации среди современного человечества. Вполне логично, что в рамки национальной истории безоговорочно были включены памятники археологии, и это ключевой момент в их рассмотрении как исторических источников. Достаточное обоснование археологических материалов в контексте источников было уже осуществлено, но даже если мы на минуту представим, что на современном этапе произошло кардинальное отделение археологии от исторической науки, с выводом кафедр и иных структур из поля истории в сферах образования и науки, и была общепризнана чуждость археологических источников историческим, памятники археологии, изученные в рамках национальной программы «Культурное наследие», должны рассматриваться в первую очередь как исторические источники, не только по причине того, что это была официальная установка или административный приказ [1], а в первую очередь потому, что научные изыскания проводились строго с позиции исследования археологического наследия именно как источников по национальной истории.

В заключение проанализируем и некоторые другие причины формального и содержательного характера, также указывающие на необходимость специализированного подхода в рассмотрении археологических памятников Казахстана как исторических источников и возможности их отделения от круга исторической науки и симбиоза с другими отраслями.

Первое – это специфические особенности археологических памятников Казахстана по эпохам. К примеру, памятники палеолита Казахстана в подавляющем своем большинстве представлены стоянками открытого типа, весьма мизерно количество стратифицированных и пещерных памятников, в силу аридного климата не найдено останков людей – за исключением новокаменного века [384, с. 41-76], что затрудняет исследование антропогенеза древних популяций людей на территории страны. Это в достаточной мере отдаляет возможность интеграции отечественной первобытной археологии с антропологией и с естественными науками и требует развития специализированных и адаптированных методов исследования каменных артефактов – типологии и классификации и др., играющих ключевую роль в хронологической и технологической идентификации.

По другим историческим эпохам Казахстана можно отметить ряд особенностей, которые уже приведены выше – это специфика территориального, хозяйственного и природно-климатического характера. Также следует сказать об исторически сложившихся приоритетах археологии Казахстана – превалирующее развитие археологии погребально-поминального

характера с заметным отставанием поселенческой археологии. Это связано с ошибочным мнением об отсутствии у представителей скотоводческого хозяйства стационарных мест обитания – как показывают исследования последних десятилетий, хозяйство у древнего и средневекового населения Казахстана было комплексным, и скотоводческая ориентированность хозяйства – не показатель отсутствия мест проживания указанного характера – ученые активно исследуют поселения ремесленников и металлургов, а также сезонные пункты базирования (зимовки и прочее) [385, с. 103-118; 386]. Как бы ни было, этот уклон казахстанской археологии в определенной мере обуславливает необходимость его учета при разработках теоретико-методологического толка, а именно попытки отделения или перевода всей научной отрасли без полноценного развития ключевых направлений невозможно до достижения адекватного баланса, так как односторонность развития указывает на ее научно-методологическую некомплектность для полной самостоятельности и определенную зависимость от науки гегемона, в составе которой она находится. Однако, скорее всего, дальнейшее развитие направлений и профильных специализаций казахстанской археологии, если быть точнее, поселенческой археологии, приведет, наоборот, к более тесной интеграции истории и археологии вследствие того, что увеличение количества материалов по стационарным пунктам проживания потребует поиска аналогий в контексте преемственности в материалах исторической науки и ее важных отраслей – ВИД, этнографии и т.д. На это прямо указывает и тот факт, что археология нашей страны в орбиту своих интересов включает данные казахской этнографии [387], и в том числе поселения постоянного и сезонного характера, вплоть до нашей с вами современности, которые также практически не изучены [388]. Последнее во многом перекликается с поднимаемым ведущим этноархеологом Казахстана С.Е. Ажигали, уже отмеченным, вопросом о необходимости развития в стране «казахского памятниковедения» и образования специализированного научно-исследовательского центра по изучению материальных памятников, в рамках интеграции в изучении и охране этого бесценного наследия широкого хронологического отрезка всех компетентных в этом вопросе наук и отраслей [313, с. 85-87], и это еще одно свидетельство, что будущее истории, археологии и других близких сфер науки страны – в тесном сплочении.

В казахстанской исторической науке имеется огромный пласт научной информации археологического, этнографического и собственно исторического характера, который еще ждет своего исследователя. Это, прежде всего, проблемы преемственности культур при безусловной ее разнообразности и мультигенетичности на разных этапах истории, взять хотя бы орнаменты пазырыкских курганов Алтая [389], находящие прямые, даже поражающие своей идентичностью, аналогии в прикладном искусстве казахского народа. Объективно исследовать этот, казалось бы, очевидный осязаемый факт силами одной дисциплины или отрасли не получится, требуется весь потенциал исторической науки с привлечением широкого круга смежных и естественных

наук.

Резюмирую все сказанное, подытожим, что реалии науки нашей страны, как минимум на текущем этапе, показывают, что нет методологической и насущной основы в отделении археологии от исторической науки, археологические источники нашей страны есть исторические, в том числе, при любых обстоятельствах, те археологические памятники, которые исследованы и исследуются в рамках национальных, региональных и др. стратегических программ, направленных на изучение отечественной истории.

Таким образом, посильно рассмотрев историчность археологических источников, хотелось бы перейти к, по мере возможности, детальному анализу содержания и первичных результатов непосредственных полевых археологических исследований по национальной программе, с позиции оценки выполнения возложенных на них задач, академического оформления итогов и, конечно же, вклада в национальную историю и в историю народов Евразии – обзор основного эмпирического метода-действия с последующим рассмотрением заключительно-интерпретационного этапа научного поиска в археологии.

В виду чрезмерной объемности научной информации основной акцент сделан на археологические раскопки, методы-операции и первый цикл методов-действий – археологические разведки, а также второй этап археологических изысканий – камерально-лабораторные работы при необходимости будут рассматриваться попутно и в контексте.

2 ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В РАМКАХ ПРОГРАММЫ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ» ПО РЕГИОНАМ

2.1 Жетысу: содержание и интенсивность полевых исследований, специфика памятников

Палеолитическая стоянка Майбулак

Исследовалась в рамках национальной программы «Культурное наследие» в 2009-2011 года, работы велись Ж.К. Таймагамбетовым. В разные годы научными работами руководили и принимали в них участие Т.Б. Мамиров, Д. Ожерельев, Г.Т. Искаков, Г.К. Омаров. Стоянка выявлена в результате разведочно-поисковых работ исследовательской группой КазНУ им. аль-Фараби в 2004 году, и первые изыскания велись в рамках научно-исследовательских работ университета при поддержке местных властей. Памятник расположен в Жамбылском районе Алматинской области, в окрестностях села Фабричный – в пределах предгорных сопок хребта Заилийский Алатау, на берегу одноименной малой реки (см. рис. В.1). Стоянка каменного века на момент выявления была значительно разрушена техногенным и антропогенным негативным влиянием. Общий фон работ носил аварийно-спасательный характер. В виду особой ценности памятника – это единственный в своем роде стратифицированный памятник палеолита в пределах юго-восточного Жетысу [81, с. 34-35] – объект был включен в реестр национальной программы «Культурное наследие».

Результаты археологических исследований стоянки показали, что она состоит из трех культурных слоев, в которых выявлены многочисленные образцы каменной индустрии верхнего палеолита, от разного рода отщепов до развитых форм нуклеусов. Также обнаружены следы очагов, открытые мастерские по изготовлению каменных орудий. Проведенный в Калифорнийском университете Беркли (США) радиоуглеродный анализ по C14 показал, что возраст стоянки порядка 40 тысяч лет, что соответствует периоду позднего или верхнего палеолита [82, с. 144].

По аргументированному мнению исследователей стоянки Майбулак, все каменные орудия изготовлены из местного сырья, в обработке камня преобладала леваллуазская техника (техника получения правильных овальных, прямоугольных и треугольных и др. отщепов с предварительно тщательно обработанного, так называемого «черепашковидного», нуклеуса). Призматическая техника (получение правильных форм «синхронных» пластин с нуклеуса в виде призмы) не была развита. Впервые в памятнике позднего палеолита Казахстана зафиксировано возникновение и становление микропластинчатой индустрии, характерной для конца позднего палеолита и мезолита Евразии, ряд технологических особенностей памятника указывает на близость с позднепалеолитическими памятниками Китая, Сибири, Средней Азии и Алтайского субрегиона [81, с. 35; 84, с. 5-68].

Учеными на основе многолетних исследований сделан вывод, что стоянка, по всей видимости, впервые была обжита человеком в середине или в конце верхнего палеолита [83, с. 86].

Стоянка Майбулак, как значимый памятник древнекаменного века Жетысу, играет важную роль в исследовании палеолита Центральной Азии.

Комплекс археологических памятников Тургенского ущелья

Комплекс разновременных памятников археологии, исследован в рамках программы «Культурное наследие» в период с 2007 по 2009 годы. Автор научно-исследовательских работ А.А. Горячев. Комплекс памятников Тургенского ущелья расположен в 90 км к востоку от города Алматы, на территории Енбекшиказахского района Алматинской области (см. рис. В.2). Археологический универсум ущелья Тургень впервые детально зафиксирован в 1996 году Семиреченской археологической экспедицией под руководством А.Н. Марьяшева и А.А. Горячева [97, с. 3].

В ходе археологических изысканий, как в отдельных научных проектах, так и в рамках программы «Культурное наследие», на территории ущелья Тургень – от одноименного села до плато Асы учеными выявлено более ста пятидесяти историко-культурных памятников в хронологическом диапазоне от эпохи бронзы до этнографического времени.

Памятники бронзового века представлены поселениями и могильниками – памятники оседлости состояли из полуземлянок угловатых форм, общее число выявленных поселений 4, могильники представлены каменными оградками, расположенными одиночно или отдельными цепочками с обрядами кремации и ингумации, количество некрополей бронзового века.

Основное число археологических памятников ущелья Тургень составляют погребально-поминальные памятники раннего железного века, представленные отдельными могильниками, общее число которых свыше ста единиц. Среди объектов эпохи раннего железа имеются и памятники элитарного характера – так называемые «царские» курганы скифо-сибирского мира Евразии. Также в пределах обозначенного ареала выявлены и поселения раннего железного века: сакского периода и поздние – усуньские. Всего зафиксировано 14 памятников оседлой культуры РЖВ.

Объекты средневекового времени представлены тюркскими погребально-поминальными памятниками, общее их число пять, но автор работ отмечает, что в виду того, что исследования проводились в нехарактерных для памятников тюркского круга ландшафтных зонах, их число на указанной территории должно быть больше [98, с. 256]. Комплекс историко-культурного достояния Тургенского ущелья замыкают казахские погребальные памятники позднего средневековья и нового времени, также зафиксировано одно джунгарское кладбище. Стоит отметить, что подавляющее большинство памятников Тургенского ущелья имеют смешанный тип и довольно часто содержат объекты от эпохи бронзы до этнографического периода [98, с. 257].

В 2007 году археологические исследования в Тургенском ущелье

проводились в двух направлениях – разведочно-поисковые работы и раскопки, последние имели место в пределах археологического комплекса Тургенъ-II, расположенного в 35 км к юго-востоку от одноименного села, в урочище Кызылбулак. Комплекс состоит из поселения Тургенъ-II и могильников Кызылбулак-I и Кызылбулак-II. Что примечательно, указанные памятники - смешанного характера, они содержат памятники эпохи бронзы и раннего железного века. В отмеченный год раскопки проведены на четырнадцати оградках бронзового века могильника Кызылбулак-I, также в комплексе Тургенъ-II исследован курган усуньского времени и жилые горизонты позднебронзового и сакского времени [99, с. 188-192].

Исследовательские работы 2008 года в пределах Тургеньского ущелья проводились на вышеуказанных памятниках. На поселении Тургенъ-II исследованы горизонты сакского времени. Первое – это культовое сооружение раннесакского периода, второе – это жилые помещения позднесакского этапа, располагавшиеся на жилых строениях переходного периода от позднебронзового к раннесакскому времени. Помимо этого, в могильнике Кызылбулак-I раскопано пять оградок бронзового века, также проводились разведочно-поисковые работы, в результате которых открыто свыше десяти некрополей РЖВ и два крупных поселения смешанного типа. В полевой сезон указанного периода осуществлены аварийно-спасательные раскопки тюркской оградки с каменным изваянием [100, с. 141-142].

В полевой сезон 2009 года археологические исследования сосредоточились в верховьях ущелья Тургенъ. В комплексе Тургенъ-II раскопаны ритуальная конструкция раннесакского времени и три жилые постройки юртообразной формы финального этапа сакского времени, также проведены изыскания на трех курганах усуньского периода. Помимо всего сказанного, в отмеченный период проводились работы разведочно-поискового характера в верхней части ущелья и на плато Асы – в пределах комплекса Кызылбулак-IV и на могильнике бронзового века Асы-XIV [101, с. 135-139].

В результате работ в ущелье Тургенъ в рамках национальной программы «Культурное наследие» выявлено значительное количество историко-культурных памятников, прослежена динамика скотоводческого хозяйства от эпохи бронзы до нового времени, зафиксирована сложная планиграфия и структура многослойных разновременных археологических памятников, получены ценные данные по одной из самых актуальных проблем исторической науки – по преемственности эпох и культур. Накоплен важный материал по погребальной обрядности и конструкциям от эпохи бронзы до средневековья, получены значимые для археологии Семиречья, Казахстана и Евразии в целом датировки памятников, как отдельно, так и в системной связке с объектами предыдущих и последующих эпох [98, с. 256-266].

Могильник раннего железного века Улжан

Исследование курганов раннего железного века Улжан, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводилось в период с 2006

по 2008 года. Раскопки 2006 и 2007 годов вел Ж.Е. Смаилов, в 2008 году работами руководил С.Ш. Акылбек.

Памятник впервые детально зафиксирован в 2003 году исследовательской группой Института археологии имени А.Х. Маргулана [390, с. 29].

Могильник раннего железного века Улжан расположен в северо-западной части г. Алматы, в пределах одноименного микрорайона Алатауского района, на левом берегу р. Большая Алматинка (см. рис. В.3). Работы на курганах Улжан по нацпрограмме «Культурное наследие» начаты в 2006 году по инициативе акимата г. Алматы, в рамках мер по спасению и сохранению культурного достояния – археологические памятники подвергались сильному разрушению вследствие антропогенной деятельности.

Могильник Улжан на момент первых раскопок состоял из расположенных по меридиональной оси пяти визуально фиксируемых курганов разной степени сохранности и довольно крупных размеров – диаметры от 44 м до 65 м, высота от 3,2 м до 7 м. Им присвоена соответствующая нумерация с юга на север. В 1 км к югу располагался могильник Улжан-II, также состоящий из пяти объектов, но сравнительно малых размеров – диаметры от 25 до 42 м, высота от 0,6 м до 2,2 м [102, с. 193; 390, с. 30].

В полевой сезон 2006 года в пределах могильника Улжан обследован аварийный курган № 4. Помимо того, что курган подвергся разрушительному антропогенному воздействию в современное время, он еще был основательно ограблен в древности – в могильной яме выявлены лишь разрозненные кости человека, обломки керамической посуды, фрагменты небольшой каменной чаши и некоторое количество золотых изделий. В результате археологических работ зафиксировано, что курган № 4 представляет собой сложное архитектурное строение из нескольких конструктивных уровней, отражающих мифоритуальные представления древних людей, связанных с погребально-поминальной обрядностью [102, с. 193-195].

В ходе 2007 года в пределах могильника Улжан были исследованы курганы № 3 и № 5.

Курган № 5 также сильно подвергся негативному антропогенному влиянию. Могильная была перекрыта накатом из бревен со следами горения и имела дромосный вход, в котором обнаружены останки собаки. В самой погребальной камере обнаружено две концентрации разного рода находок: первая в нише в северной стенке камеры, определенная авторами раскопок как «тайник» – содержала украшения, обломки керамики и фрагмент обработанного камня. Второе скопление находок выявлено в дромосе, состояло из беспорядочных костей взрослого человека, каменного пряслица и двух костяных наконечников стрел типичной и своеобразной формы. Зафиксировано, что наземное сооружение кургана № 5 также представляет собой сложную архитектурную конструкцию [103, с. 168-169].

Курган № 3 имеет схожую с ранее исследованными памятниками наземную конструкцию и в то же время своеобразную структуру подземных погребальных конструкций. В ходе исследования наземного сооружения

кургана обнаружен бронзовый котел сакского типа. В могильной яме кургана выявлены разрозненные кости человека и фрагменты от порядка восьми керамических сосудов [103, с. 170].

В 2008 году археологические исследования в рамках нацпрограммы проводились на могильнике Улжан-II. Раскопаны курганы раннего железного века № 1, № 4 и № 5. Все памятники ограблены в древности. В кургане № 1 выявлены разрозненные кости человека, фрагменты красноглиняной керамики, пастовые бусины и не идентифицированный предмет из железа [104, с. 137-138].

Курган № 4 в пределах наземного сооружения, дромоса и на уровне древней поверхности содержал трудноопределимый остеологический материала, фрагменты керамики, каменную зернотерку, бронзовый колокольчик. В могильной яме кургана вместе с беспорядочными костями человека выявлена сильно окисленная бронзовая поделка, возможно, монета [104, с. 138-139].

Наземное сооружение кургана № 5 также содержала значительное количество фрагментов керамики. В могильной яме выявлено инородное непотребоженное погребение человека, располагавшегося плашмя, между звеньями позвоночного столба зачищен железный наконечник стрелы – по всей видимости, это жертва древнего преступления. В самой погребальной камере кургана найдены лишь разрозненные фрагменты костей человека и сильно окислившаяся монета [104, с. 137-138].

Все исследованные в пределах могильника Улжан-II курганы имели сложную архитектурную конструкцию наземного сооружения [104, с. 137-140].

Авторы раскопок обоснованно считают, что, несмотря на ограбление всех без исключения исследованных курганов в двух могильниках и сильные разрушения вследствие крайне негативного антропогенного влияния, материалы научных изысканий дали обширный материал по архитектуре погребально-поминальных памятников сакского периода; по мировоззренческим основам и мифоритуальным практикам носителей культур раннего железного века Жетісу, ряд артефактов дает возможность проследить связи внутри скифо-сибирского миром Евразии [102-104: 390].

Необходимо сказать, что в изучении курганов Улжана принимала активное участие исследовательская группа З. Самашева – в 2007 году, в рамках договора с акиматом г. Алматы, учеными исследован курган № 2. Результаты исследований показали схожие с вышеописанными результаты в плане архитектурных особенностей наземных сооружений [391, с. 225-240].

Иссыкские курганы Жетісу

Археологические исследования всемирно известных Иссыкских курганов Жетісу, в рамках национальной программы «Культурное наследие» проводились в 2004-2005 года. Исследованные в отмеченный период памятники соотнесены с периодом средневековья. Автор раскопок Б. Н. Нурмуханбетов.

Курганы иссыкского археологического микрорайона получили мировую

известность после открытия погребения представителя элиты саков Жетысу, так называемого «Золотого человека». Курганный могильник Иссык расположен в 50 км к востоку от г. Алматы, на северо-западной части города Есик – районного центра Енбекшиказахского района Алматинской области (см. рис. В.4). Могильник состоит из более чем сорока курганов с диаметрами 70-100 м и высотой до 10-12 м [5, с. 112].

В 2004 году научные исследования в иссыкском археологическом микрорайоне состояли из изысканий в пределах поселения Рахат, на юго-восточной окраине одноименного поселка и раскопа трех аварийных курганов на самом иссыкском могильнике. В результате работ на поселении выявлены жилые постройки верхнего горизонта, датированы средневековым временем [5, с. 113].

В могильнике Иссык раскопаны курганы № 4, № 5 и один объект в северной части некрополя. В кургане № 4 исследована стратиграфия наземного сооружения, могильной ямы и каких-либо находок не зафиксировано. Курган № 5 содержал грабленое погребение, сохранились лишь раздробленные кости человека и отдельные фрагменты древесины и керамики. Третий курган имел наземную конструкцию из нескольких уровней и каменный панцирь, погребение также ограблено, зафиксированы лишь мелкие фрагменты костей и керамики [5, с. 113].

В полевой сезон 2005 года исследован курган № 7, также аварийного характера, располагался в южной части могильника в 800 м к востоку от поселения Рахат. В кургане прослежена структура наземного сооружения с двумя каменными оградами – одна из которых внутренняя, вторая внешняя. В ходе изучения наземной конструкции обнаружено железное тесло и зафиксированы фрагменты станковой керамики, классифицированной как часть кухонной и бытовой посуды. В могильной яме зачищены потревоженные кости человека. Курган датирован средневековым временем [6, с. 189-192].

Все исследованные в 2004-2005 года памятники археологии в пределах Иссыкского микрорайона, в том числе поселение и погребально-поминальные памятники, датируются авторами раскопок средневековьем – VIII-XI вв. н.э. Научно-исследовательские работы в рамках программы «Культурное наследие» на территории иссыкского археологического микрорайона носили аварийно-спасательный характер и были ориентированы на исследование самых сильно подверженных антропогенному и техногенному влиянию памятников, которые соотносимы с периодами раннего и начала развитого средневековья [5, с. 112-114; 6, с. 189-192].

Средневековое городище Койлык

Археологические исследования средневекового городища Койлык (в передаче авторов исследований – Каялык, Кайлык) в рамках программы «Культурное наследие» проводились в период с 2004 по 2010 годы. Автор научных работ К.М. Байпаков.

Памятник расположен в Саркандском районе Алматинской области, на

восточной окраине села Койлык (бывшее с. Антоновка), на берегах р. Ашы-Булак (см. рис. В.5). Первые исследования проведены в 1964 году, в современный период работы на городище были инициированы в 1998 году Южно-Казахстанской археологической экспедицией [105, с. 103], значительный объем работ выполнен в годы реализации программы «Культурное наследие».

В первый год работы на памятнике в рамках нацпрограммы в центральной части городища исследована соборная мечеть (главная мечеть города) датированная второй половиной XIII века, мечеть по своим конструктивным особенностям находит аналогии в культовых строениях приволжского региона [105, с. 104-105].

В отмеченном 2004 году у северо-восточных ворот города выявлен комплекс из двух сильно разрушенных мавзолеев, в одном из которых при раскопках были обнаружены мужское, женское и детские погребения, на фасадных частях мавзолеев зафиксированы элементы декора в виде резных терракот с эпиграфическим и растительным орнаментом. К юго-западу от мавзолеев располагалась Ханака (обитель дервишей суфиев), изучение которой тоже начато в указанный год [105, с. 105-106].

В полевой сезон 2005 года получили продолжение исследования выявленных ранее мавзолеев и ханаки. Осуществлены дополнительные изыскания в пределах соборной мечети и «манихейского» храма. Также в указанный год завершена топографическая съемка общего плана городища [106, с. 187-188].

В 2006 году на городище Койлык проводились работы по исследованию усадьбы на юго-западной части шахристана городища, также осуществлено исследование бань-хаммам и прилегающей к ним территории, помимо этого начаты работы на шахристане, направленные на изучение торткуля (центральное укрепление) [107, с. 50-153].

Полевой сезон 2007 года продолжил начатые в предыдущие годы исследования в пределах городища, также заложен новый раскоп за стеной шахристана – вскрыты четыре помещения средневековой усадьбы [108, с. 211-216].

В ходе полевых изысканий 2008 года исследован жилой дом XIII-XIV вв. из семи комнат, также в рамках исследования второго строительного горизонта осуществлен раскоп большого общественного здания из тринадцати комнат, некоторые из которых имели ритуальные алтари. Исследованные объекты находят аналогии в согдийских памятниках Средней Азии VIII-XI вв. [109, с. 143-145].

Научные работы 2009 года на средневековом городище начаты с заложения трех объемных раскопов – первый раскоп размечен в северной части шахристана, и в процессе исследовательских работ изучено два культурных горизонта, содержащих тринадцать жилых и хозяйственных построек.

Второй раскоп был заложен вблизи от первого, на территории, учтенной как один из городских кварталов, было исследовано четыре строительных горизонта, выявлено тринадцать помещений жилого и хозяйственного

назначения.

Третий раскоп был осуществлен у северной стены внутренней части цитадели. В ходе раскопа выявлено три строительных уровня, из них первые два поздние – XIII-XIV века, последний ранний, относится к XII-XIII векам. Памятники расположены рядом с раскопанной ранее соборной мечетью – возможно синхронные памятники [110, с. 153-156].

В полевой сезон 2010 года продолжены ранее проводившиеся работы на вышеотмеченных участках городища – было исследовано несколько жилых и хозяйственных помещений раннего периода городища. Также в указанный год на территории памятника было заложено два разведочных шурфа – первый в северной части городища – у предполагаемых ворот, второй шурф на шахристане у исследованной ранее соборной мечети [111, с. 81-84].

Средневековое городище Талхир

Научно-исследовательские работы, в рамках национальной программы «Культурное наследие», на средневековом городище Талгар проводились в 2004-2010 года. Автор работ Т.В. Савельева. Памятник археологии расположен в 25 км к юго-востоку от г. Алматы, в окрестностях г. Талгар (см. рис. В.6). Археологические исследования на городище проводятся с советского периода, с 70-х годов XX века раскопки на памятнике ведет Институт археологии им. А.Х. Маргулана под руководством указанного выше ученого. До наших дней сохранилась лишь центральная часть городища – цитадель, по окружности которой фиксируется крепостная стена с башнями, занимает площадь порядка 9 га [112, с. 223-225].

В ходе исследований 2004 года заложен раскоп у восточного въезда в городище, работы продолжили исследования предыдущих лет. В отмеченный период изучен верхний строительный горизонт – открыто одиннадцать помещений и три дворовые площадки. Выявлены многочисленные предметы материальной культуры средневековья: образцы разнovidной керамики, изделия из черных и цветных металлов – предметы быта, сельхоз инструменты, вооружение, зеркало, таз, канделябр и светильник-шырак. Полученный при раскопках материал датирован исследователями XI - началом XIII вв. [113, с. 107-112].

Исследовательские работы 2005 года на городище явились продолжением изысканий предыдущего года – заложенный у восточного въезда раскоп был расширен к востоку, к западу и к югу дополнительными раскопами. В ходе изысканий в пределах восточного раскопа был выявлен верхний строительный горизонт, обнаружен фрагмент изделия из камня с пятью хорошо обработанными точечными вдавлениями, также найден горшковидный керамический сосуд. Западный раскоп выявил часть вымощенной улицы городища с жилыми и хозяйственными постройками, в ходе исследования помещений обнаружены объемные керамические сосуды хозяйственного назначения, в одном из которых имелся «клад» из сельскохозяйственных орудий и предметов обихода из бронзы – бытовая утварь и светильник-шырак,

по мнению исследователей, некоторые изделия могут иметь переднеазиатское происхождение, и прибыли в Жетысу по Великому Шелковому пути. Датируются находки XI-XII вв. Помимо сказанного, найдены многочисленные изделия из железа – инструменты, оружие и т.д. Также исследовательские работы в данном раскопе расчистили значительную часть средневековой мостовой, в пределах которой найдено большое количество разного рода бытовых предметов – ключи, подковные гвозди, монеты, иглы, фрагменты серег и мн. др. Часть мостовой находилась под застройкой позднего периода, и исследователи заложили стратиграфический шурф. Шурф был доведен до уровня материковой почвы, в результате раскопа выявлены образцы поливной керамики и коллекция фрагментов стеклянных изделий, которые находят широкие аналогии в синхронных памятниках Казахстана [114, с. 184-186].

Археологические работы 2006 года системно продолжили изыскания последнего полевого сезона – раскоп у восточного въезда был значительно расширен к востоку и к западу. В ходе раскопа в верхнем строительном горизонте западной части открыты жилые и хозяйственные постройки, в которых найдены неполивные керамические сосуды, предметы быта и обихода из железа и бронзы. Также на западной стороне продолжены исследования мощенной внутриквартальной улицы – открыт и восстановлен участок мостовой с размерами 5,5 м, в ходе этого найдены многочисленные предметы быта – наконечники стрел, детали конской упряжи и т.д. На восточной стороне также открыты жилые помещения и хозяйственные постройки. Исследования выявили интересную планировку и элементы обустройства – имелись элементы внутреннего интерьера санитарно-гигиенического характера, обнаружены многочисленные образцы средневековой материальной культуры хозяйственно-бытового назначения. Помимо всего сказанного, осуществлены исследования магистральной мостовой, соединяющей восточные и западные въезды городища – выявлен пешеходный тротуар. Имели место изыскания в пределах основной магистральной мостовой в восточном направлении – расчищен отрезок мостовой протяженностью в 17 м до современной дороги [115, с. 183-184].

Полевые сезоны 2007-2008 годов продолжили исследования предыдущих лет – был осуществлен раскоп жилого квартала у восточного въезда городища, в ходе работ изучен верхний строительный горизонт, обнаружены многочисленные предметы бытового и хозяйственного назначения – посуда и водопроводная труба из керамики, изделия из металла: железные стремена в количестве одиннадцати штук, топор, котел и предметы утвари из бронзы. Также в пределах раскопа указанного года выявлено мусульманское погребение, датируемое XIII-началом XIV в., по мнению исследователей, часть городища в отмеченный период была заброшена и использовалась как кладбище. В южной части раскопа 2008 года были выявлены шахматные фигуры. В числе интересных находок указанного года можно отметить находки из кости – астрагалы, пуговицу и каменные жернова [116, с. 146-149].

В 2009 году археологические исследования продолжились у восточного

въезда городища – осуществлено дальнейшее изучение жилого квартала, мостовых. Имели место работы консервационного характера на ранее исследованных объектах, также были проведены работы по изучению фортификационных сооружений [117, с. 157-159].

Полевые работы 2010 года также системно продолжили ранее проведенные исследования у восточного въезда в городище. Открыты новые постройки жилого и хозяйственного назначения. Обнаружены многочисленные и разнообразные артефакты из керамики, металла и кости, в том числе и шахматные фигурки. Проведены масштабные работы по консервации исследованных в предыдущие сезоны объектов [118, с. 87-92].

Исследователи, резюмируя археологические исследования в рамках каждого из этапов реализации археологических работ, указывают на связи полученных данных с широким кругом материалов из Казахстана, Средней Азии, а также из стран дальнего зарубежья – Индии, территории Юго-Восточной и Передней Азии X-XIII вв. [112-118].

Таким образом, в пределах Жетысу исследовались памятники периода верхнего палеолита, эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья.

Интенсивность исследований вариативна: объекты первых трех названных периодов исследовались спорадически – в тот или иной этап функционирования нацпрограммы, постоянные исследования велись на памятниках городской культуры средневековья – Койлык и Талхир. Причина этого в том, что авторы в иные годы были заняты исследованиями памятников в иных регионах Казахстана, а памятники средневековья были внесены в постоянный список нацпрограммы республиканского значения. Научный уровень изысканий на должной высоте: исследования осуществлены передовыми научно-образовательными учреждениями страны – КазНУ им. аль-Фараби и ИА им. А.Х. Маргулана, руководители – профессиональные археологи, ведущие специалисты по соответствующим эпохам.

Специфика исследованных памятников во многом обусловлена их историческими периодами и географическим местоположением региона, также имеются индивидуальные особенности – стоянка эпохи камня Майбулак является одной из немногочисленных стратифицированных памятников палеолита Казахстана. Тургеньские памятники содержат памятники широкого хронологического диапазона, что весьма важно в реконструкции исторических событий в контексте преемственности. Памятники РЖВ Улжан и Исык имеют своеобразные особенности, при содержании в материалах широких аналогий с сопредельными регионами Казахстана и зарубежья, что указывает на широкие связи со скифо-сибирским миром Евразии. Средневековые города Койлык и Талхир отличаются синкретичностью, что говорит о многокомпонентности культуры их жителей и обширным влиянием торговых магистралей, в первую очередь, Великого Шелкового пути.

Задачи исследований, в первую очередь, как источника по национальной истории каждое исследование выполнило согласно своим срокам; учитывая важность полученных данных, можно с уверенностью констатировать

реализацию всех поставленных задач.

Из слабых сторон исследований в данном регионе можно назвать сравнительную краткосрочность исследований памятников древних эпох, крайне малую долю исследований памятников гунно-сарматской эпохи и древнетюркского времени.

2.2 Восточный Казахстан: категории исследованных археологических объектов и особенности научных работ

Шиликтинские курганы

Археологические научно-исследовательские работы на Шиликтинских курганах раннесакского времени, в рамках национальной стратегической программы «Культурное наследие», проводились с 2004 по 2011 года. Автор раскопок А.Т. Толеубаев. Широко известные в научном мире Шиликтинские курганы расположены в Зайсанском районе Восточно-Казахстанской области, в трех километрах к юго-западу от одноименного села (см. рис. В.7). Первые археологические раскопки проведены здесь советским археологом С.С. Черниковым в период с 1949 по 1962 годы с разным временным интервалом. С 2003 года археологические исследования ведутся КазНУ им. аль-Фараби под руководством профессора Толеубаева. Шиликтинские курганы известны тем, что здесь в 2003 году было исследовано элитарное погребение первой половины I тыс. до н.э., названное в широких кругах третьим «золотым человеком» [392, б. 23-24].

В 2004-2005 годы, в рамках реализации нацпрограммы, в Шиликтинском некрополе исследован курган № 1 могильника Шиликты-III. В ходе исследования курганной насыпи выявлены впускные захоронения трех человек поздних периодов, при одном из которых найдена бронзовая заколка и одна каменная бусина, два захоронения датированы ранним железным веком, последнее по ряду характерных черт признано мусульманским. Также в наземном сооружении зачищена деревянная конструкция из пяти установленных вертикально бревен, состоящая из двух отсеков погребальная камера четырехугольных форм была ограблена – выявлена каменная стела и обработанный фрагмент рога марала. В восточной части могильной ямы зафиксирован дромосный коридор длиной в 14 м и шириной в 2,4 м, перекрытый накатом бревен и жердями, дромос имеет смещение к юго-востоку на 13°, под слоем жердей перекрытия выявлены фрагменты тулова керамического сосуда, костяная расческа-заколка и поделка из рога марала [38; 39; 40; 41]. Также в 2004 году исследован малый курган указанного могильника с кольцевой оградой из камня – полностью ограбленный. В отмеченный полевой сезон 2005 года зафиксирована архитектура наземного сооружения кургана № 1, состоящая из трех уровней; выяснено, что основу курганной насыпи составляет конструкция из бревен, имеющая в разрезе форму усеченной пирамиды. На основе полученных материалов курган датирован VII-VI вв. до н.э. [41, с. 278].

Исследовательские работы в пределах Шиликтинского могильника в 2006 году были начаты с исследования архитектурных особенностей наземного сооружения кургана № 1 могильника Шиликты-III. Также в указанный год начаты раскопки кургана № 2 указанного могильника. В ходе работ в восточной части насыпи в верхнем уровне выявлено впускное захоронение человека без инвентаря, в процессе дальнейшего углубления зачищено еще одно позднее впускное захоронение женщины с младенцем, при погребении имелась заупокойная пища в виде костей мрс, также найдены - бронзовая серьга, пастовые бусины, коррозированное железо (характер не определен), следы органического материала в районе черепа и следы деревянной конструкции – остатки колоды или гроба. По некоторым особенностям погребальных конструкций и обряда, также по характеру выявленного инвентаря погребение было датировано III веком до н.э.

В 2006 году, помимо археологических раскопок, в рамках реализации национальной программы «Культурное наследие», проведены не менее важные в археологии полевые исследования – разведочно-поисковые работы, направленные на выявление и учет новых историко-культурных памятников и мониторинг текущего состояния ранее зафиксированных объектов. Одна из групп ученых Шиликтинской археологической экспедиции, под руководством Г.К. Омарова осуществила разведочные научно-исследовательские работы в Зайсанском и Тарбагатайском районах ВКО, были выявлены и взяты на учет порядка 50 памятников археологии от бронзового века до тюркского периода [42, с. 199-201].

Полевые исследования 2007 года состояли из продолжения работ по раскопу кургана № 2 могильника Шиликты-III. Итоги работ показали, что погребальная камера кургана полностью ограблена. Также в указанный год начаты раскопки кургана № 4 могильника Шиликты-III – обнаружено захоронение человека, при котором найден амулет из кости и железная поясная пряжка [43, б. 8-101]. Также в этот год завершены работы по реконструкции облачения «царя» из раскопок 2003 года [48, с. 8-160].

В сезоны 2008-2009 годов в Шиликтинском археологическом микрорайоне раскопаны курганы № 24, № 26, № 30 и большой курган под номером № 36 в могильнике Шиликты-I, также два малых объекта под номерами 12 и 15. Наземное сооружение кургана № 36 представляет собой объемную грунтовую насыпь с каменной окольцовкой и рвом по внешнему периметру, состоит из нескольких системных уровней, отражающих очередность возведения и бытовавшие мифоритуальные практики. В ходе раскопа наземного сооружения выявлены разрозненные кости человека и животных, поделки из камня и кости, в юго-восточной части кургана находилось впускное погребение без инвентаря. Погребальная камера оказалась полностью ограблена – найден разрозненный остеологический материал человека и животных, также фрагмент керамического сосуда. Все другие объекты также оказались подвержены разрушительному ограблению. Памятники датированы сакским и сако-усуньским временем [44, с. 9-85; 45, с. 172-174].

В период 2010-2011 года работы проводились в пределах Шиликтинского археологического микрорайона, исследования были сосредоточены на поселении эпохи раннего железа Карашоқы-I и на погребально-поминальных памятниках Шиликтинского могильника. Получен обширный материал, представленный образцами керамической посуды, зафиксированы своеобразные конструкции поселенческого и погребально-поминального характера – очаги, остатки жилых и хоз. строений, надземные и подземные структурные элементы захоронений и мн. др. [46, 6-75 б.; 47, 8-80 б.].

Согласно выводам ученых, в результате научно-исследовательских работ в пределах Шиликтинского некрополя, в рамках программы «Культурное наследие», были получены важные материалы по архитектуре погребальных сооружений первой половины I тыс. до н.э. по технологии и технике возведения элитарных курганов, по особенностям строительного материала, по погребальному обряду, динамике материальной культуры и связанных с ней, мировоззренческим основам раннесакского социума VIII-VI веков до н.э. [38-47].

Некрополь Берел

Полевые археологические исследования Берельских курганов, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились с 2004 по 2010 годы. Автор научно-исследовательских работ З. Самашев. Памятники археологии Берел расположены в пределах одноименного сельского округа Катонкарагайского района Восточно-Казахстанской области, в горной долине – на третьей надпойменной террасе р. Бухтарма (см. рис. В.8).

Первые археологические исследования на Берельских курганах были проведены в 1865 году немецким ученым Ф.В. Радловым, им был изучен Большой Берельский курган № 1 [393, с. 228-229] – в памятнике было найдено 17 лошадей, из которых 16 особей лежали вместе, а одна рядом с останками погребенного. В погребальной камере зачищен сруб и колода. К сожалению, погребение было ограблено еще в древности. Из находок можно назвать бронзовые фигурки птиц по углам колоды и немного бронзы и золота в самой колоде. Что интересно, именно в ходе изучения Большого Берельского кургана Радлов впервые столкнулся с таким феноменом, как погребение в вечной мерзлоте. Следующие исследования на некрополе были проведены в 1959 году ленинградским археологом С.С. Сорокиным – им был повторно исследован Большой Берельский курган Радлова, была проведена работа по документированию погребальных конструкций, взяты образцы древесины для радиоуглеродного и дендрохронологического анализа [253, с. 51-58].

История масштабного изучения Берельских памятников начинается с 1997 года – именно тогда группа ученых международной казахско-французской экспедиции во главе с профессором З. Самашевым прибыла на Берельский некрополь для проведения разведочных работ с целью оценки текущего состояния курганов и выбора объекта для археологических раскопок, которые стартовали в 1998 году и принесли сенсационные результаты, облетевшие весь

научный мир – обнаружено парное захоронение мужчины и женщины, причем, последняя погребена несколько позже и по результатам анализа ДНК является близкой родственницей мужчины – это сестра или, вероятней всего, мать. Рядом с усопшими располагались захоронения 13 лошадей с великолепными деталями амуниции – остатки масок с выполненными из дерева рогами горного козла, фигурки фантастических и реальных животных, в частности, грифона, а также другие украшения узды, седел и остальной сбруи, сделанные из дерева и покрытые золотой фольгой. Погребения людей были ограблены еще в древности, но кони остались нетронутыми и, что примечательно, некоторые особи находились в линзе мерзлоты, и сохранились мышцы, шкура и другие белковые структуры организма [253, с. 47-88]. С 1998 года археологические работы в пределах Берельского некрополя проводятся непрерывно – значительный объем научных работ выполнен в годы реализации национальной программы «Культурное наследие».

В полевой сезон 2004 года в пределах Берельского некрополя исследовано несколько курганов. Первый – это курган № 71, в котором выявлено ограбленное захоронение человека в деревянной погребальной конструкции – кости были потревожены, но в первоначальном состоянии сохранилась часть скелета в тазовой области, в могильной яме найдены предметы вооружения из железа – корродированные кинжал и чекан, также обнаружены костяные наконечники стрел. В северо-западной части могильной ямы располагалось захоронение двух лошадей, при них из конского снаряжения обнаружены деревянные псалии и бронзовые удила с кольчатými окончаниями, элементы амуниции одной из лошадей были украшены клыками кабана. Наряду с описанным объектом, в отмеченный полевой сезон осуществлено исследование кургана № 4, имевшего каменную насыпь с платформой и внешней крепидой из крупных плит. В погребальной камере имелся сруб из трех венцов бревен, в котором располагалась колода из цельного ствола лиственницы; погребение человека было ограблено. У северо-западной стенки погребальной камеры зачищено захоронение лошадей, имевших украшения амуниции из золотой фольги и имитацию рогов горного козла. Сруб с погребением человека и конский отсек были накрыты несколькими слоями бересты. Кони с элементами украшений были изъяты двумя блоками и перевезены в лабораторию, где был проведен комплекс работ по консервации и реставрации [7, с. 121-123].

В ходе раскопок кургана № 4 к востоку от него выявлены две оградки позднего периода – I тыс. н.э. (объект № 4а), в оградках располагались каменные ящики, в одном из которых найдены фрагменты костей человека крайне плохой сохранности, второй был пустой.

Курганы № 71 и № 4 датированы исследователями IV-III вв. до н.э. Объект № 4а в свете исследований последних лет соотносим с предтюрокским временем; если быть точнее, с памятниками племен сянбийского круга [394, с. 44-45].

Также в 2004 году, в рамках программы «Культурное наследие», осуществлены работы по консервации и реставрации деталей конского

снаряжения из кургана № 11, обработано и подготовлено к экспонированию 10 предметов [7, с. 121-123].

В ходе археологических исследований 2005 года в Берельском некрополе раскопан курган № 10, наземное сооружение которого находит аналогии в ранее исследованных памятниках – округлой формы конструкция сооружена из камня горного сланца и речного галечника имеет основание-платформу и по внешнему периметру крепиду из крупных блоков и плит сланца. В ходе изучения наземной конструкции кургана выявлено впускное погребение позднего периода – найден каменный ящик с фрагментами черепа человека, инвентарь в виде каменного пряслица, височных украшений и шпильки из железа, за юго-западной стенкой ящика зачищены кости лошади, с северо-западной стороны при уборке камней найдены железные удила с псалием. В погребальной камере кургана № 10, вдоль юго-восточной стенки, выявлен сруб с колодой, которая также ограблена еще в древности, за срубом расчищены останки десяти коней, уложенных в три ряда и в полной амуниции с богатым содержанием – имелись седельные покрытия, украшенные цветной аппликацией с изображениями фантастических животных. Некоторые особи имели на боках подвешенные щиты, сплетенные из прутьев, череп первой лошади был увенчан деревянными изделиями, стилизованными под рога горного козла. Практически все снаряжение лошадей было украшено разного рода изображениями фантастических и реальных животных, имелись художественные элементы функционального и декоративного предназначения – остатки двухмерных композиций в виде голов животных, плакированных золотой фольгой, всадническая плеть из дерева с окончанием в виде оскалившегося хищника, также покрытая фольгой из золота и мн. др. При разборе грабительского лаза обнаружены фрагменты колчана с древками, шесть костяных наконечников стрел, бляшки-пуговицы с изображением архара, костяная пряжка с фигурой оленя, двухмерные композиции, передающие животных, и статуэтка архара с позолотой [8, с. 272-277].

Исследованный в 2005 году курган № 10 принес ценный информативный материал по архитектуре и строительному делу раннего железного века о погребальном обряде и религиозно-мифологических представлениях древнего населения Казахского Алтая.

Археологические исследования 2006 года на некрополе Берел состояли из раскопок кургана раннего железного века № 9 и объект I тыс. до н.э. № 9а.

Курган № 9 имел сложную наземную конструкцию с первоосновой из крупных блоков и плит сланца с функцией укрепления всего наземного сооружения. В погребальной камере кургана найдено захоронения двух людей в одновенцовом срубе – потревоженный грабителями женский скелет лежал возле колоды; сохранившийся вещевой комплекс представлен серьгами из желтого металла с зернью, зеркало в районе пояса, сосуд для растирания и костяной наконечник стрелы. В колоде, по всей видимости, располагалось мужское погребение, но позже кости были выброшены при ограблении – в скоплении костей мужчины у сруба выявлен бронзовый сосуд-курильница,

бронзовые и костяные наконечники стрел, пуговицы, нашивки на одежду и деревянные фигурки сфинксов, плакированные золотом. Объект № 9а, расположенный с восточной стороны вышеописанного кургана, оказался системой ритуальных оградок позднего периода [9, с. 127-128].

Помимо сказанного, в 2006 году, в рамках программы «Культурное наследие», в пределах Казахского Алтая осуществлены исследования курганов с мерзлотой с применением методов естественных и технических наук [10, с. 155-156; 11, с. 203-207] и проведены разведочно-поисковые работы с применением ГИС-технологий [12, с. 207-209].

В 2007 году в некрополе Берел осуществлены археологические исследования объектов № 72, № 73 и № 74, которые принесли схожий ранее исследованным памятникам материал [13, с. 5-187].

В полевой сезон 2008 года в пределах Берельского некрополя исследован курган № 16 и прилегающие к наземному сооружению объекты поздних периодов - № 16А, № 16В и № 16С. Курган № 16 оказался полностью ограблен – зафиксировано парное захоронение мужчины и женщины в сопровождении восьми коней, все кости потревожены и перемешаны. Выявленные с костями лошадей и человека предметы материальной культуры находят аналогии в ранее исследованных памятниках Берельского некрополя. Из интересных находок можно отметить пару лопаточных костей мрс в грабительском лазе, со сквозными отверстиями – на одной девять, на другой три, возможно, в свое время лопатки были связаны. Объекты № 16А и В оказались ритуальными оградками, в объекте № 16С найдено потревоженное погребение человека со скудным инвентарем и сопроводительное захоронение коня [14, с. 160-162].

Археологические исследования 2009 года проводились на могильнике Берел-II, который относится к начальному этапу эпохи раннего железа. В пределах отмеченного могильника исследованы курганы № 1 и № 2, оказавшиеся ограбленными. На основе особенностей погребального обряда и конструкций, по характеристикам выявленного инвентаря памятники датированы VII-VI вв. до н.э. [15, с. 169-171].

Полевые исследования 2010 года на Берельских курганах состояли из раскопок курганов № 8 и № 75. Курган № 8 имеет схожую с ранее исследованными объектами наземную конструкцию, в погребальной камере зачищены сруб и ограбленная колода с останками женщины средних лет. Из интересного инвентаря можно назвать бронзовое зеркало с зооморфной ручкой в виде хищной птицы, остальной инвентарь стандартный, также в могильной яме зачищено захоронение двух лошадей с железными удилами. Курган № 75 до раскопа имел сильно задернованную наземную конструкцию, которая после расчистки оказалась схожей с ранее исследованными объектами. В могильной яме кургана расчищен сруб с колодой, ограбленный в древности, из инвентаря зафиксированы наконечники стрел из кости или рога, мясной нож и заупокойная пища в виде хвостовой части овцы. У сруба располагались захоронения пяти лошадей с элементами амуниции, находящими аналогии в других памятниках некрополя Берел. По ряду признаков исследованные

курганы датированы III веком до н.э. [16, с. 93-96].

Погребальные конструкции курганов некрополя Берел характеризуется элементами, свойственными для пазырыкской культуры Алтая. Полученные в пределах Берельского некрополя, в ходе реализации программы «Культурное наследие», материалы значительно дополняют имеющиеся в археологии данные о населении горно-долинной и степной полосы Евразии в начале I тыс. до н.э. [7-16].

Раннетюркский комплекс Сарыколь

Археологические исследования раннетюркского комплекса Сарыколь, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились в 2006-2008 и в 2010 годы (см. рис. В.9). Автор исследований З. Самашев. Памятник расположен в Абайском районе Восточно-Казахстанской области, в 45-50 км к юго-востоку от районного центра – села Караул. Системные археологические исследования Сарыкольских памятников начаты в 1999 году сводной научной экспедицией КазНУ им. аль-Фараби, ИА им. А.Х. Маргулана и Семипалатинского педагогического института, под общим руководством З. Самашева, А.Т. Толеубаева и А.И. Исина [17, б. 118].

В полевой сезон 2006 года исследованы каменные оградки № 12, № 13 и № 14. Научные изыскания в пределах оградок № 12 и 13 ограничились расчисткой конструкций наземного сооружения, оградка № 14 в отмеченный полевой сезон исследована полностью – по размерам уступает первым двум объектам, состоит из двух каменных сооружений. Раскопки показали, что памятник подвергся сильному ограблению, каких-либо находок выявлено не было [17, б. 120; 18, с. 171].

В 2007 году продолжено исследование ранее намеченной оградки № 12. У восточной части ограды № 12 имелось каменное изваяние, в памятнике захоронения не обнаружено – по всей вероятности, это культово-ритуальное сооружение, при изысканиях в пределах каменного изваяния у ограды № 12 найдены кости лошади и пастовая бусина [19, б. 67-68].

В 2008 году археологические исследования проводились на ограде № 13, которая также не содержала следов погребений – объект культового назначения, при расчистке наземного сооружения ограды № 13 выявлен небольших размеров кувшин из серебра и в одном из секторов железные удила [395, б. 41-44].

В полевой сезон 2010 года на археологическом комплексе Сарыколь исследовано несколько объектов: оградки раннетюркского времени с каменным изваянием №№ 1, 2, 3 в могильнике Копя-I - не содержали погребений. По всей вероятности, это объекты культово-ритуального назначения. Каменная выкладка № 1 в могильнике Копя-II, представляющая собой каменное сооружение наподобие курганной насыпи, но с читаемой угловатостью, с восточной части наземной конструкции установлено два каменных изваяния небольших размеров. Раскопки объекта захоронения не выявили, найдены лишь фрагменты керамики, отдельные фрагменты трудноопределимых костей и

следы кострища. Также была исследована оградка эпохи бронзы № 3 в могильнике Копа-III; раскопки показали, что памятник был ограблен – найдены разрозненные кости человека и обломки керамической посуды с орнаментацией, характерной для бронзового века [396, б. 365-372].

Археологические исследования Сарыкольских памятников, в рамках программы «Культурное наследие», значительно пополнило источниковедческую базу истории Казахстана по раннему этапу тюркской культуры.

Суммируя, отметим, что на территории Восточного Казахстана исследованы памятники раннесакского и развитого сакского периодов древнетюркского времени.

Интенсивность исследований указанных памятников достаточно высока – памятники сакского периода Шиликты и Берел исследовались на протяжении всей нацпрограммы, тюркский комплекс Сарыколь исследовался со второго этапа программы с разной периодичностью. Научный уровень изысканий – на должной высоте: исследования осуществлены передовыми научно-образовательными учреждениями страны – КазНУ им. аль-Фараби и ИА им. А.Х. Маргулана, руководители – профессиональные археологи, ведущие специалисты по соответствующим эпохам.

Специфика исследованных памятников во многом обусловлена их историческими периодами и географическим местоположением региона, являющегося трансграничной территорией между Саяно-Алтаем, Южной Сибирью, Китаем и Жетысу-Тянь-Шанем. Также имеются индивидуальные особенности – Шиликтинские памятники, при всём внутреннем многообразии классической раннесакской культуры, отличаются полным отсутствием конских сопроводительных захоронений, тогда как Берельские памятники являются эталонными памятниками с конскими сопогребениями, как минимум, для Восточного Казахстана. Сарыкольский древнетюркский комплекс показывает аналогии с памятниками подобного круга на территории Монголии при своеобразии, характерном для памятников Западно-тюркского каганата.

Задачи исследований как источника по национальной истории каждая научная тема выполнила в полной мере. Учитывая важность полученных данных для истории Казахстана и Евразии, можно с уверенностью констатировать реализацию всех поставленных задач.

Следует отметить, что в регионе, в рамках программы, целенаправленно абсолютно не исследовались памятники каменного века и средневековья, крайне мизерно было исследований памятников эпохи бронзы и гунно-сарматского времени.

В целом, учитывая потенциал региона и наличие всех категорий археологических памятников, археологических исследований было несоразмерно мало — это существенное упущение.

2.3 Южный Казахстан: процесс и динамика полевых изысканий, степень результативности

– Жамбылская область:

Тюркское святилище Жайсан

Археологические исследования памятников раннетюркского времени Жайсан, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились в период с 2004 по 2009 годы (см. рис. В.10). Руководитель работ А.М. Досымбаева. Памятник расположен в Шуйском районе Жамбылской области, в одноименной долине у северо-западных склонов хребта Кіндік-Тас Шу-Илийских гор.

В 2004 году с момента старта национальной программы на святилище Жайсан осуществлены следующие работы – в результате разведочно-поисковых работ открыто 16 новых культово-мемориальных комплексов, осуществлена документальная фиксация петроглифов и тюркских тамг в местностях Жайсанского микрорегиона, изучена иконография и другие скульптурные особенности каменных изваяний тюркского времени, проведены археологические раскопки на 13 ритуальных оградках на группах памятников Жайсан-I, II, IV, VI, X, XV. По результатам работ зафиксирована прямая преемственность между тюркскими племенами средневековья и современным казахским населением региона [119, с. 128-131].

Исследования 2005 года включали в себя работы по поиску и фиксации новых историко-культурных памятников тюркского времени. В результате этих работ выявлены мемориальные комплексы Жайсан-XVIII и Жайсан-XXVII, из которых последний является «княжеским» и состоит из объектов элитарного характера; также два комплекса древнетюркского времени открыты в горах Хантау. Помимо отмеченного, проведены работы по изучению топографии памятников, консервационные работы на комплексах Жайсан XIV, XVI, XX, XXVI и осуществлены археологические раскопки в комплексе Жайсан-X – исследован курган в южной части комплекса. В ходе работ выявлена квадратная в плане объемная каменная конструкция, в расположенной с небольшим отклонением от центра могильной яме выявлено погребение двух персон, на пальце одного из погребенных найден золотой перстень, в ногах второго человека зачищен круглодонный лепной керамический сосуд с петлевидной ручкой и со следами копоти. В полевой сезон отмеченного года также проведены работы по консервации и реставрации каменных изваяний на месте их расположения [120, с. 223-225].

Полевые археологические исследования 2006 года состояли из продолжения работ по поиску и документальной фиксации новых мемориальных комплексов тюркского времени, образцов тюркских наскальных рисунков и тамг, а также из археологических раскопок в пределах комплекса Жайсан-XIV и на одиночной оградке Жайсан-XXIV. В указанном комплексе, состоящем из трех курганов и двух оград, исследования проведены на кургане

№ 1 и на ограде № 2. Курганный памятник имел грунтово-глиняную насыпь с каменным панцирем и каменное кольцо по периметру основания, могильная яма полностью ограблена – найдены лишь разрозненные мелкие кости. Ограда № 2 выполнена из вкопанных на ребро плит, раскопки не выявили захоронений и иных погребальных структур. По всей видимости, ограда имела поминально-ритуальный характер. Одиночная ограда Жайсан-XXIV расположена в 250 м к югу от комплекса Жайсан-I, выполнена из установленных вертикально на ребро каменных плит, раскопки не выявили следов погребений и т.д.

Все исследованные в указанный период памятники были реконструированы.

Также в отмеченный год, в рамках программы «Культурное наследие», проведены работы по подготовке к созданию национального природного и этнокультурного парка «Мерке-Жайсан» [121, с. 137-138].

В полевой сезон 2007 годы археологические исследования проводились в урочище Теректы Жайсанского археологического микрорайона. В ходе работ раскопано три курганных памятника и цепочка оград с каменными изваяниями. Курган № 1 имел каменно-грунтовую насыпь, могильная яма ограблена, зафиксированы конечности и отдельные кости человека.

Курган № 2 также имел каменно-грунтовую насыпь, погребение ограблено, найдены лишь кости ног.

Курган № 3 имел каменную наземную конструкцию, в центре над могильной ямой зафиксировано сооружение из крупных каменных плит, установленных вертикально. В могильной яме зачищены фрагменты изделий из железа и кости, ничего более не найдено. Оградки исследованы частично, особое внимание уделено каменным скульптурам. Все раскопанные памятники были реконструированы.

Помимо всего вышесказанного, в ходе разведочных работ в указанный год в урочище Теректы выявлена серия средневековых поселений, на плато Аламан найдено несколько культовых мемориалов тюркского времени с каменными изваяниями [122, с. 248-252].

В 2008 году, наряду с ежегодными разведочно-поисковыми работами, были осуществлены археологические раскопки на комплексе Жайсан-XXVII, где исследован курган № 1 с каменно-грунтовой наземной конструкцией с двумя рядами каменных колец. В могильной яме зачищено погребение человека в вытянутом положении на спине, из инвентаря имелся коррозированный железный кинжал, три железные бляшки от истлевших ножен, пуговица из металла с зеленым окислением, костяное кольцо на пальце руки и пастовая бусина. Также археологические раскопки проведены на ритуальном сооружении из семи оградок с каменным изваянием вблизи группы курганов. Помимо этого, в указанный период начаты исследования крепости Толеби-Хиам, в 5 км к северо-востоку от с. Толеби, Шуского района Жамбылской области [123, с. 167-169].

В 2009 году археологические работы проводились на мемориальных комплексах древнетюркского времени Жайсан-XV и XVI, также были

продолжены исследования средневековой крепости Толеби-Хиам [124, с. 183-186].

В ходе научно-исследовательских работ в пределах древнетюркских мемориальных комплексов Жайсан получен ряд ценнейших данных по истории Казахстана второй половины I тысячелетия нашей эры.

Тюркское святилище Мерке

Научно-исследовательские работы на тюркском святилище Мерке, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились в период с 2004 по 2009 годы. Автор работ А.М. Досымбаева.

Памятник расположен в верховьях одноименной реки в Меркенском районе Жамбылской области, в ландшафтной зоне долины реки Шу (см. рис. В.11).

В полевой сезон 2004 года осуществлены работы по поиску и фиксации погребально-поминальных памятников древнетюркского времени, документации наскальных изображений и тамг указанной эпохи. Также проведен широкий круг работ, направленных на сравнительный анализ святилища Мерке и мемориальных комплексов Жайсан, расположенных в одном историко-археологическом ареале [125, с. 125-128].

Комплекс работ 2005 года состоял из нескольких направлений – поиск и документация новых погребально-поминальных памятников, работы по топографической фиксации выявленных и уже имеющих комплексов с изваяниями, наскальными рисунками и тамгами, сравнительно-сопоставительный анализ с памятниками раннего средневековья Казахстана и Евразии. Также проводились работы по подготовке создания национального парка в ареале раннетюркских памятников Мерке в рамках национальной программы «Культурное наследие» [126, с. 221-223].

Исследовательские работы 2006 года проводились в могильнике Каракыстак-I Меркенского археологического микрорайона. В 2006 году исследован курган № 1, в котором обнаружено захоронение с семью керамическими сосудами и золотой бляшкой-нашивкой с изображением птицы в геральдической позе [127, с. 161-162].

В пределах указанного могильника в 2007 году исследованы курганы № 2 и № 3 в первой группе памятников и курган № 8 во второй группе. Наземная конструкция курганов представляет собой насыпь с панцирем из крупных речных камней и кольцом у основания. В кургане № 2 зафиксированы разрозненные фрагменты древесины, отдельные кости человека и животного происхождения, обломки керамической посуды – памятник полностью ограблен. Курган № 3 также оказался полностью ограбленным, в могильной яме выявлено лишь разрозненные фрагменты костей человека. Курган № 8 имел двойное кольцо у основания, в могильной яме зачищено потревоженное погребение двух людей, при которых имелся инвентарь из четырнадцати керамических чашек разной степени сохранности, выполненных на матерчатом шаблоне и не имевших следов использования в обиходе, также в области таза

одного из погребенных выявлены два коррозированных наконечника стрелы с черешковым насадом. Помимо сказанного, при покойных имелась заупокойная пища в виде костей животных – лошади, крс и овцы, могильная яма в свое время имела перекрытие из бревен [128, с. 253-257].

В полевой сезон 2008 года продолжены археологические изыскания на могильнике Каракыстак-I, исследован курган № 12 в пределах третьей группы памятников. Курганный памятник имел каменно-грунтовую насыпь с внешним кольцом из камня, могильная яма оказалась ограбленной, на разных уровнях выявлены фрагменты керамической посуды и элементы украшения костюма из золота в количестве 30 единиц в виде пластин, пронизей разных форм.

Анализ исследованных объектов могильника Каракыстак-I показывает широкие аналогии с памятниками усуньского и раннетюркского круга Казахстана [129, с. 163-166].

Археологические работы 2009 года на памятниках Мерке, согласно календарному плану реализации программы «Культурное наследие», состояли из работ по изучению традиционного мировоззрения тюрков путем анализа культово-мемориальных комплексов, в том числе с помощью раскопок погребально-поминальных памятников, восстановления уже исследованных объектов, консервации и реставрации каменных изваяний, фиксации наскальных изображений и тамг тюркского времени. Археологические раскопки проводились в могильнике Каракыстак-XVIII, исследовано две оградки, по найденным наконечниками стрел и по конструкционным особенностям датируются промежутком VI-X вв. нашей эры [130, с. 187-188].

Материалы, полученные в результате археологических исследований, в рамках национальной программы «Культурное наследие, внесли существенный вклад в исследования тюркской культуры Евразии.

Археологический комплекс Акыртас

Археологические исследования комплекса Акыртас, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводилось с 2004 по 2009 годы. Автор работ К.М. Байпаков. Комплекс Акыртас расположен вблизи станции Акшолок Байзакского района Жамбылской области, в 40 км к востоку от г. Тараз (см. рис. В.12).

Археологические памятники Акыртас состоят из дворцового комплекса, крепости, садово-парковой территории, жилого квартала, строительно-промышленных и сельскохозяйственных зон, также групп сакских курганов. Исследования комплекса Акыртас имеет многолетнюю историю [131, с. 131].

В полевой сезон 2004 года проведены работы по подготовке к консервации и музеефикации дворцового комплекса, осуществлена общая топографическая съемка комплекса и произведены археологические раскопки крепости. В ходе раскопа крепости выявлено два строительных горизонта, свидетельствующих о двух периодах жизни крепости. Зафиксированные при раскопках разрушения и объемные завалы могут указывать на сильное землетрясение, прекратившее функционирование крепости [131, с. 131-133].

В 2005 году археологические работы проводились на территории дворцового комплекса и на прилегающей к нему территории – исследован резервуар-хауз, по площади дворцового комплекса заложены стратиграфические шурфы, открыты отдельные помещения дворца, раскопаны валы на примыкающей территории, где выявлены развалы построек и погребения. Выяснено, что хауз имеет два этапа использования. Первый – это по прямому назначению водосборник, второе – как места погребения в позднее время. Помимо этого, изыскания проводились на территории караван-сарая близ упомянутого хауза. Также в указанный период были продолжены раскопки в пределах крепости – вдоль южной крепостной стены в направлении юго-восточной угловой башни [132, с. 212-216].

Исследовательские работы 2006 года на комплексе Акыртас продолжили раскопки в северо-восточной части дворца – открыто десять помещений, выявлена часть стены площади, длиной порядка 40 м. Также проведены раскопки предполагаемой мечети, найдены остатки керамических труб – по всей видимости, от линии канализации. Продолжились работы в пределах караван-сарая вблизи дворца, осуществлены изыскания в производственной зоне, где найдены площадки для обжига гипса в рамках производственного цикла по изготовлению ганча. Кроме сказанного, произведены разведочно-поисковые работы на прилегающей к комплексу Акыртас территории, в результате этого найдено несколько новых могильников сакского времени, ранее неизвестных науке, и место полевого лагеря. Помимо всего сказанного, в указанный период проведен широкий круг работ по обработке полученного материала и оцифровке информации [133, с. 114-117].

В 2007 году археологические исследования продолжились на территории дворцового комплекса – заложено 7 шурфов, расчищена часть колоннады, открыто 200 кв. метров внутренней площади дворца. Также раскопки велись в пределах караван-сарая – полностью открыт двор, обнаружены захоронения позднего периода, были заложены шурфы на площади предполагаемого замка правителя – расчищен вход, выявлен уровень пола. Помимо этого, в 2007 году проведены разведочно-поисковые работы, в результате которых в окрестностях комплекса найдено казахское поселение этнографического времени, группы сакских курганов, обнаружены следы водопровода в одном из близлежащих урочищ – остатки системы водоснабжения комплекса Акыртас. Кроме того, в указанный год проведены обширные работы по обработке и сохранению полученных данных с помощью передовых цифровых технологий [134, с. 258-260].

В полевом сезоне 2008 года археологические работы на комплексе Акыртас велись на территории, прилегающей к караван-сарая, на кургане к западу от дворца и на системе водоснабжения всего комплекса. В пределах смежной к караван-сарая территории открыты остатки четырех помещений, раскоп охватил 500 кв. метров. Курган имел грунтовую насыпь с незначительным содержанием камней, могильная яма оказалась разграбленной – обнаружены лишь кости рук человека. Изучение системы водоснабжения велось в

следующих направлениях – поиск и фиксация сети каналов и водопроводов, закладка раскопов в местах, представляющих интерес с точки зрения строительных особенностей. В результате работ зафиксированы хаузы и дамбы, каналы и линии водопроводов, которые зачастую комбинируются, исследовано шесть каналов водоснабжения [135, с. 174-177].

Археологические работы 2009 года сосредоточились на исследовании крепости комплекса Акыртас – изучена значительная площадь памятника, вскрыты жилые и хозяйственные помещения, стены и оборонительные башни крепости. Проведен широкий круг работ по изучению общей планиграфии, этапов функционирования крепости [136, с. 175-179].

Археологические исследования комплекса Акыртас, в рамках программы «Культурное наследие», значительно пополнило источниковедческую базу по средневековой истории Казахстана в контексте изучения обширного кругов вопросов по взаимоотношениям средневековых культур автохтонного и пришлого характера и процессов становления и упадка городской культуры средневекового Казахстана [131-136].

Средневековое городище Актобе (Баласагун)

Исследование средневекового городища Актобе (Баласагун) проводилось с 2007 по 2009 годы (см. рис. В.13). Автор исследований У.Х. Шалекенов. Памятник расположен в 3 км к юго-востоку от современного села Баласагун (быв. колхоз им. Калинина) Шуского района Жамбылской области. Системное изучение городища ведется с 1974 года учеными КазНУ им. аль-Фараби – здесь расположена стационарная база археологической практики университета, через которую прошли тысячи студентов. Остатки городища на современном этапе состоят из двух шахристанов, цитадели и городской округи [137 с. 235].

В полевой сезон 2007 года исследования проводились на дворцовой площади в центре цитадели, обнаружен юго-восточный вход на площадь, в районе которого открыто два помещения. На шахристане изучены остатки минаретных башен караханидского времени. В ходе раскопа остатков зданий, в современном состоянии имеющих форму бугров, расчищено два помещения № 22 и № 23, имевшие производственный характер – найдены трубы-кубуры и хумы, по всей видимости, здесь располагалась винодельня. Также в 2007 году осуществлена аэрофотосъемка всего городища и сопредельной территории [137, с. 235-237].

Исследовательские работы 2008 года велись на дворцовой площади и на юго-восточных воротах цитадели городища, в ходе работ открыты внешняя крепостная стена цитадели и десять жилых помещений, обнаружено большое количество керамики, представленной бытовой, столовой и кухонной посудой, найдено две бронзовые монеты с квадратными отверстиями – так называемые «тюргешские монеты». Исследованные памятники датированы IX-XI вв. [138, с. 170-171].

Археологические исследования 2009 года продолжились на шахристане городища – заложено два контрольных раскопа в северо-восточной и юго-

западной части – в результате раскопа выявлены две стены и углы здания, в ходе дальнейшего расширения зачищен фундамент минаретной башни и остатки цокольной части из жженого кирпича, основной участок башни был разобран на стройматериал в позднее время. В целях выявления основания здания в юго-западной части был заложен контрольный раскоп, доведенный до материковой почвы, в результате работ определено, что сооружение стоит на стилобате (основание здания, на котором стояли одна или несколько колонн). Установлено, что памятник выполнен в форме восьмигранника. Подобные сооружения эпохи караханидов XI-XII вв. зафиксированы на территории современного Кыргызстана (Бурана и Узген). В ходе раскопа выявлены многочисленные образцы керамической посуды бытового и столового назначения [139, с. 189-190].

Археологические исследования городища Актобе (Баласагун), в рамках национальной программы «Культурное наследие», внесли ощутимый вклад в изучение средневековой городской культуры Казахстана [137-139].

– Туркестанская область:

Палеолитические стоянки Кошкурган и Шоктас

Исследование памятников эпохи палеолита Кошкурган и Шоктас, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились в 2004, 2005 и 2007 годах (см. рис. В.14). Автор исследований Ж.К. Таймагамбетов. Памятники начального этапа каменного века расположены в пределах административной территории села Кошкурган в 18 км к северо-востоку от г. Туркестан Южно-Казахстанской области. Археологические изыскания на памятниках проводятся давно, основные исследования проведены в годы работы совместной казахстанско-российской экспедиции под руководством А.П. Деревянко и Ж.К. Таймагамбетова [85, с. 188]. Значительная работа проделана в период реализации программы «Культурное наследие».

В полевой сезон 2004 года проводились исследования памятников Кошкурган-I и Шоктас-I. По результатам работ проанализирована значительная коллекция образцов каменной индустрии раннего палеолита, выделен кошкурганский микроиндустриальный комплекс раннего палеолита. На основе ряда характерных признаков сделан вывод, что памятник Кошкурган был долговременной стоянкой мастерской под открытым небом. Сравнительный анализ каменной индустрии Кошкургана и Шоктаса показывает их значительную близость [85, с. 188-189].

Исследовательские работы 2005 года были начаты с проведения мероприятий по подготовке археологического объекта Кошкурган-I к консервации. Также осуществлены исследования каменной индустрии памятников, проведен типологический анализ выявленных образцов. В результате подробного анализа собранной коллекции подтвержден ранее сделанный вывод о том, что каменные орудия относятся к микроиндустрии, и наличие значительного их процента говорит о существовании долговременной

стоянки поселения людей эпохи древнего камня [86, с. 315-316].

Научные исследования 2007 года проводились на памятниках Кошкурган-I и Кошкурган-II, палеолитические стоянки Шоктас I-III были затоплены грунтовыми водами, и исследовать их было невозможно. В ходе работ на указанных памятниках получен материал, на основе которого сделаны следующие научные выводы: гидрологические и сырьевые условия были благоприятны для древних людей; выявлен своеобразный способ расщепления камня – «кошкурганский вариант леваллуа»; набор каменных орудий характеризуется следующей типологической основой – скребки, зубчато-выемчатые формы [87, с. 163-164].

Автор исследований на основе сравнительного изучения указанных памятников с самым широким кругом памятников палеолита Европы, Ближнего Востока, стран Средней и Центральной Азии, вкуче с объектами эпохи камня Казахстана приходит к выводу о близких параллелях исследованных стоянок с памятниками каменного века обширной территории – практически всего Евразийского континента [85-87].

Средневековое городище Жуантобе

Научно-исследовательские работы на средневековом городище Жуантобе, в рамках национальной программы «Культурное наследие», велись с 2004 по 2011 годы (см. рис. В.15). Работами в разные годы руководили К.М. Байпаков и Б.А. Байтанаев. Памятник расположен на окраине села Кольтоган (быв. Мамаевка) Ордабасинского района Южно-Казахстанской области. Археологические исследования городища Жуантобе проводились в 50-х и 80-х годах XX века [140, с. 165-166], изучение памятника на современном этапе велись в рамках нацпрограммы «Культурное наследие».

В ходе исследований 2004 года раскоп был заложен в центральной части памятника, первый строительный горизонт оказался сильно разрушенным, второй строительный горизонт представлен слоем пожарища, при дальнейшем раскопе зачищен участок улицы и девять помещений нескольких домов с двумя-тремя комнатами, в жилых постройках выявлены напольные очаги и стенные камины, поливная керамическая посуда с орнаментом. Некоторая керамика схожа с образцами из памятников отырарского круга и согдийского Пенджикента. Интересны находки двух терракотовых фигур, изображающих мужчин со среднеазиатским или «кавказоидным» типом лица, изделия соотнесены исследователями к тюрко-эфталитскому кругу и датированы V-VII вв. н.э. Определению хронологических рамок исследованного верхнего строительного горизонта также способствовало обнаружение серебряной монеты с изображениями и надписью – по мнению ученых, монета чекана сасанидского шаха Хосрова-II, правившего в конце VI века – начале VII века н.э. На основе всех отмеченных данных верхний слой городища датирован VI-VIII вв. н.э. Помимо вышеописанных работ, был заложен еще один раскоп на северо-восточной части цитадели, в результате предварительного стратиграфического раскопа обнаружено пять строительных горизонтов.

Первый горизонт состоит из «рыхлых» конструкций стен, сразу за ним следует второй горизонт, в котором открыто четыре помещения, в них выявлены образцы керамической посуды, камин и крепостная стена, относимая к первому горизонту. Некоторая керамика имеет метки в виде арабской буквы «А», также в ходе раскопа зачищена часть улицы, в третьем строительном горизонте зафиксированы остатки лежанок и небольшое количество керамики и металлических штырей, в четвертом и пятом строительном горизонте изучена крепостная стена в разном техническом состоянии и исполнении. На основе полученных данных исследованные слои датированы I-IX вв. н.э. [140, с. 165-168].

В полевой сезон 2005 года на северной части кольцевого рабата вокруг центральной части городища (на этапе 2005 года обозначен как шахристан). Заложенный раскоп выявил четыре строительных горизонта.

В самом нижнем четвертом слое зачищены пахсовые стены, культурный слой и малое количество керамики, соотнесенные с III-V вв. н.э.

Третий горизонт содержит части строений из илистой пахсы, местами комбинированной сырцовыми кирпичами, по мнению исследователей, сырцовый кирпич использовался как пропитка в случае отстаивания процессов просушки пахсы от темпов ведения строительства. В данном горизонте зафиксировано большое здание, исследовано два помещения, керамика представлена небольшим количеством лепной и станковой керамики, датируемой IV-V вв. н.э.

Второй строительный горизонт частично использует архитектурные элементы третьего, в данном слое выявлено четыре порядка десяти помещений, из которых три изолированы от остальных, но связаны между собой, в пределах комнат найдены керамическая посуда (фрагменты и целая кружка) и две подставки под казан, одна в форме головы коровы. Слой датирован V-VI вв. н.э.

В первом строительном горизонте исследованы остатки здания плохой сохранности, по ряду признаков культового назначения, в слое выявлено большое количество керамической посуды, как целой, так и фрагментарной, станкового и лепного изготовления, некоторые имеют метки-тамги [141, с. 298-301].

Археологические работы 2006 года продолжили начатый в предыдущий год раскоп – был вскрыт участок на северном рабате общей площадью 400 кв. м. и выявлен комплекс помещений, где найдены элементы интерьера и вещи, указывающие на культовый характер постройки. Было исследовано два строительных горизонта. В первом открыто шесть помещений с типичной планировкой и находками, во втором горизонте исследовано пять помещений, в которых зафиксирована керамика оттарско-каратауской культуры VI-VII вв. н.э. Раскоп 2005 года также был продолжен в южном направлении, исследовано четыре культурных горизонта, в том числе архитектурный комплекс, в пределах второго строительного горизонта. В пределах внешней стены исследованного рабата найден костяной четырехгранный ромбовидный в

сечениях наконечник стрелы, находящий аналогии среди металлических наконечников VII-VIII вв. н.э. За полевой сезон указанного года на городище проведены работы, в результате которых прослежена динамика жизни отдельно взятого района городища в течение 400 лет, исследованы важные культовые и жилые строения [142, с. 145-148].

В 2007 году археологические раскопки проводились на территории цитадели городища, в ходе раскопа выявлены остатки мощной крепостной стены и семь помещений жилого и служебного характера, где были найдены образцы поливной и неполивной керамики, некоторые с орнаментацией, отнесены к оттарско-каратауской, жетыасарской и кангарской культурам, датированы VI-IX вв. н.э., также найдена небольшая скульптурная статуэтка мужчины с «кангюйским» типом лица [143, с. 296-303].

Полевые работы 2008 года проводились в двух направлениях – продолжен раскоп предыдущего года на цитадели, и заложен раскоп на рабате городища для прояснения вопросов по фортификации. Продолженный на цитадели раскоп выявил два ряда помещений жилого и хозяйственного назначения, из находок можно назвать крупный фрагмент керамического обеденного стола с орнаментом в виде обрамленного креста. На раскопе в пределах рабады выявлены остатки оборонительной башни, по планировке схожей с подобными фортификационными элементами жетыасарской культуры. Из находок можно отметить трехлопастной наконечник стрелы и бронзовое зеркало с растительным орнаментом [144, с. 236-240].

Исследования 2009 года продолжили начатые ранее раскопы, в данный период изучена общая площадь с размерами порядка 1000 кв. м., открыты новые хозяйственные и жилые помещения, найдены образцы материальной культуры в виде столовой и бытовой керамической посуды, монеты, ювелирные украшения, изделия из терракоты [145, с. 236-238].

Полевые сезоны 2010-2011 гг. состояли из работ на юго-восточной части шахристана – исследовались полные и стратиграфические раскопы, также получил продолжение раскоп на юго-восточном участке цитадели городища. Здесь было открыто 11 помещений в нескольких строительных горизонтах. Выявлены образцы керамики, датированные VII-VIII вв. н.э., также найдена медная монета, по имеющейся надписи соотнесенная с периодом правления согдийского царя Гурака – первая половина VIII в. н.э. В результате работ на шахристане выявлена плотная концентрация помещений, исследования которой позволили проследить строительный цикл в рамках одного столетия [146, с. 129-131; 147, 3-33 б.].

В результате раскопок городища Жуантобе получены важные данные по материальной и духовной культуре, самым разным аспектам жизни раннесредневекового населения Казахстана [140-147].

Средневековое городище Караспантобе

Археологические исследования на средневековом городище Караспантобе, в рамках национальной программы «Культурное наследие», велись с 2004 по

2009 годы (см. рис. В.16). В разные годы работами руководили К.М. Байпаков, Д.А. Талеев, Б.А. Байтанаев. Средневековый памятник расположен в пределах административной территории села Караспан (быв. с. Обручевка) Ордабасинского района Южно-Казахстанской области. Первые исследования здесь проведены в 40-50-х годах XX столетия советскими археологами. Значительные работы выполнены в годы реализации нацпрограммы.

Городище представляет собой квадратных очертаний бугор, по периметру просматриваются ров и площадка – следы кольцевого рабата предместья. В 2004 года было заложено два раскопа: первый - в юго-западной части памятника, в ходе работ выявлены помещения хозяйственного и жилого назначения, которые концентрируются в отдельные дома с несколькими комнатами. В домах зачищены суфы, тандыры и санитарно-гигиенические элементы для мытья и слива воды, хоз. постройки являются кладовыми. Из находок обнаружена разного рода станковая и лепная керамика бытового и столового назначения, некоторые с орнаментацией, исследованные горизонты датированы XV-XVIII вв. н.э.

Второй раскоп заложен в юго-западной части рабата. Раскоп выявил пять этапов заселения и жизни предместья-рабата.

В первом ярусе зафиксированы остатки помещений с сырцовыми стенами, водной комнате имелась производственная печь и яма, найденная керамика датирована I-IV вв. н.э. Во втором строительном горизонте выявлен плавающий горн и металлургические отходы, датированные периодом отыарско-каратауской культуры – I-IV вв. н.э.

В третьем горизонте также зафиксированы остатки металлургического производства, также найдены прядильные принадлежности, указывающие на ткацкое дело, слой датирован V-VI вв. до н.э.

Четвертый ярус тоже имел следы металлургического производства и датирован VII-IX вв. н.э. Помимо сказанного, в третьем и четвертом строительном горизонте зафиксировано парадное жилое помещение с характерными для XII века элементами и с языческим алтарем, который говорит о достаточно широком бытовании домусульманских культов, несмотря на утверждение ислама, на что, в частности, указывает наличие исламской орнаментики на сосудах, выявленных здесь же [148, с. 168-170].

В полевой сезон 2005 года продолжены раскопки предыдущего года. В результате работ в указанный период получены материалы по этапам и динамике застройки самого городища и предместья-рабата, анализ собранных данных дает информацию о социально-экономической жизни средневекового города [149, с. 308-311].

Исследовательские работы 2006 года проводились на цитадели городища, был вскрыт третий строительный горизонт. Обнаружены многокомнатные дома с жилыми и хозяйственными помещениями – кухни, жилые комнаты, склады с закромами, найдена керамическая посуда станкового и лепного изготовления с поливным покрытием и без него, кухонного и бытового назначения, датированная X-XII вв. н.э. По мнению исследователей, население цитадели

указанного периода относилось к среднему классу. Также в указанный год выявлена крепостная стена городища с весьма значительной протяженностью, окружавшая городище с восточной, западной и южной стороны, северная часть имеет естественную преграду – реку Арысь, западный участок стены снесен вследствие антропогенной деятельности, восточная стена проходит по центру с. Караспан и также значительно повреждена - сохранилась фрагментарно [150, с. 149].

В 2007 году исследования проводились на территории караван-сарая в 400 м к югу от южного участка крепостной стены, по особенностям выявленных в результате работ помещений и керамического комплекса памятник датирован X-XII вв. н.э. [151, 188-190 б.].

Полевые работы 2008 года проводились на территории Малого Караспана, на месте средневекового жилого пункта, расположенного в 700-900 метрах к югу от городища. Исследовано семь строительных горизонтов, обнаружены жилые и хозяйственные помещения из сырца [152, 133-135 б.].

В период археологических исследований 2009 года заложено шесть раскопов, три из которых стратиграфические – один на южном склоне цитадели, второй – на южном склоне рабата, третий – на бугре Малый Караспан в 900 м к югу от городища. Четвертый раскоп заложен в пределах стены, окружающей городище с юга, с запада и с востока, пятый раскоп размечен на восточной части рабата, шестым раскопом исследовано захоронение за внешней стеной городища. В первом из указанных раскопов вскрыто три строительных яруса, в них зафиксированы остатки помещений из сырцового кирпича с зольными и другими прослойками, найдена разного вида керамика – бытовая и столовая утварь, также курильница. Выявленные образцы материальной культуры находят аналогии в жетысарской и каунчинской культурах, из исследованных строительных горизонтов первые два датированы XVII-XVIII вв., третье - XI-XII вв. н.э.

В пределах второго горизонта раскопа на южном участке рабата выявлено детское погребение и отдельные кости человека – поздние впускные захоронения. В ходе раскопа зафиксировано пять строительных ярусов, в которых зачищены остатки помещений из сырца с прослойками, найденная при работах керамика датируется хронологическим диапазоном от I тыс. н.э. до X-XII вв., прослежены аналогии с памятниками оттарского археологического микрорайона.

Третий раскоп продолжил исследования предыдущего года на территории Малого Караспана, исследовано 27 строительных ярусов с остатками помещений, между собой прослойками, нижние горизонты на основе керамического материала датированы I-IV вв. н.э.

Четвертый раскоп исследовал крепостную стену, установлена толщина стены – свыше 9 м, сохранившаяся высота 4,5 м, выявлен керамический материал XI-XIII вв. Время возведения стены определено саманидским временем, периодом активного функционирования определены XI-XII вв. н.э.

Пятый раскоп на территории рабата выявил два помещения; обнаруженный

в ходе раскопа материал указывает на то, что этот район активно обжился в X-XII вв., в позднее средневековье – в XVII-XVIII вв. население редет.

Шестым раскопом исследовано погребение в склепе-наусе, ограбленное, из находок имелось два трехлопастных наконечника стрел, фрагменты железного ножа, бляха, сурматаш и бронзовое изделие круглой формы с петелькой на оборотной стороне – возможно, пуговица. Погребение датировано VI-VIII вв. н.э. [153, с. 251-256].

Средневековое городище Отырар

Археологические исследования средневекового городища Отырар, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились с 2004 по 2010 годы (см. рис. В.17). Автор исследований К.М. Байпаков. Памятник расположен в пределах административных территорий ж/д станции Тимур и села Талапты Отырарского района Южно-Казахстанской области. Научно-исследовательские работы на городище Отырар начаты еще в XIX в, планомерное изучение памятника ведется с 1971 года Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедицией [154, с. 180-181]. Значительный объем научных работ выполнен в годы реализации нацпрограммы «Культурное наследие».

В первый 2004 год работы в рамках нацпрограммы к исследованию определен участок цитадели, территория раскопа была разделена на пять квадрат-раскопов с размерами 20x20 м – работы в указанный год сосредоточились на двух квадратах. Предварительно были проведены мероприятия по инструментальной фиксации городища. В определенных к изучению квадратах зафиксированы поздние антропогенные разрушения, в ходе углубления выявлены многочисленные помещения, квартальная улица, айван и стена жилого комплекса. Прослежено два архитектурных типа разнокомнатных жилых домов, в которых зафиксированы суфы, элементы канализации – ташнау, тандыры и очаги, образцы керамической посуды хозяйственного и столового предназначения. Кроме жилых и хозяйственных комнат, имелись перестроенные хлева для скота. По итогам исследований выяснено, что основной архитектурной единицей городища были кварталы, состоящие из домов и жилых комплексов с числом от 6 до 15, упорядоченность кварталов и иных структур городища по геометрическим линиям дало возможность исследователям предположить, что городище застраивалось единовременно по общему плану. На основе широкого анализа архитектурных и строительных особенностей городища, его составных элементов и инфраструктуры сделан вывод, что население на период XVI-XVII вв. составляло порядка 5-7 тысяч человек [154, с. 180-183].

В полевой сезон 2005 года велись исследовательские работы на территории архитектурного комплекса XIV в., состоящего из соборной мечети и дворца - заложено два раскопа. В ходе раскопа работ на первом раскопе выявлено три строительных яруса, в верхнем уровне зачищены плохой сохранности остатки жилых помещений и скотных загонов, также найдена яма с прокаленными

сырцовыми кирпичей и керамикой.

В пределах второго строительного горизонта открыто одиннадцать помещений жилого и хозяйственного назначения, в том числе для содержания скота, три помещения локализируются в отдельный дом. В строениях прослежено несколько этапов обживания, в одном помещении имелась печь для варки глазури.

Третий строительный ярус в нескольких помещениях соответствовал планировке второго горизонта. Основное число сооружений в плохой сохранности, прослеживаются лишь контуры отдельных помещений и два строения, объединяющихся в комплекс из жилого дома и мастерской с печью для обжига. Также выявлена внутриквартальная улица, за которой открыто три помещения, дальнейшие работы выявили еще четыре помещения и продолжение отмеченной улицы.

Второй раскоп в пределах вышеназванной территории был размечен на северо-восточном участке двора мечети. В раскопе также прослежено три строительных горизонта. В верхнем ярусе открыты отдельные строения, исследовано три помещения, два из которых объединяются в одно жилище. В комнатах выявлены суфы, тандыры, ташнау и другие стандартные элементы обустройства функционального назначения. Открытые во втором строительном ярусе помещения соответствуют планировке комнат первого горизонта, в общем, в южной и юго-восточной части раскопа выявлено два помещения жилого характера и порядка семнадцати помещений плохой сохранности, предположительно хозяйственно-бытового предназначения. В третьем строительном горизонте зафиксированы значительные изменения в застройке городища XV века при сохранении общих линий кварталов и улиц.

Исследованные строения данного яруса подвержены значительному разрушению, исследованные помещения отдельные, единые комплексы не просматриваются, носят хозяйственный и жилой характер, также зафиксированы производственные помещения.

Помимо всего описанного, в отмеченный год проводились работы по исследованию внешней стены городища на южном участке, прослежено три периода возведения стены – VIII век н.э., караханидский этап и стена монгольского периода.

Наряду с научно-исследовательскими работами на городище Отырар, в указанный период осуществлены исследования на других памятниках отырарского оазиса – на городищах Оксыз (Весидж), Кокмардан, на могильниках Талтакай и Марданкуик. Также осуществлен комплекс мероприятий по консервации, реставрации и музеефикации жилых кварталов городища Отырар [155, с. 287-294].

Исследовательские работы 2006 года на городище Отырар проводились на остатках построек XVI века в пределах двора мечети.

В первом строительном горизонте выявлены многочисленные мусорные ямы с большим количеством фрагментов керамики, также открыты остатки сырцовых стен XVI века.

Во втором строительном ярусе зачищена яма с остеологическим материалом животного происхождения и битой керамикой, также найдено несколько помещений жилого и хозяйственного характера, последние представлены кладовыми и загонами для скота.

В одном из хозяйственных помещений обнаружено детское погребение с керамическим сосудом и с туалетной принадлежностью (судя по описанию исследователей, слив от колыбели-бесика) из кости животного, помимо этого, в отмеченной постройке выявлены остатки жернова.

В хозяйственном помещении, идентифицированном как мастерская по варке глазури, найдены две печи для обжига и керамические изделия в виде двух сосудов сине-голубого цвета, подставок для светильников-шыраков и бракованной посуды. За стеной данного помещения выявлена внутриквартальная улица. Кроме описанного, в этом строительном горизонте зачищено еще два помещения – судя по заполнению, состоящему из экскрементов животных, это загоны для скота.

Третий строительный горизонт показал наличие отдельных невыразительных помещений.

В четвертом строительном ярусе открыты несколько построек, состоящих из хозяйственных и жилых помещений, из находок, выявленных в них, можно назвать клад из медных монет и колокольчик из золота.

В указанный период также проведены работы по расчистке участка городища на хронологическом уровне XI-XII веков, работы проводились на территории, где раскопки были начаты в 80-е годы XX века. Осуществлены работы по расчистке участка для последующей консервации и музеефикации, полностью открыты, состоящие из нескольких комнат, два жилых дома и часть третьего, помещения жилого и хозяйственного назначения, найдены образцы керамического производства, рога марала, кости животных, изделия из стекла. В постройках зафиксированы суфы, тандыры, ташнау, бадрабы.

Кроме всего вышеописанного, в 2006 году проводились работы по созданию трехмерной модели городища Отырар, обработке полученных материалов, также осуществлены археологические исследования на городищах Кок-Мардан, Алтынтобе и Куйруктобе Отырарского оазиса [156, с. 162-169].

Археологические работы 2007 года на городище Отырар велись в нескольких направлениях, и заложено пять раскопов. Первый на территории бани XI-XII вв. в пределах городского рабата, второй раскоп был заложен на центральных городских воротах Отырара, третий раскоп на территории городища XI-XII вв., четвертый раскоп был на юго-западных воротах городища и в пределах жилых помещений XVI-XVII вв., пятый раскоп располагался между мечетью XIV века и дворцом. Также в указанный год проведены работы по консервации и музеефикации исследованных участков городища, исследования на территории городища Куюкмардан, аэрофотосъемка городища и изучение ирригационной системы отырарского оазиса [157, с. 268-280].

Научные археологические исследования 2008-2009 годов в пределах городища проводились в двух направлениях. Первое – это работы на северном

участке шахристана, второе – это продолжение работ на раскопках, начатых в полевой сезон предыдущих лет. Велись исследования на территориях крепостных башен, крепостного рва, жилых помещений жилого и хозяйственного назначения, осуществлены работы по консервации и реставрации шахристана, очистка от поздних наносных слоев ряда кварталов городища. Также производились исследования на городищах Куйруктобе, Оксыз (Весидж), Жалпактобе, Кауган, Алтынтобе, Бузуктобе отырарского оазиса [158, с. 246-249; 159, с. 242-244].

В 2010-2011 гг. научные изыскания в пределах городища Отырар проводились на центральном участке шахристана – изучались центральные ворота и городская мечеть. Было заложено три раскопа – первые два у городских ворот, третий на территории двора мечети. В ходе работ в каждом из раскопов зафиксировано несколько строительных горизонтов, в которых выявлены помещения жилого и хозяйственного назначения, находки представлены образцами керамического производства, костями животных, монетами, изделиями из стекла, в самих помещениях зафиксированы тандыры, элементы канализации, очаги, мусорные ямы, суфы и другие стандартные части интерьера и обихода средневековых городищ. Полученный в ходе раскопок материал датирован XIII веком, прослежены связи с оседло-земледельческими культурами Средней Азии [160, с. 145-148; 161, с. 4-150].

Средневековое городище Сауран

Научно-исследовательские археологические работы на средневековом городище Сауран, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились с 2004 по 2011 годы (см. рис. В.18). В разные годы работы велись параллельно двумя исследовательскими группами под руководством М.Е. Елеуова, К.М. Байпакова и Е.А. Смагулова. Памятник расположен в 40 км от города Туркестан Южно-Казахстанской области, на границе с административной территорией Кызылординской области.

В 2004 году, с момента старта нацпрограммы, работы на городище проводились в районе северо-восточных ворот, по левую сторону от магистральной улицы. В ходе исследования заложено два стратиграфических раскопа. В первом выявлены остатки двух помещений, соединенных между собой проемами, второй раскоп открыл порядка шести помещений с внутренним обустройством и элементами интерьера в виде ташнау, дандан и т.д. Найдены изразцы с покрытием из разноцветной глазури и простая керамическая облицовочная плитка, обнаружены образцы поливной и неполивной керамической посуды, некоторые имеют орнаментацию и стилизованные изображения, также выявлено несколько монет.

Второй раскоп в указанном году был заложен в 800 м к северу от северо-восточных ворот городища на территории средневековой усадьбы. Зафиксировано несколько строительных уровней - исследованы хозяйственные и жилые помещения, в которых зачищены очаги, печи, суфы, стенные ниши, обнаружены медные монеты, керамическая посуда, кости животных, обломки

надгробного камня-кулпытаса, последнее дало возможность исследователям предположить, что усадьба могла быть использована как мазар в позднее время или же наоборот [162, с. 174-177].

В полевой сезон 2005 года археологические работы проводились на центральной городской площади, было заложено три раскопа на территории регистана, четвертый раскоп разбит в пределах центрального участка загородной мечети к востоку от шахристана, пятый раскоп заложили на строении в центре сада в северном пригороде. На основе зафиксированных архитектурных особенностей построек и характерных признаков комплекса находок исследованные объекты отнесены к периоду жизни городища XVI-XVII веков н.э. [163, с. 301-304]. Также в указанный год, в рамках реализации программы «Культурное наследие», группой ученых Международного казахско-турецкого университета им. Кожа Ахмета Яссауи, под руководством М.Е. Елеуова, осуществлены археологические исследования северо-восточного въезда городища Сауран последнего периода функционирования городища [164, с. 257].

Научные работы в 2006 году продолжили изыскания предыдущих лет на центральной городской площади Саурана – в пределах соборной мечети. Прослежено два периода функционирования религиозного центра, полностью удалось восстановить архитектурный облик здания мечети, открыты молельный зал, тахаратхана и другие помещения функционального и бытового назначения [165, с. 172-175]. Также в указанный период велись исследования средневекового исламского учебного заведения – сауранского медресе в центральной части городища, открыты помещения жилого, функционального и хозяйственного назначения [166, с. 175-177].

Помимо этого, в 2006 году группа профессора М.Е. Елеуова продолжила научные изыскания в пределах северо-восточных ворот городища [167, с. 219-220].

Археологические исследования 2007 года продолжили работы на территории медресе в центральной части городища Сауран – в пределах юго-западного участка и прилегающей к северному минарету медресе территории. В указанный год исследование медресе было завершено полностью [168, с. 281-283]. Также в 2007 году велись исследования архитектурных ансамблей регистана городища Сауран [169, с. 289-291], и Е.А. Смагуловым осуществлены археологические изыскания на территории раннего Саурана – на городище Каратобе [170, с. 284-288].

В сезон полевых археологических работ 2008-2009 годов продолжилось исследование медресе и архитектурного комплекса примыкающего к центральной площади городища с северо-запада, в отмеченный период изучена половина комплекса, выявлены интересные с архитектурной позиции постройки и сооружения. Также в указанные годы велись изыскания в пределах предполагаемой усадьбы к югу от медресе; выявленные постройки и комплекс находок указывают на то, что изначально здесь располагался дворец, позже использовавшийся как жилой дом [171, с. 3-58; 172, с. 230-231; 173, с. 232-235].

Исследования 2010-2011 года были продолжены на территории архитектурного комплекса с северо-западной стороны центральной площади, раскоп был расширен к северу и к востоку, зафиксировано два основных строительных горизонта, открыто шесть помещений хозяйственного и жилого назначения, находки представлены в основном остатками керамической посуды и монетами. Дана общая оценка потенциала памятника, и подводятся предварительные итоги по проделанной работе [174, с. 132-136; 175, с. 3-45].

Средневековое городище Сидак

Археологические научно-исследовательские работы на средневековом городище Сидак, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились с 2004 по 2011 годы (см. рис. В.19). Автор исследований Е.А. Смагулов.

Памятник расположен в 20 км к северо-западу от г. Туркестан, в пределах административной территории села Шорнак Туркестанского района Южно-Казахстанской области. Первые исследования на городище проведены в конце 40-х годов XX века ленинградским археологом А.Н. Бернштамом, планомерные работы на городище начаты в 2001 году под руководством Е.А. Смагулова [176, с. 177-178].

В первый год работы в рамках нацпрограммы на городище Сидак исследования проводились в нескольких направлениях, раскоп был заложен на западной части цитадели, в верхнем строительном открыто порядка сорока помещений жилого и хозяйственного назначения, концентрирующихся в отдельные комплексы. В постройках зафиксированы элементы обустройства и интерьера в виде суф, напольных очагов и т.д., горизонт датирован VII-VIII вв. н.э. В общей сложности прослежено пять строительных горизонтов, самый нижний датируем I-II вв. н.э. Четыре верхних яруса имеют архитектурные сооружения хорошей сохранности, в ходе исследования которых были выявлены многочисленные образцы материальной культуры в виде керамической посуды разной степени сохранности и с вариативными характерными особенностями изготовления и использования – поливная и неполивная, лепная и станковая, с орнаментацией и без нее, бытовая и столовая. Из числа керамических изделий можно назвать элемент поддува плавильного горна, выполненную в зооморфном стиле курильницу, котелок на трех ножках, одной из особенностей керамических сосудов Сидака является наличие знаков, похожих на тамги. Также в ходе раскопа найдено значительное количество изделий из металла – ножи, гвозди, наконечники стрел, поясные пряжки и пластины из железа, бронзовые элементы поясной гарнитуры, поделки из кости в виде пряжки, псалий и накладки на лук, артефакты из камня – жернова, терки и отбойники [176, с. 177-180].

В полевой сезон 2005 года были продолжены археологические изыскания в пределах цитадели городища. Открыты жилые помещения и кладовые, объединяемые в комплексы, найдены разного рода артефакты, представленные в основном керамическим производством – разного содержания и исполнения

сосуды, курильницы и т.д., гончарный круг, каменные жернова.

В отмеченный год начат раскоп на северной части цитадели, открытые конструктивные элементы и сопутствующий вещевой комплекс схож с ранее обнаруженными в описанном раскопе структурами и находками.

Также на уровне второго строительного горизонта цитадели городища начались работы по исследованию храмового комплекса, состоящего из жилых, функциональных и хозяйственных помещений, существование храма прекращено масштабным пожаром, по найденным монетам катастрофа датируется VIII веком н.э., по мнению исследователей, бедствие произошло в результате штурма арабскими войсками.

Наряду с исследованиями, в пределах городища проводились археологические изыскания на территории некрополя, расположенного к западу от Сидака – исследовано семь погребальных склепов, в которых найдены разрозненные кости людей, сопроводительный инвентарь, представленный обломками керамических сосудов, железными трехлопастными наконечниками стрел, фрагментами костяных накладок сложносоставного лука, бус, подвесок и отдельными частями зооморфной курильницы [177, с. 304-308].

В 2006 году научно-исследовательские работы на городище Сидак продолжили изыскания предыдущего года на храмовом комплексе на территории цитадели. Исследования велись на трех участках храмового сооружения и на сопредельной части цитадели. В ходе работ открыты постройки жилого, культового и хозяйственного назначения, найден многочисленный вещевой материал, в среде которого особо можно назвать обнаружение в одном из помещений клада ритуальных вещей и украшений в керамическом кувшине. Клад представлен бусами из стекла и минералов, пряслицами и геммами из простых и полудрагоценных камней, раковинами каури, изделиями из бронзы и железа, серебряной поясной накладкой, двумя височными подвесками «гуннского» типа. Клад признан исследователями как votivный, и на его основе обоснована датировка изучаемого строительного горизонта IV-V вв. н.э. [178, с. 181-183].

Археологические исследования городища в 2007 году были продолжены в пределах цитадели на храмовом комплексе, открытом в предыдущие полевые сезоны. Исследования велись в четырех строительных горизонтах, в пределах которых зачищены разного назначения помещения, найдены находки, среди которых можно отметить статуэтки идола и хищной птицы из терракоты, датированные VII-первой половиной VIII века н.э. В результате исследований получены новые данные по планировке, этапам застройки и хронологическому диапазону городища [179, с. 292-295].

В течение полевого сезона 2008 года продолжены научные изыскания в пределах внутреннего пространства храмового комплекса на цитадели городища. На территории внутреннего двора объекта открыто три помещения жилого и хозяйственного характера, найден крупный бадраб с бытовыми отходами. Также на территории храмового комплекса выявлены керамические оссуарии с костями людей и другие находки, имеющие широкие аналогии в

оседло-земледельческих культурах Средней Азии и Казахстана [180, с. 241-245].

Научно-исследовательские работы 2009 года на городище проводились на нижней площадке, опоясывающей цитадель с юга, с юго-востока и востока. Изучались застройка, участки внешней крепостной стены, также продолжились работы в пределах храмового комплекса. В ходе раскопок открыты жилые и хозяйственные помещения, найдены предметы материальной культуры раннего средневековья в виде керамических сосудов и монет, последние по ряду характерных признаков датировали уровни, в которых были обнаружены. Исследованные в 2009 годы горизонты укладываются в хронологические рамки III-VIII вв. н.э. [181, с. 239-241].

В 2010-2011 годы на городище Сидак продолжены археологические раскопки на центральном участке цитадели и в некоторых других площадях, получен важный материал по планировке и характеру храмового комплекса. В ходе научных изысканий открыты постройки жилого, хозяйственного и культового назначения, внутреннее содержание помещений состоит из элементов обустройства и интерьера, характерных для такого рода строений – суфы-лежанки, алтари, хранилища и т.д., найден вещевой комплекс, в основном представленный керамической посудой, некоторые со знаками-тамгами на тулове [182, с. 137-139; 183, с. 3-49].

По мнению исследователей, население Сидака в эпоху раннего средневековья составляли представители племени или союза племен ремесленников и земледельцев, с устоявшимися религиозными канонами, которые выражены достаточно объемным храмовым комплексом [182, с. 138-139; 183, с. 50].

Городище Шымкент

Археологические работы на городище Шымкент, в рамках национальной программы «Культурное наследие», велись с 2004 по 2009 годы (см. рис. В.20). Работы вел Б.А. Байтанаев. Памятник расположен в пределах одноименного областного центра Южно-Казахстанской области. Первые исследования на городище проводились в разные периоды XX века. Основной объем научно-исследовательских работ на памятнике осуществлен в период реализации нацпрограммы «Культурное наследие».

Исследовательские работы на стартовом этапе реализации программы в 2004 году начаты с двух раскопов на территории городища – первый на юго-западном участке цитадели, второй в пределах южной оборонительной стены. В ходе работ в первом раскопе выявлены остатки построек верхнего строительного горизонта плохой сохранности, вследствие этого общую схему планировки застроек проследить не представилось возможным. Зафиксированы элементы внутреннего обустройства и интерьера в виде суф, тандыров и отопительной системы, находки из первого строительного яруса состоят из целых и фрагментарных керамических сосудов, изделий из железа и стекла, образцов ганча, датирован слой XVIII-XIX вв. н.э.

Во втором раскопе открыта часть крепостной стены протяженностью 54 м. Выявлены две оборонительные башни. В пределах внутреннего сектора оборонительной стены открыты служебные помещения для содержания войска – казармы, арсенал, складские помещения, пищеблок и т.д. Всего зачищено девять помещений, зафиксирован пандус, ведущий наверх оборонительной стены, в верхней части пандуса выявлен очаг для обогрева караула. Обнаруженные находки представлены целыми и фрагментарными керамическими сосудами, поделками из стекла и металла, датировка соответствует времени верхнего уровня первого раскопа.

Также в указанный год, в рамках национальной программы, велись работы на городище Сайрам, расположенном в 10 км к востоку от современного г. Шымкент. Проведены работы в двух раскопах, выявленный материал исследователями условно поделен на три периода – «караханидский (X-XII вв.), монголо-тимуридский (XIII-XV вв.) и позднесредневековый (XVI-XVIII вв.)». Зафиксированы параллели с оседло-земледельческими оазисами Казахстана и Средней Азии [184, с. 170-174].

В полевой сезон 2005 года на городище Шымкент заложено четыре раскопа: 1) на юго-западном участке городища; 2) на цитадели; 3) в пределах северной стены; 4) у восточной оборонительной башни в северо-восточном углу шахристана.

В первом раскопе открыто оборонительное сооружение в виде двух параллельных стен разных размеров, пространство между двумя стенами заполнено рыхлым грунтом, у стен зачищено 12 жилых, функциональных и хозяйственных помещений армейского гарнизона городища, в постройках найдены различные образцы вещевого комплекса бытового и военного назначения, в том числе пули российской армии.

Второй раскоп представлял собой меридиональную стратиграфическую траншею, доходящую на начальной стадии до 6 и 7 стратиграфического яруса. В 6 горизонте выявлены пушечные ядра, по калибру определенные исследователями как снаряды пушек кокандского гарнизона. Углубление в раскопе № 2 было доведено до 12 яруса. Выяснено, что цитадель в прослеживаемых на современном этапе границах была создана кокандцами в XIX веке, ранние слои могут быть скрыты поздней конструкцией.

Третий раскоп ставил перед собой цель изучения фортификации городища, в ходе работ выявлены остатки оборонительной стены кокандского периода, под насыпью стены найдены следы построек раннего периода. Находки представлены обломками керамических сосудов с характерными для XIX века признаками, но встречены перемещенные фрагменты керамической посуды караханидского времени.

В ходе исследований в четвертом раскопе выявлены остатки стены караханидского времени, также по всей площади раскопа зафиксирован кирпич двух видов – позднего средневековья и караханидского периода. Вещевой комплекс в основном представлен керамической посудой XIX века разной степени сохранности.

В результате раскопок в указанном году зафиксированы особенности планировки и фортификационных сооружений городища XIX века, прослежены следы расположения гарнизона российских войск, после оккупации городища в 1964 году [185, с. 311-314].

Археологические работы 2006 года на городище проводились на западном и северо-западном участке шахристана.

Первый раскоп заложен неподалеку от западной оборонительной стены, в ходе раскопок выявлено шесть помещений у фортификационной стены. Находки в основном представлены керамической посудой XIX века, имеется незначительное количество изделий из металла и стекла.

Второй раскоп заложен в центральной части шахристана, к западу от хауза. Архитектурных сооружений не выявлено, найдены материальные остатки раннего средневековья, находки в основном состоят из разновременных остатков керамического производства. По зафиксированным в пределах раскопа образцам материальной культуры прослежено, что городище после монгольского нашествия не обживалось практически до XVI, возрождение происходит в период казахского ханства.

Третий раскоп был разбит в районе западного склона городища, выявлено два хронологического этапа – XII-XIII веков и XVIII-XIX веков, аналогии им имеются в оседлых оазисах долины реки Сырдарья [186, с. 201-203].

Научные исследования 2007 года на городище проводились на северо-западном участке шахристана. В результате работ открыта часть крепостной стены протяженностью порядка 50 м, две оборонительные башни и девять помещений жилого, функционального и хозяйственного назначения. Вещевой комплекс состоит из малого количества фрагментов керамических сосудов, посуды местного и фабричного производства – фарфор, фаянс, стекло [187, с. 3-54].

Полевые работы 2008 года проводились в юго-восточном углу шахристана. Раскопки показали наличие двух хронологических этапов – нижний уровень соотносим с периодом правления жагатаидов и запустением городища в последующий период, второй этап относится к эпохе казахского ханства, когда происходит возрождение города, обнаруженные предметы материальной культуры представлены в основном остатками керамического производства указанных периодов [188, с. 259-262].

Научно-исследовательские работы 2009 года, в рамках национальной программы «Культурное наследие», посвящены лабораторным исследованиям накопленного в период с 2004 по 2008 года археологического материала [189, с. 245-247].

Средневековый погребальный комплекс Борижары

Научно-исследовательские работы на погребальном комплексе эпохи средневековья Борижары, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились в период с 2004 по 2011 годы (см. рис. В.21). Автор исследований А.А. Ержигитова. Памятник археологии расположен в пределах

административной территории села Кольтоган Ордабасинского района Южно-Казахстанской области, к югу от средневекового городища Жуантобе. Планомерные археологические исследования могильника проводились в середине и второй половине XX века А.Н. Бернштамом, К.А. Акишевым и Б.Н. Нурмуханбетовым [397, с. 109]. Значительные работы осуществлены в годы реализации нацпрограммы «Культурное наследие».

На момент старта национальной программы в 2004 году на могильнике Борижары исследовано два наземных склепа.

Первый склеп представляет собой двухкамерное погребальное сооружение из сырца в виде вытянутого овала с двумя проходами на юго-западной стене, расположен на южном склоне террасы. В первой погребальной камере, проход в которую был забутован сырцовыми кирпичами, выявлено два уровня пола, первый на глубине 2,2 м, в пределах этого уровня зачищены потревоженные кости двух человек без черепов, найдено два железных ножа, две поясные пряжки и наконечники стрел. Выше на 20 см имеется второй уровень, где обнаружен неполный костяк человека с черепом и два керамических сосуда.

В верхнем уровне второй камере расчищено впускное погребение человека без черепа, также отсутствовали некоторые кости ног. В районе шеи найдены бусы из минеральных камней и кольцевидная бронзовая серьга, в основном уровне камеры выявлены костяки порядка семи человек в неанатомическом порядке – зафиксировано семь черепов и кости конечностей. Из сопроводительного инвентаря имелось 6 керамических сосудов, фрагмент бронзового зеркала, около 8 железных трехлопастных наконечников стрел с черешковым насадом, 3 каменные пряслицы, изделия из железа – ножи, пряжки, серьга с подвеском и две пряжки из бронзы, бусины из минералов, кулон из золота с зернью и вставкой и т.д.

Второй склеп находится к юго-востоку от первого. Представлял собой оплыв в виде холма с фиксируемым сооружением склепа в центральной части. Вход в погребальную камеру располагался на юго-восточной стене и был поврежден грабительским лазом, в хорде раскопа в заполнении зафиксированы обломки сырцовых кирпичей, найден бронзовая пряжка и зеркало. Пол погребальной камеры выложен речной галькой, здесь найдены останки двух людей с черепами – сложены в кучу у северо-западной стенки камеры, из инвентаря имелись наконечники стрел, фрагменты железного ножа и поясная гарнитура из шести бронзовых накладок, подвесного ремешка и бронзовой пряжки. Исследованные памятники датированы VI-VIII вв. н.э. [190, с. 183-187].

В полевой сезон 2005 года на могильнике исследовано семь погребальных склепов, в которых зафиксированы впускные и основные погребения людей в анатомическом порядке и в разрозненном виде, как вследствие ограбления, так и в рамках погребального обряда. Выявлен многочисленный инвентарь в виде керамических сосудов, изделий украшений из черных, цветных и благородных металлов, кости, простых и минеральных камней. Ученые зафиксировали, что склепы могильника представляют собой купольные и сводчатые строения из

сырца на платформе, содержали одну или две погребальные камеры, пол которых выстилался достаточно объемными речными камнями или крупными фрагментами керамических сосудов, в некоторых склепах зафиксированы элементы, схожие с лежанками-суфами. Исследованные памятники датируются VI-VIII вв. н.э. [191, с. 316-319].

Научно-исследовательские работы 2006 года на могильнике Борижары проводились на пяти курганах с катакомбами и трех погребальных склепах. В курганах зафиксированы коллективные и отдельные погребения людей в катакомбах в потревоженном состоянии и в анатомическом порядке. В одном случае выявлено погребение в простой грунтовой яме, в погребальной камере кургана 21 имелось трёхъярусное коллективное захоронение. Череп одного из погребенных в этом кургане имел следы искусственной деформации, катакомбы остальных двух курганов однотипны. В кургане № 20 обнаружены сосуды хумы с неполными костями скелета человека, из инвентаря найдены керамическая посуда, наконечники стрел и органические следы деревянного сосуда. Курганные погребения предварительно датированы I-IV вв. н.э.

Также в указанный год исследовано три однокамерных склепа на некрополе городища Жуантобе, в погребальных камерах выявлены разбитые кости человека, фрагментированные и целые керамические сосуды, обломки железных ножей, бусы. Склепы предварительно датированы V-VIII вв. н.э. [192, с. 129-130].

В полевые сезон 2007 и 2008 годов исследования на могильнике проводились в двух направлениях. Первое – это раскопки катакомбных курганов, второе – это исследования топографических особенностей при помощи ГИС технологий. В ходе работ в рамках первого направления было исследовано пять курганов, среди которых были повторно изученные курганы, раскопанные в 40-50-х годах. В погребальных камерах зафиксированы захоронения людей в анатомическом порядке и в потревоженном состоянии, выявлен инвентарь, представленный керамическими сосудами, бусами из минеральных камней и стекла, изделиями из железа – кольцо, пряжка, обломки ножа, золотой подвеской и бронзовыми височными кольцами, некоторые погребения были без вещей. Следует отметить, что в одном из признанных «кенотафом» кургане, в ходе вышеотмеченных работ, в середине XX века, выявлено погребение [193, с. 232-235]. Также осуществлены работы по топографической документации могильника с помощью имеющихся картографических материалов геодезической и спутниковой фиксации вкупе с инструментальной съемкой текущего состояния [398, с. 239-247].

Археологические работы на могильнике в 2009 году проводились на трех курганах. В кургане № 29 выявлена катакомба с парным погребением людей, в ногах которых зафиксированы кости скелета ребенка, потревоженные обвалом свода, из инвентаря выявлено три керамических сосуда. В кургане № 30 выявлено два типа погребений – в катакомбе и в грунтовой яме, в последней зафиксировано захоронение человека в анатомическом порядке с костями ребенка, при погребенном найдено три керамических сосуда, две курильницы

(одна в раздавленном сосуде) и 21 железный трехлопастный наконечник стрел. Катакомба содержала захоронение ребенка без инвентаря, на трех кирпичях заклада входа в погребальную камеру зафиксированы знаки тамги. В кургане № 31 первые исследования проведены в середине прошлого века А.Н. Бернштамом, и памятник был определен как «кенотаф», однако в ходе повторного изучения в отмеченный год там выявлена катакомба с погребением человека в анатомическом порядке, из вещей имелся керамический сосуд [194, с. 226-227].

В 2010-2011 годах археологические раскопки на могильнике проведены на пяти курганах, содержащих погребения людей в катакомбных камерах. Выявлены потревоженные и целые захоронения, инвентарь представлен керамическими сосудами, курильницами, остатками железного ножа и другими видами инвентаря [195, с. 127-128; 196, 3-48 б.].

Исследованные в Борижарском могильнике погребения находят аналогии в синхронных памятниках Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана [190-196].

– Кызылординская область:

Археологические памятники на дне Арала

Научно-исследовательские работы на археологических памятниках пересохшего дна Аральского моря, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились с 2006 года по 2009 год (см. рис. В.22). Автор исследований К.М. Байпаков. Памятники расположены в 60-65 км к северу от села Каратерен Аральского района Кызылординской области, обнаружены в ходе разведочно-поисковых работ по обмелевшему дну Аральского моря. Основной объем исследовательских работ выполнен в годы реализации национальной программы «Культурное наследие».

Научно-исследовательские работы 2006 года проводились на поселении Арал-Асар и на мавзолее Кердери-II. Исследования проводились на юго-восточном участке поселения Арал-Асар. Результаты работ показали, что остатки поселений значительно повреждены водами Арала, зафиксирована одна относительно сохранившаяся стена помещения. Основные находки представлены подъемным материалом – стеклянные бусины, серебряные монеты, давшие дату поселения – середина XIV века. До начала археологических работ мавзолей Кердери-II представлял из себя всхолмление угловатых очертаний, в ходе раскопа выяснено, что он имеет прямоугольную форму и выполнен из жженого кирпича. Конструкция состояла из камеры-гурханы, вход в которую находился с юго-запада, фундамент сооружения сделан из массивных каменных плит. В мавзолее выявлено семь мест погребений, из которых шесть типа сагана, одно захоронение совершено в сооружении из камня, напоминающем цисту, и имеет перекрытие из трех каменных плит, «циста» костей и инвентаря не содержала. В отмеченный год также исследовано погребение № 3 – в сагане, выполненном из сырцового

кирпича, выявлен деревянный гроб, в котором расчищено предположительно женское нетронутое погребение, при захороненном человеке найдена пара золотых серег, выполненных в зверином стиле – зафиксировано изображение кошачьего хищника, терзающего свой хвост, также украшения имели подвеску из камня синего цвета. В центральной части мавзолея выявлен клад железных сельхозорудий. По архитектурным признакам и характерным особенностям погребальных конструкций и обряда, мавзолеей датирован исследователями концом XIII - началом XIV века [197, с. 119-121].

В полевой сезон 2007 года исследования проводились на поселении Арал-Асар, на мавзолее Кердери-II, также осуществлена авиаразведка пересохших участков Аральского моря. На территории поселения найден обширный вещевой комплекс в виде каменных жерновов, керамических сосудов, изделий из металла. Конструкции жилых и хозяйственных помещений сильно повреждены водами моря, проведена работа по фиксации сельскохозяйственных полей, где, судя по характерным признакам, выращивались зерновые культуры. В пределах мавзолея в 2007 году исследовано пять погребений в сооружениях типа сагана, выявлено два детских и три взрослых захоронения в анатомическом порядке; судя по отсутствию описаний, инвентаря не было. Также на территории мавзолея осуществлены работы по расчистке северной порталной части и фиксации архитектурных элементов. Помимо всего вышеописанного, в указанный год проведена авиаразведка дна Арала в трех направлениях, получено более чем тысячи кадров аэрофотосъемки [198, с. 238-247].

Научно-исследовательские работы 2008 года проводились на поселении и в пределах мавзолея. На поселении прослежено два строительных периода, существование памятника не превышает нескольких десятилетий, имеющиеся уровни застройки значительно повреждены водами моря. Осуществлены исследования стратиграфии поселения, пополнена коллекция вещевого комплекса. В пределах мавзолея продолжены работы по расчистке разрушенных участков и документации архитектурных элементов [199, с. 215-216].

Археологические работы 2009 года продолжились на поселении Арал-Асар и на мавзолее Кердери-II. Раскоп на территории поселения заложен в северной части, прослежены остатки плохой сохранности сырцовых построек, найденные образцы материальной культуры представлены фрагментированной керамической посудой в основном станкового изготовления, изделиями из железа, кирпичами и костями животных. Продолжены работы по расчистке разрушенных участков мавзолея и фиксации архитектурных особенностей, в ходе работ найдены фрагменты поливной облицовочной плитки в форме трапеции. По ряду характерных особенностей мавзолеей датирован XIV веком [200, с. 219-221].

Сакское городище Чирик Рабат

Археологические научно-исследовательские работы на городище Чирик-

Рабат, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились в период с 2004 по 2011 годы (см. рис. В.23). Автор исследований Ж.К. Курманкулов. Памятник археологии расположен в 110 км к югу от села Жанакала Кармакшинского района Кызылординской области. Городище обнаружено Хорезмской комплексной экспедицией в середине 40-х годов XX века, первые исследования проводились в конце 40-х и 50-х годов указанного столетия. Значительный объем научно-исследовательских работ выполнен в годы реализации нацпрограммы.

В первый год исследований в рамках программы «Культурное наследие» на городище были проведены работы на трех объектах.

Первый раскоп заложен в северной части городища в пределах внутреннего сектора третьей фортификационной стены, в ходе работ зафиксировано конструкция и составные элементы стены, из находок можно назвать золотые изделия в виде зооморфных бляшек и спиралевидной проволоки, поделки из серебра, бронзы и железа, фрагмент глиняной льячки (литейный ковш), шлак и угли.

Второй раскоп размечен в северо-западной части городища, во внутреннем участке второй оборонительной стены. В ходе раскопа зафиксирована дугообразная конструкция стены, также выявлено погребение человека в анатомическом порядке, но кости скелета сохранились частично.

Третий объект находится в 7 км к востоку от городища и представляет собой погребальное сооружение из сырцового кирпича. В отмеченный год исследовалась северная часть памятника, в процессе раскопа обнаружены разрозненные останки нескольких человек и сопроводительный инвентарь в виде золотой серьги с кораллом, фрагменты керамики, разноцветных бусин, точильных камней, изделий из кости и остатков материи, кожи и древесины [73, с. 152-156].

В полевой сезон 2005 года продолжены изыскания в пределах, заложенных в предыдущий год раскопов. Первый объект в ходе дальнейших исследований оказался усыпальницей – обнаружены подбой в западной и восточной стенках прямоугольной ямы, западный подбой оказался полностью ограблен. В восточном подбое зачищены останки трех человек в относительно хорошей сохранности, два костяка были положены один на другой, третий лежал в стороне. При нем выявлен железный меч с остатками деревянной рукояти, с навершием и перекрестием из бронзы, железный нож, остатки ремня с элементами гарнитуры из бронзы, на теле зачищены многочисленные бляшки и пронизи из желтого металла, в ногах располагался жертвенник-курильница с золой, у изголовья стояли два сосуда – один из дерева, практически не сохранился, второй это керамическая фляжка со знаками на боку, по мнению исследователей, напоминают парфянские письма. Под погребенными зафиксированы следы органики с золотыми нитями и деградированный деревянный настил. На втором объекте, обозначенном как «храм», раскоп расширен к востоку и к западу, в центральной части выявлены контуры дромосного входа, в ходе исследований найдены обломки костей животных и

фрагмент железных удил, также зачищено позднее впускное погребение без инвентаря. В пределах третьего объекта, расположенного к востоку от городища, проведены работы по расчистке южной части погребального сооружения, в стратиграфических слоях зафиксированы разрозненные кости людей и животных, фрагменты керамики. По найденным здесь же бронзовым наконечникам стрел объект датирован IV-II вв. до н.э. Также в этот год были проведены исследования в пределах цитадели позднего поселения, в результате работ выявлены четыре помещения с очагами и ташнау, найдены многочисленные фрагменты керамических сосудов разных исторических периодов. Помимо всего, в отмеченный период были проведены разведочно-поисковые работы на территории Кармакшинского района Кызылординской области [74, с. 249-251].

Научно-исследовательские работы 2006 года продолжились в пределах объектов № 2 и № 3, также заложен раскоп на объекте № 4. В ходе раскоп зафиксированы архитектурные и строительные особенности исследованных объектов, найдены захоронения, выявленные находки представлены остатками керамической посуды, изделиями из золота и других металлов [75, с. 135-136].

Полевые исследования 2007 года продолжились на объектах № 2, № 4, и заложено еще три раскопа на объектах № 6, 7 и 8. Отмеченные объекты представлены погребальными сооружениями и жилищно-хозяйственными постройками. В погребениях найдены целые и разрозненные скелеты людей, зафиксирован обряд кремации, находки состоят из фрагментов керамики, изделий из золота, железа, камня и т.д. В архитектурных строениях прослежено три периода жизни городища [76, с. 205-210].

Исследовательские работы 2008 года состояли из раскопок объекта № 4 (жилой дом) и объекта № 6 (мавзолей). Прослежены архитектурные и строительные особенности жилых и хозяйственных построек, погребальных конструкций, зафиксированы основные признаки погребального обряда. Найдены предметы материальной культуры – остатки керамической посуды, украшения из золота, железные наконечники стрел, остатки древесины и т.д., интерес представляет сосуд с надписью на древнегреческом алфавите – аналогии имеются в районах Согда и Бактрии эллинистического периода [77, с. 198-201].

Археологические исследования 2009 года велись на средневековой цитадели, на мавзолее, и заложен новый раскоп в пределах городища. Полученный обширный материал внес весомый вклад в исследование материальной культуры племен Приаралья VII-II вв. до н.э. и средневековья [78, с. 210-212].

Научные работы 2010-2011 годов продолжились на средневековой цитадели и заложены новые раскопы на остальной территории городища. Получен важный материал по жизни племен Приаралья I тыс. до н.э. и I тыс. н.э., и подведены предварительные результаты исследований по национальной программе [79, с. 120-122; 80, с. 3-32].

Огузское городище Жанкент

Археологические научно-исследовательские работы на огузском городище Жанкент, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились с 2005 по 2010 годы (см. рис. В.24). Автор исследований К.М. Байпаков.

Памятник расположен в 25 км к юго-западу от г. Казалы – районного центра Казалинского района Кызылординской области. Первые исследования проведены на городище в начале второй половины XIX века, памятник обследован Хорезмской комплексной экспедицией в середине XX века. Системные археологические раскопки на городище начаты в период реализации нацпрограммы «Культурное наследие».

В полевой сезон 2005 года исследования проводились в юго-западной и восточной частях городища. В 2006 году работы были продолжены в восточной части городища, в пределах жилых построек, начаты работы на цитадели и на крепостной стене городища, также велись изыскания на мавзолее некрополя городища Мынтобе рядом с Жанкентом. Полученный при раскопках керамический и нумизматический материал, анализ архитектурных элементов городища и погребальных сооружений указывают на наличие значимого города, существовавшего в период расцвета Золотой Орды [201, с. 142-145].

Научно-исследовательские работы 2007 года сосредоточились на цитадели в северо-западной части городища. В ходе исследований выявлены помещения из сырца хозяйственного и жилого назначения с характерными для средних веков элементами внутреннего обустройства и интерьера. Интерес представляет алтарь с изображениями голов двух баранов, также в одном из стратиграфических слоев расчищены погребения троих детей, совершенные по канонам ислама. Вещевой комплекс представлен разного рода и степени сохранности керамическими сосудами, некоторые из них имеют тамгообразные знаки, фрагментом жернова, каменными орудиями труда, костями животных, бусинами, изделиями из стекла и металла и т.д. Найденные предметы находят аналогии в культурах Южного Казахстана и Хорезмского оазиса [202, с. 217-222].

В период 2008 года научные изыскания были продолжены в пределах жилых строений на северо-западном участке цитадели городища. Открыто несколько жилых и хозяйственных помещений, также выявлены поздние впускные погребения – часть мусульманского кладбища. Из находок можно назвать керамические сосуды разных видов и степени сохранности, кости животных и рыб, фрагменты изделий из железа и меди, монеты караханидского периода [203, с. 212-214].

Археологические исследования 2009 года также проводились на цитадели памятника. Выявлен горизонт периода запустения городища, кроме того, зафиксировано еще два строительных яруса с остатками строений. Из находок, кроме стандартного набора, можно назвать фигурку птицы из терракоты. Исследованные в 2009 году участки предварительно датированы XI-XII вв. и XIV-XV вв. н.э. [204, с. 215-218].

Исследования 2010-2011 годов продолжились на территории цитадели, заложен раскоп к западу от места исследования предыдущего года. В ходе работ прослежена планировка застройки и улиц городища. Изученный строительный горизонт датирован XI-XII вв. н.э. По выявленным образцам материальной культуры первый строительный ярус городища датирован IX-XI вв. н.э., также прослежено, что в предмонгольский период городище приходит в упадок и жизнь перемещается в соседнее городище Мын-Тобе, где выявлен многочисленный материал времен Золотой Орды [205, с. 117-119; 206, с. 4-124].

Резюмируя исследования в пределах Южного Казахстана, необходимо сказать, что абсолютное превалирование в перечне археологических памятников данного региона имеют средневековые городища. Безусловно, это можно понимать, как специфику памятников региона. Причина подобной картины, конечно, и в том, что эта область наиболее благоприятна для развития оседлой культуры и граничит с оседло-земледельческими культурами Средней Азии. Однако тут имеет место быть и тот факт, что при выборе памятников для реестра нацпрограммы, согласно сложившемуся стереотипу, предпочтение по большей степени было отдано средневековым городищам. В обязательном порядке отметим, что южный регион страны богат и на все другие категории археологических памятников по все имеющимся историческим эпохам, которые, в рамках национального проекта, к сожалению, в основном остались за чертой внимания исследователей.

Тем не менее, наряду с объектами средневековой городской культуры, по национальной программе исследованы памятники палеолита, раннего железного века, древнетюркского периода.

Интенсивность исследований также неоднородна – достаточно стабильно исследовались большинство средневековых городов, средневековый погребальный комплекс Борижары и памятник сакского времени Чирик Рабат, остальные изучались с вариативным сроком в разные периоды функционирования нацпроекта. Научный уровень изысканий на должном уровне: исследования осуществлены передовыми научно-образовательными учреждениями страны – ИА им. А.Х. Маргулана, КазНУ им. аль-Фараби, Центральным Государственным музеем РК. Руководители – профессиональные археологи, ведущие специалисты по соответствующим эпохам.

Как уже отмечено, специфика исследованных памятников в том, что они в основном представлены объектами городской культуры средневековья. Среди индивидуальных особенностей можно назвать то, что в регионе исследуется единственное на данный момент городище сакского периода – Чирик Рабат.

Задачи исследований, в первую очередь как источника по национальной истории, каждое исследование выполнило согласно своим срокам. Учитывая важность полученных данных, можно с уверенностью констатировать реализацию всех поставленных задач.

Как уже отмечено, существенным недостатком исследований в этом регионе является полное превалирование приоритетов исследований средневековых городищ, с уделением поверхностного внимания или полным

игнорированием памятников других эпох и иных категорий.

2.4 Центральный Казахстан: основные этапы научных работ и специфика исследованных памятников

Археологический комплекс каменного века Токтауыл

Археологические исследования комплексного памятника Токтауыл, в рамках национальной программы «Культурное наследие», велись с 2004 по 2011 годы (см. рис. В.25). Авторы исследований – Ж.К. Курманкулов и О.А. Артюхова. Памятник расположен в 21 км от с. Жезды (быв. Марганец) Улытауского района Карагандинской области, в 83 км к северо-западу от г. Жезказган. Комплекс обнаружен в 2001 году учеными ИА им. А.Х. Маргулана под руководством вышеназванных ученых, первые раскопки проведены в 2002 году [50, с. 141-142].

Археологический комплекс Токтауыл расположен у родника в пределах верхней части межсопочной седловины, в 2004 году раскопки охватили 48 кв. метров площади стоянки, выявлены в неповрежденном виде образцы каменной индустрии эпохи мезолита. В общем, получено порядка шести тысяч артефактов. Основное число датируется неолитом, определенное количество находок относится к палеолиту и мезолиту, также найдены изделия, относимые к энеолиту и бронзе, в отмеченный год начаты изыскания в пределах пещеры Талдысай, и заложен разведочный раскоп у родника в Талдысайском микрорайоне [50, с. 141-143].

В полевой сезон 2005 года раскоп на стоянке был расширен к югу, заложено четыре стратиграфических шурфа, первый выявил артефакты палеолитического времени и следы кострища. Общее число найденных в этот год артефактов составляет примерно 15 тысяч единиц. Также продолжены научные изыскания в талдысайской пещере [51, с. 243-245].

Научно-исследовательские работы 2006 года продолжили раскопы предыдущих лет в западном и южном направлениях, получено свыше шести тысяч артефактов. Полученные материалы характеризуют широкий хронологический диапазон – от эпохи палеолита до современного этапа [52, с. 190-192].

В ходе изысканий 2007 года раскопки были продолжены в западном направлении, вскрыто 32 кв. метров территории, получено более четырех тысяч артефактов из камня, множественные остатки фауны, керамической посуды [53, с. 157-162].

В 2008 году на стоянке вскрыто 40 кв. метров площади, найдено около трех тысяч артефактов, значительное количество образцов палеофауны. На выявленные в ходе работ образцы пыльцы и спор проведен палинологический анализ, показавший шкалы разных этапов голоцена [54, с. 182-184].

В период 2009-2011 годов на стоянке открыто порядка 100 кв. метров площади, получено около 2000 единиц каменных артефактов, около 3 тысяч образцов палеофауны, свыше полусотни фрагментов керамики. В период

реализации нацпрограммы на территории стоянки Токтауыл обнаружены каменные орудия, палеофаунистические остатки, кострища и другие находки различных эпох - палеолита, мезолита, неолита, энеолита эпохи бронзы и других исторических периодов, вплоть до современности [55, с. 194-196; 56, с. 109-111; 57, с. 2-50].

Поселение эпохи бронзы Талдысай

Археологические исследования поселения эпохи бронзы Талдысай, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились с 2004 по 2010 годы (рисунок В.26). Авторы исследований Ж.К. Курманкулов и А.С. Ермолаева. Памятник расположен на западной окраине одноименного села Улытауского района Карагандинской области. Поселение обнаружено в 1992 году экспедицией ИА им. А.Х. Маргулана, и с указанного времени на поселении ведутся стационарные раскопки [58, с. 150]. Значительный объем исследований выполнен в период реализации нацпрограммы «Культурное наследие».

В 2004 году работы были продолжены на двух раскопах, заложенных в предыдущие сезоны. В первом раскопе исследовано два жилищно-производственных комплекса – западный и восточный, в западном исследованы остатки построек и металлургическая яма-печь шахтного типа с конструктивно связанными составными элементами. В восточном комплексе выявлена стена строения и система сложной металлургической печи, зафиксировано порядка двух строительных горизонтов с перестройками. Также между двумя комплексами открыты котлованы двух жилищ-мастерских. Второй раскоп заложен на западном краю памятника, в ходе работ прослежено два этапа обживания поселения. Первый период связан с населением, ориентированным на металлургию, найден металлургический слой на стерильной материковой платформе, зафиксированы ямы, каналы-отводы и т.д., говорящие о металлургическом производстве, обнаружены литейные формы, льячки, руды и шлаки. Второй период представлен остатками каменной конструкции. В ходе раскопок получен обширный вещевой материал: фрагменты керамики, кости, ножи срубного типа, орудия труда металлургического характера – каменные молоты, песты, кайлы, мотыги, ступы и мн. др. Выявленные вещи датированы второй половиной II тысячелетия - рубежом II-I тыс. до н.э. [58, с. 150-152].

В полевой сезон 2005 года продолжились ранее начатые работы на двух участках, зафиксированы строительные и производственные особенности исследованных жилищ-мастерских и других построек с сопутствующим бытовым и производственным обустройством, в ходе раскопа на восточном участке выявлена жертвенная площадка с костяками и отдельными костями четырех крупных животных разной степени сохранности, на западном участке также открыты ямы с костями животных. Получен значительный вещевой материал в виде керамики с признаками классических культур бронзового века, изделий из кости и камня, многочисленные находки, связанные с металлургическим производством. Найденные материалы датируют

исследованные слои второй половиной II тысячелетия – рубежом II-I тыс. до н.э. [59, с. 245-248].

Археологические исследования 2006 года проводились на раскопках № 1 и № 2. В первом раскопе исследовалась металлургическая печь и площадка, которая содержала кости животных и орудия труда, вероятно, жертвенные дары. Во втором раскопе продолжены исследования ямы-колодца с составными элементами из крупных плит. В ходе работ зафиксирован обширный вещевой комплекс, представленный остатками керамической посуды, костяными изделиями – серповидные орудия, шпателя и т.д., инструментами из камня – ступки, молоты, наковальни, песты и мн. др. [60, с. 185-188].

Научные изыскания 2007 года в основном проводились на западном и восточном участках раскопа № 1. На восточном участке исследования велись в пределах жилища-мастерской, где осуществлялись работы по расчистке строительных элементов, наземного плавильного устройства и металлургической ямы. В ходе работ выявлено еще три ямы, по всей видимости, связанные с металлургией, и элемент системы отопления, также продолжились работы на жертвенной площадке – найдены кости животных и артефакты, в виде фрагментов керамики, точила, рогов козы. На территории западного участка продолжен раскоп металлургического комплекса в северном направлении, зафиксированы следы производственной системы, находки состоят из бытовых и производственных предметов из керамики, кости, металла, также выявлены кремневые наконечники стрел, скребки, ложила [61, с. 179-183].

Полевые работы 2008 года были продолжены на восточном жилищно-производственном комплексе, исследования велись на металлургической яме-печи, остатках строений, прослежена система отопления. Находки представлены керамическими сосудами, в основном, в фрагментированном виде, разных культуры и периодов бронзового века, орудиями труда, которые разделяются на производственные и бытовые, встречены архаичные изделия из камня раннебронзового и каменного веков, весьма интересен неординарный каменный «утюжок» [62, с. 190-193; 399, с. 73-74].

В период 2009 года возобновлены раскопки восточного участка, работы проведены в трех направлениях. Первое – исследования на участке между двумя котлованами и расчистка стен построек. Второе – завершение изысканий в пределах западной стены жилища и итоговая документация. Третье – зачистка северо-западного угла помещения с внешней стороны. В ходе работ пополнена коллекция артефактов, в основном представленная керамикой и орудиями труда из разных материалов [63, с. 202-204].

В 2010-2011 года осуществлены исследования металлургических ям и колодца, изучено детское захоронение в металлургическом горизонте и завершены исследования металлургической ямы. Найден вещевой комплекс производственного и бытового характера.

Полученный в ходе научных изысканий, в рамках национальной программы «Культурное наследие», на поселении эпохи бронзы Талдысай

обширный материал указывает на наличие развитого многоотраслевого хозяйства с основной хозяйственно-производственной ориентацией на металлургию и скотоводство [64, с. 106-108; 65, с. 4-49].

Археологический комплекс Айбас Дарасы

Археологические исследования комплекса Айбас Дарасы, в рамках национальной программы «Культурное наследие», велись с 2004 по 2011 годы (см. рис. В.27). Автор исследований Ж.К. Курманкулов. Комплекс расположен в 180 км к северо-западу от г. Жезказган, в пределах административной территории Улытауского района Карагандинской области. Памятник обнаружен А.Х. Маргуланом в середине XX века, первые исследования проведены им же в 70-х годах указанного столетия [66, с. 143-144]. Основной объем работ на современном этапе выполнен в период реализации нацпрограммы «Культурное наследие».

В 2004 году, в пределах могильника Айбас Дарасы, заложен стратиграфический раскоп, исследовано сооружение ритуального характера, приуроченное к центральному погребению могильника, также обследовано само центральное погребение подтипа мавзолея. Кроме этого, на сопредельных к могильнику территориях осуществлены разведочно-поисковые работы на предмет выявления новых историко-культурных памятников, в ходе изысканий выявлено поселение и пять погребально-поминальных памятников широкого хронологического диапазона – от каменного века до позднего средневековья [66, с. 143-147].

Научные работы 2005 года проводились на могильнике Айбас Дарасы. Здесь осуществлены работы по доследованию раскопанного А.Х. Маргуланом в 1972 году центрального погребального сооружения, в ходе работ зафиксированы архитектурные особенности и система конструктивного исполнения монументального погребального сооружения. Также в отмеченный год продолжены работы по обследованию сопредельной к памятнику территории, заложен стратиграфический раскоп на поселении, расположенном к востоку от могильника, собран подъемный материал, состоящий из фрагментов керамики, изделий из камня и костей. По найденным в пределах поселения образцам керамического производства памятник датирован бронзовым веком [67, с. 240-242].

В полевой сезон 2006 года продолжено исследование центрального погребального сооружения могильника и начаты планомерные раскопки на поселении, вскрыто 70 кв. метров площади. Выявленный вещевой комплекс состоит из каменных орудий, фрагментов керамик и целого сосуда, костей животных. В результате работ в отмеченный период получена научная информация об архитектуре, погребальных конструкциях и обряде бегазыдандыбаевской культуры. Также в указанный полевой сезон продолжились разведочно-поисковые работы на прилегающих территориях, в ходе изысканий выявлены памятник Айбас Дарасы-I, II, III, IV и Едыге-I, II, датируемые широким периодом от эпохи раннего железа до позднего средневековья.

Помимо этого, проведены работы по топографической фиксации ранее найденных историко-культурных памятников [68, с. 111-114].

Археологические исследования 2007 года велись по следующим направлениям – продолжение работ на центральном погребальном сооружении и на примыкающих к нему сопроводительных конструкциях, раскопки грунтового кургана аварийного характера и группы оград № 2, также осуществлены раскопки на западном участке поселения. Общая площадь раскопов составила порядка 170 кв. метров, выявлен вещевой комплекс, представленный разного рода образцами материальной культуры [69, с. 175-178].

Научно-исследовательские работы полевых сезонов 2008-2011 годов проводились на группе курганов раннего железного века Айбас Дарасы-II. Исследованы наземные и подземные структуры курганов раннего железного века. Также продолжились исследования поселенческого памятника, кроме того, в указанные периоды проводились дальнейшие работы по поиску и фиксации археологических памятников в пределах примыкающих территорий.

Айбас Дарасы является весьма информативным с научной позиции памятником, характеризующим историческое развитие отдельно взятого микрорегиона на протяжении тысяч лет – здесь выявлены стоянки каменного века, поселения и погребально-поминальные памятники эпохи бронзы, курганы раннего железного века, средневековые кочевнические памятники и городище [70, л. 2-40; 71, с. 200, 201; 72, с. 2-30].

Поселение эпохи бронзы Кент

Археологические исследования поселения бронзового века Кент, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились с 2004 по 2011 год (см. рис. В.28). Автор исследований В.В. Варфоломеев.

Памятник расположен в пределах административной территории села Кент (быв. Комосомол) Каркаралинского района Карагандинской области, в 250 км к юго-востоку от г. Караганда. Поселение открыто в середине 80-х годов XX века В.В. Варфоломеевым. В разные годы исследования здесь проводились Институтом «Казпроектреставрация» и КарГУ им. Е.А. Букетова [207, с. 147-148]. Значительные научные исследования здесь проведены в годы реализации нацпрограммы «Культурное наследие».

В 2004 году научные исследования проводились на участке Алат, который, по мнению исследователей, образует системно взаимосвязанный комплекс с поселением Кент. Раскоп был заложен у исследованного в начале 90-х годов XX века участка, в ходе работ выявлено два стратиграфических горизонта – нижний бегазы-дандыбаевского периода, датирующийся концом II тысячелетия до н.э., верхний уровень соотносим с донгальским временем и датируется рубежом II и I тысячелетий до н.э. В нижнем горизонте открыты хозяйственные и столбовые ямы, кострища и очаги производственного назначения. Находки этого уровня представлены фрагментами керамических тиглей, керамической посудой саргаринско-алексеевского типа, бронзовыми наконечниками стрел и

ножами, инструментами из камня, костями животных и отходами бронзолитейного производства, второй горизонт содержал остатки производственных помещений и металлургических печей, также рабочий инвентарь для литья и обработки металлов [207, с. 147-149].

Научно-исследовательские работы 2005 года на поселении Кент проводились на развале каменного сооружения в 20 м к северо-западу от ограды № 1. В ходе работ расчищено прямоугольных форм сооружение, сложенное из гранитных плит, зафиксированы архитектурные и строительные приемы, использованные при постройке сооружения.

Обнаруженные артефакты немногочисленны – фрагменты керамики позднебронзового времени, изделия из бронзы, камня и кости. Также в этот год велись археологические работы на поселении Кыштан, которое было выявлено в предыдущий сезон в 500 м от поселения Кент – исследовано одно из двух каменных сооружений в виде соприкасающихся валов, по архитектурным особенностям и по специфическим признакам найденных вещей памятник соотнесен к началу раннего железного века [208, с. 236-240].

В полевой сезон 2006 года исследования проводились в центральной части поселения Кент, в результате работ зафиксировано, что центр поселения имеет незначительный культурный слой, т.е., по мнению исследователей, застройка шла по кругу, а центр мог играть роль площади для общественных собраний или местом ночного содержания коллективного скота. Находки представлены керамическими сосудами, бронзовыми наконечниками стрел, копьями и кинжалом, инструментами и поделками из камня, кости, рога, металла. Особый интерес вызывают поделки в форме яйца из серпентинита, хрусталя и обожженной глины. По предположению исследователей, они могут быть ядрами пращи или предметами ритуального характера [209, с. 154-155].

Археологические исследования 2007 года продолжились в центральной части поселения Кент. В ходе работ открыто два жилища, первое раннего периода, второе позже было построено на месте первого. Находки представлены образцами керамической посуды, изделиями из металла, кости, рога и камня [210, с. 184-187].

В 2008 году научно-исследовательские работы в рамках программы, согласно поставленным задачам, были посвящены обработке и систематизации полученного с раскопов предыдущих лет обширного материала [211, с. 194-197].

Полевые исследования 2009 года продолжились на центральной части поселения Кент, заложенный в предыдущие годы раскоп был расширен к западу и к северу. В ходе работ определена северо-западная стена жилища № 2 и открыта часть жилища № 3. Основную группу находок составляет керамическая посуда, представленная тремя группами сосудов. Первая - лепные сосуды бегазы-дандыбаевского круга, вторая - лепные лощенные и простые сосуды, находящие аналогии в сибирских андроновидных культурах, третья группа – это керамика, изготовленная на гончарном круге, находящая аналогии в культурах Средней Азии, что говорит о широких контактах бегазы-

дандыбаевцев с племенами эпохи поздней бронзы Западной Сибири и Средней Азии. Также найдены артефакты производственного и бытового предназначения из металлов, кости, рога и камня [212, с. 205-206].

Исследовательские работы 2010-2011 годов на поселении Кент были направлены на изучение планиграфии и стратиграфии памятника, открыты котлованы жилых построек шириной до 4 м, выявлен обширный вещевой комплекс, состоящий из керамики, изделий из кости, рога, камня и бронзы [213, с. 104-105; 214, с. 4-32].

Памятники Бегазы-Дандыбаевской и Тасмолинской культуры

Научно-исследовательские работы на археологических памятниках Бегазы и Тасмола, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились с 2007 года по 2011 год (см. рис. В.29). Автор исследований А.З. Бейсенов. Местонахождения историко-культурные памятников – могильник Бегазы расположен в 40 км к юго-востоку от села Актогай одноименного района Карагандинской области, могильник Тасмола находится в пределах административной территории Каркаралинского района Карагандинской области. В середине и во второй половине XX века памятники исследовались классиками казахстанской археологии А.Х. Маргуланом и М.К. Кадырбаевым [215, с. 172], с 90-х годов указанного столетия работы на них ведет А.З. Бейсенов. Значительный объем работ выполнен в годы реализации нацпрограммы «Культурное наследие».

В полевой сезон 2007 годы осуществлены следующие виды научных изысканий – раскоп объектов на могильнике Бегазы-ШВ, исследование исторического фона и природно-ландшафтных особенностей места расположения памятника Бегазы. Могильник Бегазы-ШВ расположен в 1,3 км к северу-северо-западу от некрополя Бегазы, представлен погребальными памятниками эпохи поздней бронзы и раннесакского времени, также имеются ритуальные сооружения в виде каменных оградок. В отмеченный период в пределах могильника изучено две каменных конструкции квадратных форм с тремя сопутствующими пристройками и курган начального этапа раннего железного века. В первом каменном сооружении выявлены отдельные кости человека и фрагменты керамики, вторая конструкция содержала захоронение человека в скорченном положении с южной ориентацией с обломками донгальского керамического сосуда, две из трех пристроек содержали детские погребения с разной степени сохранности керамическими сосудами ирменского и донгальского типа. В кургане раннесакского времени зафиксировано парное захоронение людей, из инвентаря выявлено бронзовое зеркало с короткой ручкой на боку - на основе находки дана предварительная дата кургана VII-VI вв. до н.э. [215, с. 172-174].

Научные исследования 2008 года велись на памятниках Бегазы в Актогайском районе, на памятнике Едирей в Каркаралинском районе и на памятнике Бугулы в Шетском районах Карагандинской области. В урочище Бегазы научно-исследовательские работы археологического и

реставрационного характера проводились на могильниках Бегазы и Бегазы-ШВ. Проведен широкий круг восстановительных и реставрационных работ на объектах андроновского, бегазы-дандыбаевского времени и на памятниках этнографической современности, также осуществлены мероприятия по облагораживанию и охране территории памятника. Археологические раскопки проведены на могильнике Бегазы-ШВ – исследовано три малых форм сооружения позднебронзового века № 6, № 7, № 8. В сооружениях выявлены костяки людей, погребенных в скорченном положении с южной ориентацией, один на левом, два других на правых боках, из инвентаря имелись керамические сосуды, бусы из бронзовых пластин, бронзовая дисковидная пуговица. К северу от сооружения № 8 зачищено два жертвенника, где найдены древесные угли и части конечностей крупного животного. Все памятники датированы донгальским временем. Исследовано пять курганных памятников, из которых один признан ритуальным сооружением, два объекта датируются раннетасмолинским временем с признаками переходного этапа, один курган эпохи поздней бронзы и один древнетюркского периода. Как было указано выше, также работы проводились на памятнике Едирей, здесь исследовано поселение раннего железного века, открыто два помещения жилого характера и малых размеров пристройки, вещевой комплекс представлен фрагментами керамики и орудиями труда из камня. На археологическом комплексе Бугулы в отмеченный год были проведены работы по мониторингу текущего состояния памятника, уточнены данные по географическому позиционированию [216, с. 185-189].

Археологические работы 2009 года продолжились в урочище Бегазы, где проведены мероприятия по консервации и реставрации мавзолея № 3. Также в этот год осуществлены раскопки двух курганов № 1 и № 19 на могильнике раннесакского времени Талды-II, расположенном в 1,3 км к западу от села имени Касыма Аманжолова Каракаралинского района Карагандинской области. В кургане № 1 изучена довольно сложная структура наземного сооружения, выявлен дромос и погребальная камера, сложенная из каменных плит, костяк выброшен при ограблении, найдено некоторое количество изделий из золота и фрагменты железа. В кургане № 19 также изучена наземная конструкция, в районе грабительского лаза выявлено каменное изваяние, погребения не обнаружено, на примыкающей к кургану территории зафиксирована система жертвенников. Исследованные объекты датируются раннесакским временем [217, с. 197-199].

Исследования 2010-2011 годов состояли из нескольких ключевых направлений. Первое – это продолжение консервационно-реставрационных мероприятий на могильнике Бегазы, где проведены работы по восстановлению мавзолея № 6, второе – раскопки кургана № 1 на могильнике Назар-II. В ходе этих работ изучено наземное сооружение кургана, погребение ограблено, найдены разрозненные кости человека и животных, из находок только изделие из кости, возможно, навершие. Третье – это сравнительные исследования материалов эпохи поздней бронзы Семиречья и Центрального Казахстана.

Пятое направление – это исследования на могильнике Талды-II, где раскопано два кургана - № 2 и № 5. Полученные в указанных памятниках материалы стали сенсационными - несмотря на ограбление, в курганах выявлены многочисленные золотые изделия, значительное число которых представлено литыми формами. Находки весьма схожи с материалом Шиликтинских курганов, и в широких кругах памятник получил название «четвертого золотого человека» [218, с. 101-103; 219, с. 6-40].

Средневековое городище Хан Ордасы

Научные археологические исследования средневекового городища Хан Ордасы, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились в 2009-2011 годах (см. рис. В.30). Работами руководили Ж.Е. Смаилов и Г.А. Ахатов. Городище расположено в 20 км к западу от с. Улытау, районного центра Улытауского района Карагандинской области, в 80 км к северу от г. Жезказган. Памятник обследован А.Х. Маргуланом в середине XX столетия. В последующем исследования на городище проводились Новостроечной экспедицией. Значительные работы осуществлены в последний этап реализации нацпрограммы «Культурное наследие». Городище представляет собой достаточно хорошо просматриваемое на местности угловатых форм сооружение с фиксирующимися конструктивными элементами средневекового города [220, с. 207].

В 2009 году работы на городище были направлены на изучение планировки, стратиграфии и хронологических рамок памятника. Раскоп был заложен вдоль внутреннего пространства южной стены цитадели с расширением к западу, в ходе исследований выявлено два глинобитных жилых помещения, южной стеной помещений является крепостная стена, в постройках выявлены суфы и хозяйственная яма. Также проведены работы по расчистке территории двора, зафиксирован оплыв глинобитных стен, возможно остатки въезда в цитадель. Найденный керамический комплекс представлен фрагментированными лепными и станковыми сосудами. Помимо отмеченных работ, в указанный год заложен раскоп на крепостной стене цитадели, в результате выявлена глинобитная стена, также осуществлены раскопки одного кургана в могильнике Хан Ордасы в 200 м к западу от городища, при расчистке насыпи найдены фрагменты керамики и кости животных, погребение ограблено, каких-либо находок не было [220, с. 207-209].

В полевой сезон 2010-2011 годов продолжились исследования жилых построек на цитадели городища, в помещениях зафиксированы суфы и другие традиционные элементы обустройства и интерьера. Расчистка в пределах центральной части городища выявила открытую площадку с некоторым культурным слоем. В южной части цитадели найдены остатки въезда. Полученный в ходе работ вещевой комплекс представлен в основном фрагментами керамики, среди которых особый интерес вызывает керамика огузского типа, керамические коллекции показали параллели с некоторыми памятниками Казахстана. Также в отмеченный период проведены раскопки

одного кургана в могильнике близ городища – выявлено безынвентарное погребение человека [221, с. 112-114; 222, с. 3-38].

По результатам работ на городище исследователями установлено, что памятник однослойный, и прослежена определенная близость с торткулями северо-восточного Жетісу, низовьев р. Сырдарья и городами Южного Казахстана [220-222].

В пределах Центрального Казахстана в рамках программы исследованы памятники каменного века, эпохи бронзы, раннего железного века и одно средневековое городище.

Интенсивность исследований довольно высока – все изыскания, за исключением изучения Тасмолинских и Бегазы-Дандыбаевских памятников, стартовавших со второго периода нацпрограммы и средневекового городища Хан Ордасы, изученного на финальном этапе реализации нацпроекта, проводились в период между 2004-2010/2011 гг. Научный уровень изысканий на должной высоте: полевые исследования осуществлены в основном ИА им. А.Х. Маргулана, КарГУ имени Е.А. Букетова, руководители – профессиональные археологи, ведущие специалисты по соответствующим эпохам.

Специфика исследованных памятников во многом обусловлена географическим местоположением региона, также имеются индивидуальные особенности – металлургический феномен региона, оказавший значительное влияние на развитие производственных сил, социогенез и пр. вплоть до появления протогосударственных объединений уже в бронзовом веке и определявший развитие этого региона до этнографической современности. Большинство памятников многослойные – от каменного века до раннего железного века, средневековья и даже нового времени, что с учетом отмеченного своеобразия региона также определяет специфику самих памятников.

Задачи исследований, в первую очередь, как источника по национальной истории каждое исследование выполнило согласно своим срокам. Учитывая важность полученных данных, можно с уверенностью констатировать реализацию всех поставленных задач.

Из недостатков можно отметить отсутствие исследований памятников гунно-сарматского и древнетюркского времен.

2.5 Северный Казахстан: ход, научная ценность и особенности практических изысканий

– Акмолинская область:

Средневековое городище Бозок

Научно-исследовательские работы на средневековом городище Бозок, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились с 2004 по 2009 годы (см. рис. В.31). Автор исследований М.К. Хабдулина. Памятник

расположен в 5 км от г. Астана к северо-западу. Первые археологические исследования на городище проведены в 1999 году К.А. Акишевым, с этого момента изыскания в пределах памятника проводятся Ишимской археологической экспедицией ЕНУ им. Л.Н. Гумилева [91, с. 102-103]. Значительный объем работ выполнен в период реализации программы «Культурное наследие».

В 2004 году, на момент старта нацпрограммы, на городище были проведены следующие работы – раскопано жилое помещение, сложенное из сырцовых кирпичей, зафиксированы внутреннее обустройство и интерьер, отопительная система. Строение земляночного типа, расчистка оснований двух мавзолеев с подробной фиксацией работ в рамках реконструкции объектов и создания 3D модели, мониторинг текущего состояния одного из исследованных в предыдущие годы памятников, осуществлен технологический анализ кирпичей с городища. Также в рамках нацпрограммы проведен международный полевой семинар [91, с. 101-103].

Исследовательские работы 2005 года велись на центральной площадке городища, здесь исследована одна погребальная оградка, заложены стратиграфические разрезы, которые зафиксировали конструктивные элементы жилых кварталов. В северной части памятника открыто жилище земляночного типа из трех комнат, внутреннее обустройство и интерьер состоит из суф, очагов и хозяйственных ям, найдены фрагменты керамики, кости животных и обломок металлического котла. Также в указанный период продолжены исследования сырцового мавзолея, начатые в предыдущие сезоны, расчищены стены и примыкающая площадка, зафиксированы архитектурные особенности погребального сооружения [92, с. 172-176].

В полевой сезон 2006 года продолжились раскопки на территории городища, проведены исследования в рамках изучения архитектурных и строительных особенностей жилищ-землянок, планировки кварталов и инфраструктуры. Также в ходе работ на городище исследовано два места погребения – одно подбойное безынвентарное захоронение человека с западной ориентацией, второе - могильная яма с обкладом и заполнением из сырцовых кирпичей, следов погребения не зафиксировано. Помимо описанного, в отмеченный год велись работы в рамках создания историко-культурного национального парка «Бозок» [93, с. 132-135].

Научные исследования 2007 года на городище Бозок продолжились раскопками городища – заложен стратиграфический раскоп в пределах восточного квартала, и продолжены раскопы, начатые в предыдущие сезоны. В ходе исследований зафиксированы архитектурные и строительные особенности жилых построек и функциональных сооружений городища. Также в рамках национальной программы на городище осуществлены палеопочвенные исследования в целях определения хронологических дат памятника. Кроме того, выполнена реконструкция по черепу облика средневековой знатной женщины-воина, обнаруженной в 2002 году. По имеющимся кадрам спутниковой съемки проведены работы по изучению планиграфии городища и

ирригационной системы на прилегающей территории [94, с. 264-267].

В 2008 году археологические исследования осуществлялись во внутреннем секторе северного квартала, зафиксированы конструктивные элементы, исследовано два погребения, одно, в центральной части, датировано методом радиоуглеродного анализа эпохой поздней бронзы, второе – это мусульманское захоронение на западном вале указанного квартала. Также продолжились работы по изучению планиграфии и ирригационной системы городища по результатам спутниковой съемки, по ряду характерных особенностей ирригационная система городища предварительно датирована X-XII вв. н.э. [95, с. 150-153].

Полевые работы 2009 года проводились на восточном квартале городища, где найдена передняя часть костяка коня с элементами снаряжения, на основе которых нижний горизонт городища датируем VII-VIII вв. н.э. Также в отмеченный сезон продолжено исследование архитектурных и строительных структур городища [96 с. 160-163].

– Северо-Казахстанская область:

Энеолитическое поселение Ботай

Научно-исследовательские работы на энеолитическом поселении Ботай, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились с 2004 по 2007 годы (см. рис. В.32). Автор исследований В.Ф. Зайберт. Памятник расположен в 1,5 км к юго-востоку от с. Никольское Айыртауского района (быв. Володарский) Северо-Казахстанской области. Поселение открыто 1980 году В.Ф. Зайбертом и изучается им с этого периода [88, с. 161-162]. Памятник исследовался в рамках нацпрограммы в первый период ее реализации.

В 2004 году проведены работы по оценке историко-культурного значения поселения Ботай, осуществлена широкая работа по обобщению результатов работ предыдущих лет, обозначены задачи, стоящие перед исследователями [88, с. 161-165].

В полевой сезон 2005 года исследования проводились на участках, подверженных техногенному разрушению вследствие размыва реки и оврага.

Вскрыта площадь свыше 700 кв. метров. Открыты остатки нескольких построек жилого и хозяйственного назначения, рабочие площадки-мастерские по обработке кости, выкладки из остеологического материала лошадей и других животных, среди которых следует отметить находку скелета росомахи. В остатках построек зафиксированы очажные и столбовые ямы, многочисленные кости животных, в основном лошади. Находки с поселения представлены различными орудиями труда из камня и кости бытового, промыслового и производственного назначения, образцами керамических сосудов с орнаментацией, выявлено порядка 6 тысяч артефактов и около 5 тысяч костных останков животных, в большинстве своем лошадей. Находки отмеченного периода датируется энеолитическим временем, за исключением артефактов, происходящих из восточного участка поселения, которые

соотносимы с периодами мезолита и неолита. Также в ходе работ на поселении, под одной из костяных выкладок, выявлены останки человека – череп без нижней челюсти, части верхних и нижних конечностей [89, с. 176-183].

Исследовательские работы 2006 года на поселении сконцентрировались на южном и восточном участках, носили аварийно-спасательный и охранный характер. Раскопано около 600 кв. метров площади. В ходе работ открыты остатки двух жилищ, хозяйственные и очаговые ямы, зафиксированы площадки-мастерские по обработке кости, выявлен многочисленный остеоматериал животного происхождения. Находки представлены фрагментами керамики, каменными и костяными орудиями труда, среди которых выделяются долотообразные орудия из трубчатой кости лошади. Также обнаружено редкое в вещевом комплексе таких памятников изделие из меди – пластина, выполненная из сложенной в несколько слоев медной фольги. За годы работы в рамках нацпрограммы на поселении вскрыто порядка 1800 кв. метров площади и получено свыше 20 тысяч образцов материальной культуры меднокаменного века [90, с. 130-132].

– Костанайская область:

Могильник Бестамак

Исследования могильника Бестамак, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились в период реализации первого этапа проекта – в 2005 и в 2006 годах (см. рис. В.33). Автор исследований А.В. Логвин. Памятник расположен в 8 км в юго-восточном направлении от с. Шили Аулиекольского района Костанайской области, на окраине одноименного поселения бронзового века. Некрополь исследуется с 90-х годов XX века [223, с. 258-259].

В 2005 году на могильнике заложен общий раскоп размерами 368 кв. метров, в ходе исследований выявлено 19 ям, из которых 7 являются местами погребений, 7 ям оказались столбового назначения, одна яма идентифицирована как жертвенник эпохи бронзы, характер остальных четверых ям не выяснен. Четыре погребения соотнесены к периоду развитого бронзового века, зафиксированы захоронения людей разной степени сохранности, большинство располагалось на левом боку в слабо скорченном положении, из инвентаря выявлены обоюдоострые бронзовые ножи, разных форм плоскодонные керамические сосуды с острым ребром и орнаментацией, бронзовые и пастовые бусины, костяная проколка, желобчатые бронзовые браслеты и подвески в полтора оборота, остатки некоего изделия из дерева, асыки и заупокойная пища в виде костей животных. Одно погребение предварительно датировано позднебронзовым временем – обнаружено погребение человека в вытянутом положении на спине, у головы поставлен плоскодонный орнаментированный керамический сосуд с плавной профилировкой. Остальные погребения были без какого-либо инвентаря, одно из них предположительно отнесено к средневековью, хронологическая и

культурная составляющая второго погребения не определена [223, с. 258-260].

В полевой сезон 2006 года в пределах могильника также заложен общий раскоп площадью 400 кв. метров, в результате работ исследовано 14 подземных структур, из которых 9 могильных ям, 2 столбовые ямы, предназначение остальных не выяснено. Особенный интерес вызывают три погребения. № 138, содержало коллективное захоронение четырех человек, положенных попарно и обращенных ногами к друг другу, ориентация меридиональная, из инвентаря имелись керамические сосуды, железные и бронзовые наконечники стрел, железный меч в деревянных ножнах, железный кинжал, остатки доспехов, стеклянные и каменные бусины, металлические детали от одежды функционального и декоративного характера, костяное пряслице и т.д. Погребение датировано сарматским периодом. В яме № 140, отнесенной к бронзовому времени, найдены останки двух коней, погребение человека совершено на левом боку, выявлен обширный инвентарь из керамики, бронзы, камня и кости. В яме № 144 зачищен костяк человека в неестественной позе и посыпанный красной охрой, инвентаря не обнаружено, исследователями сделано предположение, что захоронение изначально было совершено в положении сидя и позже «сползло». Датировано погребение энеолитом [224, с. 123-127].

– Павлодарская область:

Многослойная стоянка Шидерты-III

Научно-исследовательские работы на многослойной стоянке Шидерты-III, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились в первый этап реализации программы в 2005 и 2006 гг. (см. рис. В.34). Автор исследований В.К. Мерц. Памятник расположен в 7 км к югу от одноименной станции в Павлодарской области, в 50 км западнее от г. Экибастуз.

Стоянка с разной периодичностью исследуется с 1989 года вышеназванным ученым. Археологические исследования на стоянке в рамках нацпрограммы начаты в 2005 году, продолжен раскоп, заложенный в предыдущие годы – работы сосредоточились на юго-восточном секторе, изыскания велись с 3-го по 6-ой стратиграфические слои. В результате работ исследован 3-й неолитический слой и 4-й периода финального мезолита. В первом слое выявлено скопление фрагментов керамики плохой сохранности, каменные орудия – отщепы и пластины, сделанные из палеогенового микро-кварцита, призматические, конические, плоскостные нуклеусы и некоторое количество клиновидных ядрищ разной модификации. В нижнем слое зафиксирован кардинально отличающийся комплекс каменной индустрии, указывающий на период мезолита или раннего неолита, в виду достаточной оригинальности комплекса данного слоя и отсутствия аналогий в пределах Центрального и Северного Казахстана исследователь предлагает рассматривать его как памятник переходного от мезолита к неолиту этап [225, с. 265-271].

В полевой сезон 2006 года работы велись на 5 и 6 культурных слоях

стоянки, которые соотносимы с мезолитом. В нижнем 6 слое зачищено несколько жилых и производственных площадок с остатками каменной индустрии, представленной призматическими и коническими нуклеусами, имеются также клиновидные и торцовые со специфической ударной площадкой, найдено множество микропластин в сеченой форме и целых. Также найдены геометрические микролиты, резцы из пластин, проколки, концевые скребки и множество орудий из отщепов. Сырье – это окварцованная порода и в ряде случаев яшма и кремнь. В слое выявлены разрозненные кости животных, на основании этого сделано предположение, что здесь было охотничье стойбище или временная стоянка. Два слоя разделены стерильной прослойкой. В верхнем 5 слое также найдены многочисленные образцы каменной индустрии, по своим характерным особенностям резко отличающиеся от артефактов и сопутствующих элементов нижнего уровня [226, с. 195-198].

По результатам палеопочвенных исследований на слоях стоянки, исследователь предварительно датирует их диапазоном VIII тысячелетия до н.э. [226, с. 197].

Археологический комплекс Аулиеколь

Научные исследования археологического комплекса Аулиеколь, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились во второй и третий периоды реализации программы – с 2007 по 2011 годы (см. рис. В.35). Руководитель работ Т.Н. Смагулов. Памятник расположен в 3 км к юго-востоку от с. Каражар Экибастузского района Павлодарской области. Исследования проводились Павлодарским государственным педагогическим университетом. Значительные работы осуществлены в годы работ в рамках нацпрограммы.

В 2007 году работы велись на могильнике и поселении Аулиеколь, заложен раскоп на бугре в центральной части могильника, в процессе расчистки открыты остатки погребального сооружения угловатых форм, выполнено из параллельных рядов сырцового и обожженного кирпича. В ходе расчистных работ обнаружены кости животных, обломки керамики и множество целых и фрагментированных образцов облицовочной декоративной плитки. Сооружение имело вход с южной стороны, состоит из двух помещений. В первом при очистке внутреннего пространства найдены конские черепа, ориентированные носовыми частями на юг, захоронений не выявлено. Во втором помещении выявлены погребения трех людей в углублении и на полу помещения, захоронения были совершены по канонам ислама, но наличие определенного инвентаря, жертвенника, изображений живых существ, а также некоторые черты погребального обряда и особенности погребальных конструкций указывают на присутствие в ритуальной практике значительного процента доисламских верований. Также в указанный год заложен еще один раскоп неподалеку от первого. В ходе работ открыта часть производственного комплекса с остатками печи, найдены фрагменты лепной и станковой керамики. По результатам работ на памятнике Аулиеколь зафиксировано

отсутствие многолетних стационарных жилищ, хотя определенный культурный слой и следы построек имеются. На основании этого исследователями сделано предположение, что поселение носило сезонный характер – было летней ставкой средневековых правителей [227, с. 223-229].

В полевые сезоны 2008-2009 годов проведены исследования на некрополе и поселении Аулиеколь, был изучен один курган средневекового времени, где выявлено два захоронения, из вещей имелись остатки колчана, бытовые изделия и предметы конской амуниции, в одном погребении найдена серебряная монета периода правления золотоордынского хана Узбека, также на некрополе продолжены изыскания в пределах двухкамерного погребального сооружения. На поселении проводились работы по изучению производственных построек, планировки, системы орошения и т.д. Также осуществлены исследования на территории жилого комплекса, в ходе работ выявлено сооружение, состоящее из четырех помещений, вещевого комплекса не обнаружено. В отмеченный период продолжились исследования производственных сооружений, велись исследования мастерской по варке глазури – найден горн, керамика и другие следы производственной деятельности. Также осуществлены раскопки одного средневекового кургана, где выявлено женское погребение, при ней зафиксирована заупокойная пища в виде конечности барана, инвентарь из серебряной серьги, железных ножниц, остатков шелка, среди которых найдено зеркало, вероятно, шелк от чехла, во рту погребенной зафиксирована серебряная монета. Погребение предварительно датировано второй половиной XIV в. н.э. Помимо описанного, в указанный год продолжились научные изыскания в пределах двухкамерного мавзолея, и осуществлялись исследования средневековой ирригационной системы [228, с. 228-231; 229, с. 224-225].

Археологические исследования 2010-2011 годов на комплексе Аулиеколь состояли из раскопок объектов поселенческого и погребального характеров, в числе которых остатки жилого комплекса, производственные печи для обжига, мавзолеей и погребальные сооружения в виде руинированных сырцовых мазаров, имевших на момент исследования вид насыпей и вследствие этого принимаемые изначально за курганы.

В ходе исследований получен обширный материал по особенностям жилых и производственных построек, характеру и содержанию погребальных сооружений средневековья. На основе полученных материалов археологический комплекс Аулиеколь датирован авторами работ XIV-XV вв. [230, с. 123-126; 231, с. 3-40].

На территории Северного Казахстана, в рамках национальной программы, исследованы памятники эпохи камня, меднокаменного века, эпохи бронзы и памятники средневековья.

Интенсивность исследований не стабильна – практически все исследования велись с разной периодичностью в те или иные этапы функционирования программы. Тем не менее, научный уровень изысканий на должной высоте: полевые исследования осуществлены, в основном, ИА им. А.Х. Маргулана,

ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Кокшетауским государственным университетом им. Ш. Уалиханова и Павлодарским государственным педагогическим университетом. Руководители – профессиональные археологи, ведущие специалисты по соответствующим эпохам.

Специфика исследованных памятников заключается в том, что они в основном представлены древнейшими эпохами – каменный век и эпоха палеометалла. Это, по всей видимости, обусловлено тем, что исследователи, работающие в данном регионе, в основном, специализируются на указанных периодах. Если говорить об индивидуальных особенностях памятников и региона в целом, то, конечно, это, в первую очередь, превалирование степного ландшафта, что влияло на зарождение и генезис того или иного вида культурно-хозяйственной деятельности – коневоды энеолита тому пример.

Задачи исследований, в первую очередь как источника по национальной истории, каждое исследование выполнило согласно своим, честно сказать, небольшим и отрывочным срокам. Учитывая то, что в годы реализации и в рамках нацпрограммы были сформулированы ключевые выводы по ряду важных проблем отмеченных исследований, можно констатировать реализацию поставленных нацпрограммой задач.

Значительным минусом является то, что практически не исследованы памятники эпохи ранних кочевников, гунно-сарматского времени и древнетюркского периода.

2.6 Западный Казахстан: виды исследованных памятников и степень их своеобразности

– Западно-Казахстанская область:

Некрополь раннего железного века Кырык оба

Научно-исследовательские работы на некрополе раннего железного века Кырык оба, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились с 2004 по 2010 годы (см. рис. В.36) Исследования велись двумя группами ученых, одной руководил А.А. Бисембаев, второй в разные годы руководили К.М. Байпаков, Е.А. Смагулов, Ж.Е. Смаилов. Памятник расположен в 5 км к югу от с. Дәнелікөл Борлинского района Западно-Казахстанской области. Археологические изыскания в пределах памятника проводятся с 2001 года ИА им. А.Х. Маргулана и Западно-Казахстанским центром истории и археологии [232, с. 137-138; 233, с. 231]. Значительные исследования на некрополе осуществлены в период реализации нацпрограммы «Культурное наследие».

В 2004 году исследования проводились на некрополях Кырыкоба-I и Кырыкоба-II. В пределах первой из названных групп изыскания проводились на большой валообразной насыпи, приуроченной к кургану № 1. В ходе работ каких-либо конструкций, сооружений и т.д. не выявлено, найдено несколько костей животных, зафиксировано, что насыпь состоит из однородного

суглинка, и исследователи предположили, что это вынутый при рытье ров кургана № 1 грунт. Параллельно велись раскопки трех курганов на некрополе Кырыкоба-II. Проведены работы по изучению наземных сооружений курганов. На курганах № 2 и № 3 могильная яма не была исследована, в могильной яме кургана № 1 (15) выявлены разрозненные человеческие кости, бронзовая пронизь с изображением головы грифона, обломки трех керамических сосудов, фрагменты двух железных ножей, бусы и подвески из стекла и стеклопасты. По зафиксированным особенностям погребальных конструкций и инвентаря курганы датированы V веком до н.э. [232, с. 137-141].

В полевой сезон 2005 года исследовано два кургана малых размеров в центральной части некрополя, наземные сооружения значительно сnivelированы интенсивной распашкой. В кургане № 1 (05) проведены работы по изучению наземного сооружения, и выявлены внешние проявления погребений – зафиксировано два пятна, раскоп которых был отложен на следующий полевой сезон. При изучении наземного сооружения кургана № 2 (05) найден фрагмент жертвенника, остатки наземной погребальной конструкции из дерева, кости лошади, три человеческих черепа, железный кинжал, бронзовые наконечники стрел, детали конской амуниции, фрагмент стелы и выкладки из хвороста, камыша и дерева. Также зачищено средневековое детское захоронение. Могильная яма оказалась ограбленной, зафиксированы кости двух лошадей без черепов, золотая пуговица и часть рухнувшего в могилу вышеотмеченного наземного сооружения из дерева [234, с. 226-228].

Помимо описанных работ, в 2005 году группой ученых Западного Казахстана под руководством А.А. Бисембаева, в пределах некрополя Кырыкоба, исследованы курганы № 15 и № 17, также завершены ранее начатые работы на кургане № 14, где зафиксирована наземная конструкция из дерева и периферийный вал из глины. В курганах № 15 и № 17 изучены разнообразные погребальные конструкции. Несмотря на ограбление и современные антропогенные разрушения, удалось выявить достаточно ценный вещевой комплекс, на основании которого памятники датированы первой половиной V века до н.э. [233, с. 231-235].

Научные работы 2006 года на некрополе Кырыкоба проводились на кургане № 3 (06), и были исследованы курганы № 1 (05) и № 2 (05). Изучены наземные сооружения, погребальные камеры, получен важный вещевой комплекс материальной культуры I тыс. до н.э. [235, с. 159-161].

Археологические исследования 2007 года были посвящены продолжению раскопок кургана № 2 (05), где в предыдущие сезоны осуществлены работы по изучению наземной конструкции и двух погребений. В результате работ исследовано три погребения – № 3, № 4 и № 5, получен ценный материал по погребальному обряду населения Западного Казахстана VI - IV вв. до н.э. [236, с. 165-167].

Исследовательские работы 2008 года продолжились на курганах № 1 (05) и № 2 (05), изучено несколько погребений в обоих курганах, получен вещевой

комплекс, отражающий материальную культуру кочевого населения региона в середине-второй половине I тыс. до н.э. [237, с. 178-181].

Полевые работы 2009 года ставили перед собой цель изучения конструктивных особенностей кургана № 3 (07). В результате работ зафиксировано, что наземное сооружение представляет собой не курганную насыпь, а оплывшую и разрушившуюся архитектурную конструкцию [238, с. 191-193].

В 2010 году исследования проводились на погребальных конструкциях кургана № 3 (07), где в предыдущие полевые сезоны исследованы особенности наземных сооружений. В результате работ изучено два погребения, одно детское и второе, судя по ряду признаков, кенотафное, полученный инвентарь позволил датировать курган V-IV вв. до н.э. [239, с. 99-100].

Средневековое городище Жайык

Исследовательские научные работы на средневековом городище Жайык, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились в первый период реализации программы – с 2004 по 2006 год. Исследования велись под руководством Г.А. Ахатова (см. рис. В.37). Памятник расположен в 12 км к югу от административного центра Западно-Казахстанской области – г. Уральска. Научные изыскания в пределах городища проводятся с 2001 года [240, с. 133]. Значительные научные изыскания на городище осуществлены в начальный период работ в рамках программы «Культурное наследие».

В 2004 году на городище раскопки проведены на восточной части усадьбы, выявленной в предыдущие полевые сезоны, открыто около десятка помещений жилого и хозяйственного характера в нескольких строительных горизонтах, вещевой комплекс представлен фрагментами разного рода керамических сосудов, костями животных, медной монетой, изделиями из железа и кости. Также в отмеченный период исследования проводились на западине к северо-западу от усадьбы – по всей вероятности, водохранилище-хауз, исследовано два сектора в южной стороне, найдены кости животных и несколько фрагментов чигиря. Велись изыскания в пределах, землянки расположенной на надпойменной террасе реки Жайык, исследовано одно помещение со следами от столбовых ямок, выявлено значительное количество станковой керамики.

Помимо этого, заложен раскоп на территории Большого мавзолея в пределах городища, изучены архитектурные и строительные особенности погребального сооружения, также произведены раскопки двух курганов раннего железного века – изучены наземные погребальные конструкции, погребения ограблены, зафиксированы разрозненные кости человека и остатки скудного инвентаря в виде фрагментов керамики, обломка железного меча, отдельных частей железных и бронзовых изделий [240, с. 133-137].

Научно-исследовательские археологические работы на городище Жайык в 2005 году продолжились на усадьбе и на площади перед Большим мавзолеем в пределах некрополя. На усадьбе открыты дополнительные помещения хозяйственного и жилого назначения, с суфами, очагами и др. элементами

обустройства и интерьера, расчищена часть двора усадьбы. Вскрытая перед мавзолеем площадка интерпретирована как место совершения молитв. Выявлен вещевой комплекс, в основном представленный остатками керамической посуды, находящей параллели в аналогичных материалах Сарайчика, Поволжья, Днестро-Прутского междуречья, Причерноморья периода Золотой Орды [241, с. 228-231].

В полевой сезон 2006 года исследования проводились на одном из котлованов вблизи Большого мавзолея и на кургане раннего железного века. В результате работ выяснено, что котлован появился в результате выборки глины для строительства мавзолея и в дальнейшем был использован как мусорная яма – зафиксированы многочисленные фрагменты керамики, обломки облицовочной плитки, части железных и др. изделий [242, с. 139].

В ходе раскопок наземного сооружения кургана раннего железного века № 3 выявлены разрозненные кости человека, фрагменты углей и горелой древесины, обломки керамической посуды, бронзовые наконечники стрел, зафиксированы остатки глиняного вала. В пределах кургана найдено два погребения – в заполнении могильной ямы первого захоронения выявлены бронзовые наконечники стрел, рукоять меча, фрагменты керамики, предметы быта и вооружения, на дне могильной ямы зачищен потревоженный костяк человека – отсутствовали нижние конечности. В заполнении могильной ямы второго погребения найдены предметы вооружения, быта и конского снаряжения, древесины и кости человека, на дне зачищен череп человека *insitu*. Курган датирован II-I вв. до н.э.

Также в указанный год проведены исследования на кольцевом вале в 40 м к северо-западу от Большого мавзолея, по результатам работ сделано предположение, что вал является культовым сооружением, и соотносим с эпохой раннего железа.

Помимо описанного, велись исследования грунтового холма в районе бани – открыто два помещения, одно жилое и второе хозяйственного характера, и заложен раскоп на одном из понижений в районе усадеб – зачищены остатки жилища-землянки [242, с. 139-141].

– Актюбинская область:

Святылище Кызыл Уик

Научно-исследовательские работы на святылище Кызыл Уик, в рамках национальной программы, проводились с 2004 по 2009 года (см. рис. В.38). Автор исследований З. Самашев. Памятник расположен в 60 км к югу-юго-востоку от с. Дияр Байганинского района Актюбинской области. Святылище впервые обследовано в конце 90-х годов XX века [251, с. 8-9]. Значительные по объему работы проведены в период реализации нацпрограммы «Культурное наследие».

В 2004 году исследования проводились на центральном сооружении, на начальном этапе, обозначенном как курган, открыта часть объекта, если

говорить конкретно, расчищена концентрация камней в центре сооружения, зафиксированы размеры, убран наносный грунт с развала камней сооружения. Также в отмеченный год велись работы по расчистке трех жертвенников-очагов вокруг центрального сооружения и проведено изучение иконографии каменных изваяний, изображающих вооруженных воинов [20, с. 118-121].

В полевой сезон 2005 года продолжились работы по расчистке центрального сооружения. Открыты внешние стены объекта, сложенные из хорошо подогнанных известняковых блоков, зафиксирован вход в святилище, убраны каменные завалы во внешней и внутренней части святилища. В ходе работ во внешней части святилища зафиксированы каменные оградки из каменных плит, внутреннее пространство святилища очищено от завалов грунта и камня на 3 метра, конструкций и иных сооружений не выявлено, найдены кости животных и фрагменты керамики, прослежено, что святилище возведено на глиняной платформе и имеет планиграфический вал. По периметру святилища имеется ров, грунт из которого использовался при возведении сооружения [21, с. 202-205].

Научные работы 2006 года в основном были направлены на очистку внутренней части центрального культового сооружения и на изучение рва вокруг основного объекта. В ходе работ зафиксировано несколько культурных горизонтов, архитектурные и строительные особенности конструкции – выявлена прямая шестигранная кладка с плавным переходом в купол, выяснено, что внешняя форма его круглая, доподлинно установлено, что вход располагался с южной стороны. Помимо этого, внутри святилища выявлено средневековое погребение, в результате работ получен разнообразный вещевой материал. Также в указанный период проводились археологические разведочно-поисковые работы на прилегающей к святилищу территории. По итогам этих изысканий выявлено около десятка археологических памятников, на одном из них – на кургане № 1 могильника Кайнар-I, в погребальной камере найдены разрозненные кости человека, удила и наконечник стрелы из бронзы, керамическая пряслица [22, с. 157-159].

Полевые научные исследования 2007 и 2008 годов продолжились в пределах центрального культового сооружения сарматского времени. Исследовались архитектурные и строительные особенности ритуального сооружения, культурные горизонты, прослежены строительные работы поздних периодов, выраженных в использовании сарматских каменных изваяний в качестве строительного материала, получен обширный вещевой материал. Также исследования велись с внешней стороны святилища, изучены жертвенники и другие ритуальные пристройки, помимо этого, изыскания проводились в пределах рва вокруг центрального сооружения [23, с. 154-157].

В 2009 году завершились исследования на культовом объекте Кызылуик-II, работы на котором были начаты в предыдущие сезоны. Доследованы архитектурные и строительные элементы сооружения, открыто погребение молодой женщины с инвентарем в виде бронзового зеркала и др. По результатам работ святилище датировано V-IV вв. до н.э. Также в указанный

год начаты исследования культового объекта Кызыуик-IV. По итогам работ зачищен внешний фасад сооружения, в ходе работ выявлены скопления золы, фрагменты керамики. Установлено, что изначальный диаметр культового сооружения составлял порядка 18 метров [24, с. 164-165].

Комплекс культовых сооружений Кызылуик относится к разряду таких известных религиозных сарматских памятников Устюрта и Мангыстау, как Байте, Карамунке, с учетом значительной доли своеобразности [20, с. 16-26].

Исследования некрополя Хан Моласы – места погребения Абулхаир хана

Комплексные междисциплинарные исследования места упокоения одного из выдающихся казахских правителей хана Абулхаира, в рамках национальной программы, проводились под руководством С.Е. Ажигали и внесли значительный финальный вклад в многолетние исследования, начатые ученым еще в 1982 году [400, с. 11-19].

Памятник находится в 660 км к востоку-северо-востоку от г. Актобе, вблизи с. Толыбай Айтекебийского района Актюбинской области [401, с. 10].

В 2007 году проведен комплекс исследований, состоявший из масштабного сбора архивных и печатных данных в фондах Казахстана и России, анализа архивных топографических карт и аэросъемок местности расположения некрополя «Хан моласы», собственных аэрофотосъемок с дельтаплана как целевого памятника, так и других культово-мемориальных памятников Актюбинской области. И конечно, непосредственные полевые изыскания на самом некрополе, в свою очередь включавшие тщательный обход и осмотр объектов некрополя в рамках поиска и идентификации места погребения правителя, работу на месте с информаторами, закладку разведочных шурфов для обнаружения остатков «ханского дерева», геофизические изыскания с помощью магнитометра. Помимо сказанного, в указанный год проведены работы по облагораживанию территории некрополя в рамках создания объекта туризма, обширная этнографическая работа с местным населением, отслеживание кочевых маршрутов казахских племен, подчинявшихся Абулхаир хану и мн. др. [49, с. 77-87].

В ходе научно-исследовательских работ последующих лет в рамках госпрограммы ученым удалось идентифицировать могилу хана Абулхаира, полученные в процессе раскопок материалы были детально проанализированы на междисциплинарном уровне. По результатам генетических лабораторных исследований, на основе сравнительного анализа с ДНК потомков правителя, удалось установить с долей вероятности в 99,355%, что действительно найдены останки хана Абулхаира. Венгерские антропологи восстановили прижизненный облик неординарной исторической личности [402, с. 5-11]. Венцом всех работ можно считать воздвигнутый в 2015 году на могиле хана Абулхаира белокаменный мемориальный комплекс (см. рис. В.39).

Несомненно, итоги описанных мультидисциплинарных и широкопрофильных научных работ по поиску и детальному исследованию места упокоения столь значимой в истории Казахстана личности, являются

одними из важнейших результатов реализации национальной программы «Культурное наследие» и однозначно могут быть образцом профессиональной, скрупулезной и многолетней междисциплинарной научной работы.

– Атырауская область:

Средневековое городище Сарайшык

Научные исследования средневекового городища Сарайшык, в рамках нацпрограммы, велись в первые два этапа реализации государственного проекта (см. рис. В.40). Автор исследований З. Самашев. Памятник расположен в окрестностях одноименного села (быв. Опытное поле) Махамбетского района Атырауской области, в 50 км к северу от г. Атырау. Первые археологические раскопки проведены на городище в 30-х годах XX века, в 1950 году городище исследовал А.Х. Маргулан. Планомерные научные изыскания на городище проводятся с конца 80-х годов XX столетия З. Самашевым [252, с. 16-32]. Большой объем работ осуществлен в годы реализации нацпрограммы «Культурное наследие».

В 2004 году научно-исследовательские работы на городище Сарайшык проводились на участке, размываемом водами р. Жайык – здесь в первую очередь исследовалось центральное дворцовое сооружение типа «хана». В ходе работ выявлено пять строительных горизонтов, открыты хозяйственные и жилые помещения, на участке с отмеченным дворцовым сооружением зафиксирована планиграфия отдельного городского комплекса, представленная «ханой», площадью перед ней, двумя улицами, которые перегорожены стеной, воротами и многокомнатными домами. В постройках имелись стандартные для средневековых жилых и хозяйственных помещений элементы обустройства и интерьера. Получен вещевой материал, представленный керамикой, изделиями из кости, железа и бронзы, многочисленные кости животных и рыб. Исследованная в отмеченный период «хана», со всеми дополнительными пристройками и т.д., по мнению исследователей, представляет собой локализованный комплекс, предназначенный для проживания отдельной категории людей, дифференцирующихся по национальному, сословному и др. признакам. По изученным строительным горизонтам и полученным материалам исследованный участок городища может быть датирован XIII-XVI веками – дозолотоордынским, собственно золотордынским и позднесредневековым временем [25, с. 114-118].

Археологические работы 2005 года продолжились на участке, подвергшемся негативному влиянию р. Жайык. Исследовано крупное скопление обожженного кирпича. После расчистки по особенностям архитектуры, строительных элементов и по выявленным керамическим трубам, железному котлу признано средневековой баней. Открыто несколько функциональных помещений, зафиксирована отопительная и канализационная система. Сохранилась лишь юго-восточная часть сооружения, остальное разрушено и смыто водами р. Жайык. Баня датирована XIV веком. Также в

указанный год продолжились изыскания на культурных слоях городища в пределах раскопа, заложенного в предыдущие сезоны, в результате работ выявлены остатки гончарной печи. В ходе работ получен обширный вещевой материал – керамика, изделия из металлов, предметы архитектурного декора. Особо можно отметить клад монет, найденный при раскопках вышеописанной бани, имелось 84 единицы медных и серебряных монет чеканки конца XIII и XIV вв. [26, с. 209-211].

В полевой сезон 2006-2007 года исследования проводились на примыкающей к береговой линии части и на юго-западном участке городища – в районе современного казахского кладбища. В пределах первого участка выявлены остатки построек, в которых зафиксирована керамика, кости животных, фрагменты хрусталя и часть приспособления для стрельбы из лука. Также проведена зачистка береговой линии для фиксации стратиграфии. Прослежены ранние слои, в которых оконтурены остатки жилищ и производственные печи. Работы на юго-западном участке зафиксировали несколько строительных горизонтов, в которых обнаружены остатки мечети, склепов и надгробий, что дает основание предположить, что здесь располагался культово-мемориальный комплекс позднесредневекового Сарайшыка [27, с. 170; 28, с. 4-73].

Научно-исследовательские работы 2008-2009 годов на городище Сарайшык также проводились на участке береговой линии, интенсивно разрушаемой водами р. Жайык, в пределах раскопа, заложенного в предыдущие сезоны. Изыскания охватили пять строительных горизонтов.

Первый уровень состоит из погребальных сооружений XV-начала XVII вв., представленных классическими мусульманскими погребениями в подбоях и захоронениями в сырцовых склепах-корхана.

Ко второму горизонту относятся жилые постройки из сырцовых кирпичей, разделенные между собой крытыми улицами, датируемые концом XIV.

Третий строительный ярус содержал строения, воздвигнутые на остатках построек четвертого горизонта. Судя по характерным особенностям, помещения в основном были производственного и хозяйственного назначения.

В четвертом строительном горизонте прослежены производственные помещения с многочисленными элементами обустройства и вещевым комплексом ремесленного назначения.

Пятый строительный горизонт находился на предматериковом и материковом уровне, выявлена полуземлянка с тандыром, хранилищем и печью. По некоторым особенностям выявленных элементов слой может быть датирован первой половиной XIII века [29, с. 3-130; 30, с. 166-168].

Заключение исследователей по результатам работ в годы реализации национальной программы сводятся к тому, что городище Сарайшык, в силу своего местоположения, играл важную роль в экономических и политических отношениях своего времени [25-30].

– Мангыстауская область:

Поселение Токсанбай

Археологические исследования поселения бронзового века Токсанбай, в рамках национальной программы «Культурное наследие», проводились с 2004 по 2009 годы (см. рис. В.41). Автор исследований З. Самашев, непосредственный руководитель работ СНС ИА им. А.Х. Маргулана Т.Н. Лошакова. Памятник расположен в 120 км к северо-востоку от с. Туруш Бейнеуского района Мангыстауской области. Поселение обнаружено в начале 90-х годов XX века и с этого момента исследуется вышеназванными учеными с разной периодичностью [31, с. 20-21]. Значительные работы проведены в период реализации нацпрограммы «Культурное наследие».

В полевой сезон 2004 года на территории поселения был заложен общий широкий раскоп прямоугольной формы, состоящий из 16 отдельных квадратных раскопов с размерами 3х3 м. В ходе раскопа зафиксировано несколько строительных горизонтов. В первом открыто помещение, сооруженное из камня, внутри выявлен очаг. В следующем строительном ярусе найдены остатки помещения, выполненного из известняка, котлован строения вырублен в материковой почве, также в этом строительном горизонте найдено еще три помещения. Помимо отмеченного участка, исследования проводились на северо-западном обрывистом склоне поселения. Тут тоже удалось выявить несколько строений разной степени сохранности, с учетом обрыва. В ходе работ получены образцы материальной культуры, представленной изделиями из металла и медеплавильного производства, коллекцией костяных изделий, кремневыми орудиями и подсобным инвентарем, керамической посудой с орнаментацией и без нее [32, с. 156-161].

Научные работы 2005 года состояли из исследований на юго-восточной и западной части поселения. На западном участке открыто два помещения в строительных горизонтах, располагавшихся последовательно и относящихся к разным периодам, прослежены строительные особенности строений, зафиксированы элементы обустройства и интерьера. В центральной части памятника продолжено исследование жилища, начатое в один из прошедших сезонов. На северном склоне останца с поселением доследовано помещение, раскоп которого был начат в 90-е годы XX столетия. В ходе работ на поселении получен вещевой комплекс, представленный керамической посудой, предметами быта, производства и хозяйства. Выявленный материал находит параллели в памятниках Урало-Волжского региона, Северного Прикаспия и Западного Казахстана [33, с. 261-264].

В 2006 и в 2007 годах исследования проводились по всей площади поселения, основные работы сосредоточились на юго-восточном и западном участках, где продолжились изыскания в пределах жилых и хозяйственных помещений. В ходе работ выявлены новые строения с элементами обустройства и быта, изучены архитектурные и конструктивные особенности построек, этапы обживания поселения, получен обширный вещевой комплекс, отражающий материальную культуру эпохи раннего металла [34, с. 188-189; 35, с. 3-46].

Исследовательские работы на поселении 2008-2009 годов состояли из работ

по исследованию конструкций на юго-восточном и западном участках, также открыты новые строения в северо-западной части останца-носителя поселения. Изучены архитектурные и строительные элементы построек, исследована яма-жертвенник с костями животных, разложенных в определенном порядке, получен обширный инвентарь из кости, камня и керамики, назначение бытовое и производственно-хозяйственное. Научные изыскания охватили практически всю площадь поселения, основные научные исследования сосредоточились на северо-западном и юго-восточном склоне останца-носителя и в центральной части памятника. Исследована яма с костями животных, поделками из камня и фрагментами керамики. Осуществлены работы по изучению строительных особенностей выявленных помещений, их планиграфии, получен обширный вещевой материал [36, с. 217-218; 37, с. 222-223].

Археологические исследования на поселении Токсанбай принесли науке важный материал по жизнедеятельности населения эпохи бронзы Казахстана и Евразии в целом [31, с. 20-23].

На территории Западного Казахстана в рамках национальной программы исследованы памятники эпохи бронзы, раннего железного века и средневековое городище.

Исследования в рамках государственного проекта достаточно интенсивно проводились в первые периоды реализации, на третьем заключительном этапе научные изыскания осуществлялись лишь на некрополе Кырык оба. Научные исследования проведены на должном уровне: осуществлены в основном ИА им. А.Х. Маргулана, при участии ЗКГУ им. М. Утемисова, АРГУ им. К. Жубанова. Руководители – профессиональные археологи, ведущие специалисты по соответствующим эпохам.

Специфика исследованных памятников Западного Казахстана, в первую очередь, в том, что в них, в силу географического местоположения, прослеживаются тесные связи с приграничными регионами Западной Сибири, Восточной Европы, Кавказа, Средней Азии. Это можно увидеть и в памятниках эпохи камня и палеометалла, и в объектах РЖВ, а также в объектах последующих эпох. Обширная территория, в основном, с равнинным ландшафтом, местами пустынного и полупустынного характера также маркирует особенности археологических памятников. Если анализировать некоторые особенности по историческим эпохам – это, в первую очередь, то, что в раннем железном веке западный регион страны в подавляющем своем большинстве был населен племенами савроматской и сарматской культур, тогда как основная часть Казахстана – ареал скифо-сакских племен.

Каждая тема, согласно срокам и объему ресурсов, выполнила в полной мере все запланированные исследования, и с уверенностью можно констатировать реализацию поставленных нацпрограммой задач.

Существенным минусом является то, что в рамках нацпрограммы в регионе мало исследованы памятники каменного века.

2.7 Общие дополнения и выводы

В период реализации национальной стратегической программы «Культурное наследие» осуществлены широкомасштабные археологические исследования по всем регионам Казахстана. Основные работы рассмотрены выше, однако есть исследования, которые проводились одноразово, финансировались из областных и районных бюджетов или из других источников, но под эгидой национальной программы. Также имели место другие важные исследования археологического толка, направленные на решение тех или иных задач в рамках государственного проекта.

В годы работ по проекту, помимо исследований на официально утвержденных историко-культурных объектах на общем государственном уровне, проводились финансируемые из республиканского, региональных и местных бюджетов одноразовые и периодические исследования разведочного и раскопного характера на следующих памятниках археологии.

В Алматы и в Алматинской области – на поселение Бутақты [403; 404], на памятнике Ойжайляу [405, с. 261-263; 406, с. 172-173; 407, с. 148-150], Алмарасан [408, с. 140-141], на поселениях Ак-Кайнар и Асы-I [409, с. 151-152].

В Восточно-Казахстанской области велись работы на шахте по добыче оловянной руды, на поселении и могильниках эпохи бронзы в горах Дельбегетей [410, с. 122-123].

В Жамбылской области, наряду с уже описанными исследованиями, под эгидой нацпрограммы в разные годы проводились раскопки средневековых городищ Тамды [411, с. 180-182] и Туймекент [412, с. 97-98].

Туркестанская область является одним самых богатых на археологическое наследие регионов, в особенности на памятники городской культуры, и здесь, помимо вышеотмеченных исследований республиканского значения, проводились раскопки городищ Созак [413, с. 257-259], Культобе [414, с. 141-144], Туркестан [415, с. 228-229], Аксумбе, Сайрам, комплексные памятники Улыктобе, Мартобе, Торткультобе I-II [416, 10 б.].

В Кызылординской области в рамках программы шли исследования памятника Баланды [417, с. 230-234; 418, с. 202-203; 419, с. 213-214; 420, с. 115-116], городища Сыганак [421, с. 254-256; 422, с. 263-268; 423, с. 248-250].

В Акмолинской области велись изыскания на археологических памятниках Кеноткель-XVIII, Кеноткель-XIX, Васильковка, Кошкарбай-I, Скиф-V [424, с. 196-199; 425, с. 200-204; 426, с. 2].

В пределах Актюбинской области осуществлены археологические работы на мавзолее Кобланды батыра [427, с. 205-208], на археологических объектах Онайбулак, Талдысай, Каратобе, Мортык, памятники каменного века Мугалджар [428, с. 158-159; 429, 10 б.], разновременных комплексов Абат Байтак и Балгасын [430, 3 б.].

На территории Мангыстауской области исследования проводились на культово-ритуальном памятнике Тасбас [431, с. 219-223] и на объекте раннего железного века Құйрық төбе [432, с. 224-227].

В Карагандинской области в разные периоды исследовались комплексные

памятники Тегисжол, Шешенкара, могильники Аксу-Аюлы III, Ащису, Каратугай, Дарьинский, Майкудук, поселение Алат, археологические памятники острова Тасарал на оз. Балхаш [433, с. 12, 13; 434, с. 12, 13].

В Костанайской области исследовались – поселение Первомайское, могильник Лисаковский, памятники археологии Амангельдинского и Джангельдинского районов [435, с. 13, 14].

В Северо-Казахстанской области, помимо отмеченных, изыскания проводились на археологическом памятнике Долматово [436, с. 1].

В Павлодарской области исследовались археологические памятники Лебяжье-I, Торайгыр, Шауке, Кара-Тумсук, Жолкудук, Калбасунская башня, Кимакское городище, Старо-Экибастузский комплекс археологических объектов [437, с. 20-21].

Также в рамках национальной программы проводились работы по изучению знаковых памятников наскального искусства Казахстана [438, с. 193-195], в том числе изучение наскальных рисунков в урочищах Акбидаик и Оленты в Павлодарской области [437, с. 21].

Особо следует отметить объемные работы, в рамках общенационального проекта, по сбору материалов и изданию Свода памятников истории и культуры по всем областям республики. В ходе научных исследований осуществлены широкомасштабные полевые разведочно-поисковые изыскания, работы в местных и республиканских архивах, обработан обширный круг материалов. По итогам работ введены в научный оборот материалы по широкому кругу историко-культурных памятников Казахстана от эпохи камня до современности [439, с. 190-193; 440, с. 194-195; 441, с. 196-198; 442, с. 213-214; 443, с. 214-216; 444, с. 216-217].

Детальный обзор проведенных археологических исследований наглядно показывает, что проделана огромная работа на многочисленных памятниках всего исторического диапазона и всевозможных категорий объектов археологии.

Проведенные научные исследования полностью соответствуют требованиям и положениям методики полевой археологии на памятниках поселенческо-городского, погребально-поминального и иных типов. Исследователи выполнили поставленные перед ними в рамках национальной программы научные задачи, соразмерно утвержденным срокам и финансированию, получены материалы, являющиеся важными историческими источниками по архитектурно-строительным канонам, мировоззрению, мифоритуальной практике и по другим важным аспектам материальной и духовной культуры древних и средневековых племен и союзов, протогосударственных и собственно государственных объединений в национальной истории и прошлого Евразии в целом. Результаты работ оформлены в виде научных статей и докладов в академических изданиях, материалах конференции Казахстана и зарубежья, обширного числа монографий, учебников и иных трудов фундаментального, обобщающего и образовательно-просветительского характеров (см. *спис. ист.*).

В целом, можно твердо констатировать, что все поставленные перед археологией задачи были выполнены, согласно утвержденным срокам и иным критериям работ. В ходе реализации и по завершению полевых раскопок авторы проводили камерально-лабораторные и другие исследования, направленные на обработку материалов, однако, как было уже неоднократно отмечено, большинство научных изысканий продолжается по сей день, и выводы окончательных итогов еще предстоит сделать. Тем не менее, в свете всего сказанного, требуется рассмотреть имеющиеся результаты осуществленных полевых изысканий с позиции заключительно-интерпретационного этапа научного поиска в археологии, в контексте истории народов Евразии, в том числе и в первую очередь истории Казахстана, по научным трудам авторов исследований, изданным в ходе реализации программы и после ее официального завершения. Последние, безусловно, являются инерционными результатами исследований по программе «Культурное наследие».

3 ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ПРОГРАММЕ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ» В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

3.1 Археологические памятники каменного века в системе ранней истории Евразии

В рамках национальной программы «Культурное наследие» исследования проводились на следующих памятниках, относимых к эпохе камня – палеолитические стоянки Кошкурган-I, Кошкурган-II и Шоктас-I в Южно-Казахстанской области, памятник верхнего палеолита Майбулак в Алматинской области, на содержащем слои палеолита, мезолита, неолита и энеолита комплексе Токтауыл в Карагандинской области, на многослойной стоянке Шидерты-III в Павлодарской области, которая также содержит ярусы, относимые к палеолиту, мезолиту, неолиту и энеолиту.

Памятники каменного века были зафиксированы в ходе работ на памятниках других исторических периодов, но целенаправленные работы на них не проводились.

Рассмотрим каждый памятник отдельно в контексте их места в системе каменного века Евразии. Автор исследований стоянок Кошкурган и Шоктас Ж.К. Таймагамбетов, в рамках работ по программе, на основе сравнительного анализа материалов названных палеолитических памятников зафиксировал прямые параллели с географически отдаленными и близлежащими памятниками палеолита Евразии – стоянка Бильцингслебен в Восточной Германии, палеолитические памятники Дунгуту, Сяочанлян Чжоукоудянь и Нихэвань в КНР, памятники Бабадан, Накаминэ, Такамори, Фураясика в Японии, стоянка Кульбулак в Узбекистане, стоянки Кульдара и Лахути в Таджикистане. По результатам сравнительных исследований ученый делает вывод, что на всем Евразийском континенте в период раннего и среднего палеолита бытует единая микроиндустрия [85, с. 189], и территория современного Казахстана была одним из центров развития культуры древнекаменного века и играла роль связующего звена между восточными и западными ареалами Евразии [445, с. 161].

Стратифицированная палеолитическая стоянка Майбулак, которая также исследовалась д.и.н., профессором Ж.К. Таймагамбетовым в рамках нацпрограммы, имеет близкие параллели со стоянками Самаркандская и Шугноу в Средней Азии, с палеолитическими памятниками Шестаково и Афонтово в Сибири, со стоянками древнекаменного века Ануй-I,-III, Тюмечин-IV, Усть-Каракол-I и II Горного Алтая [446, с. 42-43]. Опираясь на то, что согласно результатам радиоуглеродного анализа стоянка Майбулак относима к концу эпохи мустье - началу верхнего палеолита [447, с. 40], а указанные выше памятники палеолита Евразии по большей части датируются позднепалеолитическим временем [446, с. 44], можно предположить, что эти стоянки оставлены пришедшими с территории современного Казахстана древними гоминидами. Автор исследований отмечает, что стоянка Майбулак,

являясь единственной стратифицированной стоянкой юго-восточного Жетысу, играет важную роль в исследовании палеолита Центральной Азии [448, с. 468], одного из ключевых регионов в плане изучения древнейшей истории народов Евразии.

Научные исследования на многослойной стоянке каменного века Токтауыл в годы реализации национальной программы, по обоснованному мнению авторов работ, внесли значимый вклад в изучение проблем истории Евразии. К примеру, неоднократно подчеркивается, что в ходе исследования прослежена динамика становления и трансформации культур периодов мезолита, неолита, энеолита и бронзового века, т.е. с учетом широких аналогий материалов стоянки на просторах континента.

На примере отдельно взятого субрегиона проделана работа по реконструкции эволюции человечества на протяжении 8-10 тысяч лет [55, с. 196]. Самое важное, на наш взгляд, в результатах исследований стоянки Токтауыл – это то, что по итогам работ авторами на основе весомых аргументов в виде костей одомашненных животных и следов вспашки на памятнике ставится вопрос, что в неолите Казахстана было развитое производящее хозяйство – скотоводство и земледелие, несмотря на укоренившиеся в отечественной науке мнения о том, что неолитическая революция, т.е. переход от потребляющего к производящему хозяйству на территории Казахстана, имел место несколько позже – в энеолите, а в ряде мест даже в эпоху бронзы [449, с. 171]. Т.е. можно вполне твердо говорить о том, что Казахстан был одним из центров становления производящего хозяйства, кардинально изменившего ход истории народов Евразии и мира в целом.

Исследования комплексной стоянки каменного века Шидерты-III выявили самые широкие связи населения Павлодарского Прииртышья с ведущими культурами мезолита и неолита Казахстана и Евразии, среди которых можно отметить широко известные в археологии древности джейтунскую, кельтеминарскую, оюклинскую, тельманскую, тюлузскую культуры. Выдвигается мнение о возможности нескольких волн миграций с Юго-Западной Азии, отмечено значительное влияние культур каменного века Средней Азии [450, с. 24].

Автор исследований, анализируя материалы стоянки, приходит к выводу, что в регионе в период мезолита существовало две группы населения – одно местное, еще палеолитическое, второе – мигранты. На основании наличия геометрических орудий, которые встречаются в памятниках Ближнего Востока синхронно зачаткам процесса одомашнивания животных и являются свидетельствами производящего хозяйства, сделано предположение, что это, вероятно, пастушеские племена Ближнего Востока, которые в силу повышенной мобильности быстро распространились по всей территории Европы и по степной части Азии. Автор тем самым опровергает бытующее в науке мнения, что указанные специфические орудия принесены охотниками, и полагает, что они распространены пастушескими племенами [226, с. 197].

Исследование стоянки Шидерты-III внесло ощутимый вклад в изучение

процессов первичного заселения Евразии.

Суммируя выводы ученых, по результатам исследований памятников эпохи камня, можно констатировать, что территория Казахстана была одним из первых заселенных *Homo Sapiens Sapiens* ареалов Евразии и была в числе транзитных центров распространения кроманьонцев по континенту. Насельники Казахстана имели производящее хозяйства уже в эпоху неолита, и это связано с миграцией передовых мезолитических племен на территорию страны.

3.2 Вклад археологических изысканий на памятниках эпохи палеометалла и раннего железного века в реконструкцию прошлого континента

Основным памятником эпохи первого металла или энеолита, изученным в рамках национальной стратегической программы «Культурное наследие», бесспорно, является всемирно известное поселение Ботай в Северо-Казахстанской области, которое исследуется уже на протяжении более чем 40 лет одним из видных ученых-археологов Казахстана В.Ф. Зайбертом.

Также энеолитический слой был зафиксирован в ходе работ на многослойной стоянке Шидерты-III в Павлодарской области [225, с. 266]. Объекты, относимые к меднокаменному веку, были обнаружены при археологических работах на комплексе Бестамак в Костанайской области [224, с. 126-127], ярус периода энеолита был выявлен в процессе исследовательских работ на археологическом комплексе Токтауыл в Центральном Казахстане [51, с. 244]. Эти слои исследовались попутно, и авторами зафиксирована схожесть с энеолитическими памятниками Казахстана и сопредельных территорий.

Роль поселения ранних коневодов Ботай в истории Евразии поистине огромна; научно доказано, что именно носители Ботайской культуры одомашнили лошадь [451, р. 1332-1335; 452]. Более того, согласно результатам лабораторных исследований американских специалистов, ботайцы использовали коней в качестве тягловых животных и для верховой езды [453, р. 22-38], об этом говорят найденные на поселении черепа коней со следами искусственной сработанности на челюстях от костяных и волосяных удил [88, с. 162], многочисленные детали от конского снаряжения, функциональное назначение которых – это разного рода подсобные элементы упряжи тяглого характера и всаднической амуниции, и аналогии им находят во всех исторических периодах активного использования коней в качестве верхового животного, вплоть до этнографической современности [246, с. 451]. О том, что представители ботайской культуры одомашнили лошадь и активно использовали ее в хозяйстве, в том числе и в качестве полноценного домашнего животного, говорит и тот факт, что методами лабораторных анализов на керамической посуде ботайского поселения выявлены остатки кисломолочного напитка – кумыса [451, р. 1332-1335; 246, с. 455]. Велика роль коня в истории народов Евразии, благодаря ему заселены все возможные пригодные для жизни ареалы, в сотни раз стали интенсивней этнокультурные процессы

диффузионного характера, и пусть феномен кочевничества – «эпоха кентавров» распространилась в Евразии позже меднокаменного века, но основы ее были заложены именно в период энеолита и на территории современного Казахстана.

В своей статье, посвященной подведению итогов исследования Ботайского памятника в промежуток между 1980-2010 гг., Виктор Федорович, кроме вышеотмеченных эпохальных открытий, приводит ряд важнейших научных достижений многолетних скрупулезных исследований. В их числе ценные данные о канонах домостроительства; о медных инструментах широкого назначения – от хозяйственных до медицинских, с помощью которых проводили сложные даже по современным меркам операции по трепанации черепа; об истоках феномена сезонного кочевания казахского и других народов Евразии, о прообразах мобильных жилищ кочевых культур [247, с. 44]. На основе археологических данных учеными осуществлены самые широкие реконструкции древнего хозяйства и культуры, четко прослеживается тщательный и продуманный комплексный научный подход к исследованиям – от присвоения памятнику обозначения «Ботай» до самой детальной обработки материалов раскопок и введения в научный оборот [247, с. 51-55].

Конечно же, было бы преувеличением сказать, что все сказанное – плоды работ строго в годы реализации программы «Культурное» наследие». Факт, что это результаты десятков лет исследований научной школы В.Ф. Зайберта, однако необходимо отметить, что подведение основных результатов многолетних исследований приходится на период функционирования программы, и этому подтверждение – итоговые обобщающие и аналитические труды ученого, введенные в научный оборот в то время и в рамках национального проекта [246-249].

Археологические памятники бронзового века являются одними из самых многочисленных объектов историко-культурного наследия, исследованными в рамках национального проекта. Это широко известные погребально-мемориальные памятники Бегазы-Дандыбаевской культуры, Талдысайское поселение ранних металлургов, поселение городского типа Кент в Центральном Казахстане, поселение Токсанбай на Устюрте, памятники эпохи бронзы Тургенского археологического комплекса в Жетысу. Также следует назвать памятники бронзового века комплекса Бестамак в Костанайской области, Айбас Дарасы в Карагандинской области и исследования разных лет на памятниках эпохи бронзы Аккайнар и Асы в Алматинской области, Кеноткель в Акмолинской области и на памятнике рудознатцев бронзового века Дельбегетей в Восточно-Казахстанской области.

В виду ценности научных материалов и своеобразности основного числа объектов необходимо рассмотреть каждый из названных памятников отдельно в контексте источников по истории народов Евразии.

Могильник Бегазы широко известный в археологических кругах памятник позднебронзового века. Некоторые авторитетные ученые-археологи видят истоки сакского мира Евразии именно в бегазы-дандыбаевской культуре Центрального Казахстана [454, с. 71-77]. Авторы исследовательских работ, в

период реализации национальной программы «Культурное наследие», провели расширенный анализ на предмет выяснения истоков Бегазы-Дандыбаевских памятников в среде археологических культур Евразии. В результате ученые проанализировали все бытующие на тот момент научные точки зрения, отмечены широкие аналогии с самыми разными историко-культурными общностями Евразийского континента – зафиксированы следы среднеазиатских, сибирских и алтайских культур бронзового века. На основе тщательного анализа керамики и ряда других признаков авторы опровергают пришлый характер Бегазы-дандыбаевской общности, в частности, теории о карасукском происхождении БДК, и склонны видеть автохтонный характер культуры [267, с. 46-60]. По итогам детального анализа социального устройства носителей Бегазы-Дандыбаевской культуры авторы приходят к выводу, что на территории Казахстана на рубеже II-I тыс. до н.э. уже имелась своеобразная цивилизация и формировалась государственность [267, с. 74], одно из ранних проявлений высшего устройства общества на территории Евразии. Авторы, по некоторым итогам работ в рамках нацпроекта, не исключают того, что Бегазы-Дандыбаевская культура могла оказать влияние на формирование основ скифо-сибирского мира Евразии – ими отмечено, что те бурные процессы становления скифо-сакских и сибирских культур, которые стартовали в раннескифское время, уже шли в период Бегазы-Дандыбаевской культуры [267, с. 77], и тот факт, что приоритетным является местное происхождение БДК, может указывать на то, что, скорее всего, правы те исследователи, которые видят основу скифо-сибирского мира Евразии в Бегазы-Дандыбаевской культуре. Авторы исследований на основе весомых данных по результатам исследований долгих лет однозначно указывают на то, что раннесакские курганы Казахстана по своим особенностям архитектуры и конструкций находят прямые аналогии в Бегазы-Дандыбаевском комплексе Центрального Казахстана, и ставят вопрос о «бегазинском пласте» в памятниках раннескифского времени восточного ареала Евразии [268, с. 172].

Следующий важный памятник бронзового века, исследованный в рамках нацпрограммы – это памятник протогородской культуры Кент в Центральном Казахстане. Этот неординарный памятник также относится к кругу Бегазы-Дандыбаевской культуры. Автором работ, в рамках подведения итогов реализации национальной программы, убедительно доказано, что Кент – это памятник городской культуры [268, с. 86-89], и можно констатировать, что территория Казахстана являлась одним из очагов зарождения городской цивилизации народов Евразии. Исследователь, скрупулезно проанализировав и обобщив материал многолетних научных изысканий на поселении Кент и других памятников БДК, приходит к выводу, что бегазы-дандыбаевская историко-культурная общность по своему происхождению автохтонная [455, с. 94], состояла из двух категорий носителей – пастухов, обитавших в деревнях, и военизированной верхушки, жившей в городах кентского типа, и владевшая всеми важными производственными ресурсами того периода [455, с. 95]. Военная элита распространяла свое влияние не только в пределах территории

современного Казахстана и сопредельных территорий, но и организовывала военные походы в отдаленные места – в ареалы земледельческих культур на территориях современного Афганистана, Ирана и юга Средней Азии [455, с. 96]. Очевидно, что город бронзового века Кент является прообразом мощных государственных военизированных объединений центральной части Евразии, распространивших свое влияние на большую часть Евразийского континента и сыгравших решающую роль в этногенезе, культурогенезе и политогенезе народов Евразии.

Одним из значимых памятников бронзового века, исследованных по госпрограмме, является поселение древних металлургов Талдысай в Карагандинской области. Работы на памятнике ведутся уже на протяжении многих лет, по результатам исследований, в том числе и в рамках национальной программы, учеными установлено, что поселение было одним из ведущих центров металлургии Улытауско-Жезказганского региона во второй половине II тыс. до н.э. [264, с. 157-162]. Жители поселения вели комплексное хозяйство – животноводство, ремесла и основное направление металлургическое производство [265, с. 124-130]. На основе анализа широкого круга аналогий ученые зафиксировали, что металлургическая продукция поселения Талдысай использовалась в торговых операциях с племенами других регионов Казахстана, Центральной Азии, Алтайского субрегиона, Западной и Южной Сибири [266, с. 120-125]. Можно констатировать, что Талдысайское поселение было одним из центров развития и распространения металлургии на Евразийском пространстве.

Поселение Токсанбай на Устюрте в силу своей определенной изолированности в пространстве является неординарным и своеобразным памятником эпохи раннего металла. Исследователи, на основе результатов многолетних научных изысканий на поселении, значительная доля которых приходится на период нацпроекта, пришли к обоснованным выводам, что можно выделить токсанбайский тип памятников эпохи палеометалла Евразии [31, с. 20-23]. Итоги длительных и разносторонних исследований показывают, что период активного освоения поселения совпадает со сложными процессами культурогенеза, имевшими место в пределах основной части Евразии [436, с. 78-79], и зафиксированы связи создателей поселения Токсанбай с представителями древних очагов цивилизации Ближнего Востока, с культурами Волго-Уральского региона и Прикаспийской территории [457, с. 159-167].

В ходе научных изысканий на территории Тургенского археологического комплекса, в период работ по госпрограмме, исследователями зафиксировано, что материалы памятника отражают исторический цикл на протяжении 1,5 тысячи лет – от эпохи бронзы до средневековья [98, с. 266]. Автор, суммируя многолетние исследования, отмечает, что носители культур эпохи бронзы пришли на территорию Заилийского Алатау с территории современного Восточного и Центрального Казахстана [99, с. 191]. На основе анализа конструктивных особенностей жилых строений периода поздней бронзы, переходного от бронзового века к эпохе раннего железа этапа и сакского

времени, автором сделано предположение, что универсальное жилище кочевых народов Евразии – юрта – могла быть создана на территории Казахстана [101, с. 136].

Один из неординарных памятников, исследованных по проекту «Культурное наследие», это комплекс эпохи бронзы в горах Дельбегетей в Восточном Казахстане, состоящий из поселения, могильника и рудников по добыче меди олова. В результате научных изысканий установлено, что поселение и могильник относились к древним рудознатцам; об этом, в частности, говорят многочисленные образцы металлургического производства, найденные в пределах жилого пункта, и инвентарь в виде орудий труда металлургов в погребениях могильника [410, с. 123]. По итогам работ исследователи ставят вопрос об удревнении времени зарождения и становления металлургии Казахстана до середины III тыс. до н.э. [458, с. 170]. В свете последних данных сравнительных исследований ученые говорят об обширных торговых и иных связях носителей металлургических традиций Восточного Казахстана, как с другими сопредельными территориями, так и с самыми отдаленными регионами Евразии [459, с. 685]. Со своей стороны, можно отметить, что поставленный исследователями вопрос о более древней дате появления металлургии в Казахстане можно считать прологом к концепции одного из первых центров металлургии на просторах Евразии.

В числе не менее важных историко-культурных памятников эпохи бронзы находятся все вышеперечисленные объекты археологии – комплекс Бестамак показал наличие широкого круга памятников от каменного века до средневековья, исследование которых показало динамику эволюцию человеческого социума на протяжении порядка 5-6 тысяч лет. Зафиксированы обширные связи древнего населения Торгайского региона с разными географическими ареалами Евразии [223, с. 258-260; 224, с. 123-127].

Все другие археологические памятники бронзового века, исследованные по нацпрограмме, также дали значимые материалы по ряду ключевых вопросов по преемственности культур разных эпох, миграционных процессов, становлению и трансформации того или иного хозяйственного типа в ходе истории народов Евразии эпохи палеометалла.

Суммируя, можно сказать, что исследования в рамках программы «Культурное наследие» на памятниках палеометалла Казахстана внесли значительный вклад в доказательство учеными того, что лошадь одомашнена на территории современного Казахстана, и ее использовали в качестве тяглового и верхового транспорта уже в эпоху энеолита. Территория современного Казахстана была одним из центров зарождения скифо-сибирского мира древних народов Евразии, и уже в эпоху бронзы здесь существовали развитые протогосударственные объединения с передовым на тот момент производством и хозяйством.

Также отметим, что результаты изысканий дали возможность поставить вопрос о создании уникального творения мобильной жизни – юрты, именно на территории Казахстана, в колыбели кочевой цивилизации.

Немаловажным с позиции определения международных авторских прав на то или иное культурное наследие является то, что ученым удалось доказать практику изготовления и употребления кисломолочных продуктов из кобыльего молока племенами энеолита, населявших пределы нынешнего Казахстана.

– Ранний железный век Евразии, по материалам программы «Культурное наследие», в рамках скифской триады.

В период реализации национального проекта «Культурное наследие» исследован довольно широкий круг археологических памятников раннего железного века Казахстана. Среди них всемирно известные Берельские и Шиликтинские курганы в Восточно-Казахстанской области, курганы Тасмолинской культуры в Центральном Казахстане, уникальное сакское городище Чирик Рабат и мавзолей Баланды в Кызылординской области, храм-святилище Кызыл Уик в Актюбинской области, некрополь савромато-сарматского круга Кырык оба в Западно-Казахстанской области, сакские курганы Улжан на территории города Алматы. Вместе с тем, памятники и пласты раннего железного века изучались в комплексе с объектами других исторических эпох на таких памятниках, как археологические комплексы ущелья Тургенъ в Жетысу и Айбас Дарасы в Центральном Казахстане, комплекс разновременных памятников Бестамак в Костанайской области, памятники средневековья, при изучении которых также выявлены объекты РЖВ, это – памятники Алмарасан в городе Алматы, городище Жайык в Западном Казахстане. В те или иные годы археологические исследования памятников РЖВ, под эгидой национальной программы, разово проводились при финансовой поддержке местных властей и иных источников, в числе таких историко-культурных объектов можно назвать могильник Онайбулак в Актюбинской области, памятники Тасбас и Куйруктобе в Мангистауской области.

Хотелось бы акцентировать, что среди исследований I тыс. н.э., в рамках нацпроекта, памятники Берел и Шиликты – одни из наиболее мультидисциплинарно изученных, с привлечением широкого круга гуманитарных, естественных и точных наук. Одним из весомых результатов их исследований является то, что, к примеру, эти комплексные исследования дали возможность А.Т. Толеубаеву в своих трудах обоснованно говорить о зарождении государственности на территории Казахстана в раннесакское время и даже в периоды средней и поздней бронзы, а также сделать ряд ценных научных наблюдений в вопросах преемственности между скифо-сакским миром и культурой казахского народа [256, с. 328-349].

Все исследованные археологические памятники входят в золотую копилку историко-культурного наследия Республики.

Вклад результатов их изучения в историю Евразии бесценен, и, несомненно, для оценки названных объектов нужны отдельные

исследовательские работы. Тем не менее, в рамках текущего исследования приведем основную информацию по результатам проведенных работ в контексте источников по истории народов Евразии, и осуществим это в рамках так называемой скифской триады – вооружения, конского снаряжения и искусства в зверином стиле. Также рассмотрим одну из значимых проблем материальной культуры РЖВ – некоторые вопросы атрибуции наборных поясов Евразии, по исследованиям, проведенным автором в ходе научных изысканий в рамках диссертационной работы.

Скифская триада является основополагающим критерием при изучении материальной культуры скифо-сибирского мира Евразии, в этнокультурных границах которого, несомненно, находится подавляющая часть памятников археологии раннего железного века Казахстана. Касательно самого понятия скифская триада, в науке существует определенная дискуссия – некоторые ученые высказывают мнения, что следует добавить ряд маркирующих элементов – зеркала, котлы, погребальный обряд и конструкции, керамику и т.д. [460, с. 75-76]. Не отклоняясь от основной темы, рассмотрим материалы исследований в ракурсе классической скифской триады, с посильным обзором всего вышеотмеченного и других аспектов истории и культуры эпохи ранних кочевников.

Результаты археологических исследований в контексте источников по оружейному делу раннего железного века Евразии

Предметы вооружения одни из основных находок в памятниках РЖВ, однако в объектах, исследованных в рамках программы «Культурное наследие», их немного, и в ряде памятников они не были обнаружены вообще. В большинстве случаев найденные образцы оружия уступают другим элементам вещевого комплекса. К примеру, автор исследований Берельских курганов З. Самашев констатирует, что в исследованных памятниках встречено небольшое количество предметов вооружения [253, с. 142]. Обзор, проведенный в рамках данной диссертационной работы, это подтверждает – в период работ по программе в кургане № 71 выявлены чекан, кинжал и костяные наконечники стрел [7, с. 121], в кургане № 10 зафиксированы остатки стрел с костяными наконечниками, фрагменты колчана, щиты из прутьев [8, с. 274-275], курган № 9 содержал бронзовый и костяные наконечники стрел, щит из прутьев [9, с. 128], в пристроенной ограде позднего периода № 16С зафиксирована костяная накладка на лук [14, с. 162], в кургане № 75 обнаружены костяные наконечники стрел [16, с. 95]. Практически во всех объектах имелись железные ножи, но, судя по обнаружению их в комплексе заупокойной пищи, они больше соотносимы с бытовыми предметами. Автор исследований З. Самашев, подводя, в рамках программы, итоги многолетних изысканий на Берельских курганах касательно комплекса вооружения, отмечает его единство с аналогичными предметами материальной культуры Пазырыкской историко-культурной общности Алтая и делает вывод, что скудность предметов вооружения и сравнительная их однообразность

объяснима слабой милитаризацией общества и ориентированностью больше на культурно-эстетические ценности, чем на военную силу и завоевания, что, в конечном счете, привело к сокрушительному поражению от воинственных хунно-сяньбийских племен в III-II вв. до н.э. [253, с. 143].

Сравнительно незначительное количество образцов оружия в Шиликтинских памятниках фиксируется и А.Т. Толеубаевым [256, с. 382].

Следует отметить, что, тем не менее, в ряде вышеприведенных памятниках археологии раннего железного века было выявлено определенное количество наступательного и оборонительного вооружения, основное число которых представлено наконечниками стрел, имеются кинжалы и мечи разной степени сохранности и т.д. Все без исключения образцы оружия и другие предметы защитного и наступательного назначения, найденные при археологических работах в рамках национальной программы, находят широкие аналогии в синхронных памятниках Евразии – в культурах сибирского макрорегиона, Саяно-Алтая, Волго-Уральского региона, Прикаспия, Приаралья, Восточной Европы, Кавказа, территории Китая, Средней Азии и Ближнего Востока, одним словом, всего ареала и сопредельных территории скифо-сибирского мира Евразии [461].

Подытоживая все сказанное, можно констатировать, что предметы вооружения играют важную роль в изучение межкультурных связей в истории народов Евразии I тыс. до н.э., отражая основную суть милитаризированных обществ периода гегемонии, так называемой военной демократии [461, с. 121-137].

Результаты археологических исследований в контексте изучения конского снаряжения раннесакского и сакского времени Евразии

Предметы конского снаряжения, представленные конструктивными деталями управления и элементами декора, довольно частые находки в памятниках, исследованных в рамках нацпрограммы. Детали конской сбруи встречаются в Казахстане уже с эпохи палеометалла (см. выше). Широкое распространение конской амуниции и связанного с ней художественного оформления приходится на эпоху раннего железа – с момента всеобщего распространения верховой езды. Конскую амуницию РЖВ, как правило, рассматривают в двух ракурсах – снаряжение, соотносимое с ранним этапом, которое имеет свои отличительные признаки и снаряжение классического этапа РЖВ. В свою очередь, для Казахстана применима дифференциация – снаряжение раннесакского и сакского времени. Среди археологических памятников, включенных в реестр национальной программы, многочисленные предметы конской сбруи и высокохудожественные элементы декора содержали Берельские курганы – в годы работ по нацпрограмме богатый материал по конскому снаряжению получен при исследованиях курганов № 9 и № 10 [8, с. 274-276; 9, с. 128]. Полученные образцы древней конской амуниции находят аналогии в различных культурах РЖВ континента и отражают общую динамику развития конского снаряжения всего скифо-сибирского мира Евразии

[253, с. 144-156]. В остальных археологических памятниках, исследованных в рамках программы, также были выявлены разного рода конструктивные детали и предметы декора конского снаряжения. Следует отметить, что в Шиликтинских памятниках отсутствуют предметы снаряжения и подхоронения коней как таковых [256, с. 352].

Соискателем, в рамках изысканий по соответствующему разделу диссертационной работы, совместно с коллегой из кафедры археологии, этнологии и музеологии КазНУ им. аль-Фараби, был осуществлен аналитический обзор конского снаряжения Евразии на примере новых материалов из Восточного Казахстана, полученных в годы реализации программы «Культурное наследие», с привлечением всех соответствующих материалов. Итоги работ показывают, что конское снаряжение раннего железного века Казахстана имеет параллели с аналогичными предметами материальной культуры Сибири, Алтая, Центральной Азии, Восточной Европы, Китая, Передней Азии и Кавказа. По ряду специфических признаков, указывающих на архаичность деталей конского снаряжения, вполне допустимо, что некоторые конструктивные элементы конской амуниции могли сформироваться на территории современного Казахстана и далее путем торгового обмена, военных походов и иных процессов диффузионного характера распространились по всему ареалу скифо-сибирских культур Евразии и сопредельных к ним территорий [462, р. 76-77], т.е. это может быть еще одним доказательством того, что кардинально изменившее ход истории Евразии всадничество происходит с территории Казахстана.

Резюмируя, можно отметить, что конское снаряжение, с учетом его огромного значения в жизни древнего и средневекового социума, является важнейшим источником при изучении истории народов Евразии во времена повсеместного властвования боевых всадников.

Результаты археологических исследований в контексте изучения проблем скифо-сибирского звериного стиля и поясных наборов Евразии

Разного рода образцы материальной культуры, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле – передающие или имеющие изображения представителей фауны или мифопрактики, в среде которых превалирует число хищных животных, оленей и фантастических существ химерического характера, реальные и мифологические животные, которые передавались как с сохранением зооморфных канонических целых фигур или отдельных частей, так и в стилизованном виде, получены в период реализации национальной программы «Культурное наследие» практически со всех памятников раннего железного века. В их числе можно особо отметить уникальные образцы материальной культуры в зверином стиле с Шиликтинских курганов и с Берельского некрополя в Восточном Казахстане, с памятников могильника Кырыкоба в Западном Казахстане, с тасмолинских памятников в Центральном Казахстане и мн. др.

На наш взгляд, наиболее четко характеризуют содержание и каноны

искусства звериного стиля основных этапов раннесакского и развитого сакского периодов, исследованных в рамках нацпроекта, научные работы А.Т. Толеубаева и З. Самашева.

В фундаментальной монографии Абдеша Ташкеновича «Раннесакская Шиликтинская культура», которая обобщает результаты многолетней кропотливой работы, в том числе в рамках нацпрограммы, приводится наиболее полная на текущий день аналитическая информация по сакскому звериному стилю – по истокам появления, специфическим особенностям и другим обширного круга аспектам культурно-хронологического характера. На основе широкого круга объективных факторов приведены собственные весомые аргументы об архаичности Шиликтинских курганов [256, с. 352-386], в свете чего достаточно уверенно можно делать предположения о зарождении уникаума древней Евразии – скифо-сибирского мира на территории нашей страны

В исследованиях Зайноллы Самашевича раскрываются основные проблемы трансформации и преемственности звериного стиля, развитого сакского времени на примере материалов Берельского некрополя [253, 127-203].

Зачастую декор или отдельные элементы в зверином стиле присутствуют на двух остальных составных комплексах скифской триады – на вооружении и снаряжении коня. Происходящие с территории Казахстана предметы в скифо-сибирском зверином стиле, в том числе и обнаруженные в процессе реализации национальной программы, находят аналогии на обширном пространстве Евразийского континента. Практически повсеместное и синхронное обнаружение звериного стиля вызывает в науке острую дискуссию об истоках этого феноменального явления в истории народов Евразии. Отечественные исследователи склонны видеть основу звериного стиля сакских племен в местных культурах и высказывают мнения о том, что искусство звериного стиля в иконографических канонах скифо-сибирского мира сформировалось в пределах восточного ареала Евразии, и племена Казахстана играли одну из ключевых ролей в становлении и распространении этого культурного явления [253, с. 157-172; 256, с. 364, 367-369, 374-379].

Безусловно, искусство звериного стиля и связанные с ним предметы материальной культуры являются одними из самых массовых и информативных источников по истории народов Евразии эпохи раннего железного века. Целая историческая эпоха, протяженностью более чем в тысячу лет (I тыс. до н.э.-начало I тыс. н.э.) в жизнедеятельности многих кочевых, полукочевых и оседлых народов Евразийского континента, в плане «художественного освоения мира» характеризуется доминированием в их изобразительном (в том числе в декоративно-прикладном) искусстве так называемого «скифо-сибирского звериного стиля» [382, с. 722-723].

В 2010 году, в рамках научных исследований по программе «Культурное наследие», А.З. Бейсенов исследовал курган Талды-2 в Карагандинской области, в котором обнаружены остатки погребения элитарного характера. Среди сохранившихся многочисленных элементов декора и гарнитуры золотого

облачения привлекают внимания X-образной формы золотые обоймы поясного набора [463, с. 4]. Подобной формы, но со специфическими особенностями, детали поясной гарнитуры были обнаружены в процессе исследований в Восточно-Казахстанской области в 2009 году [464, б. 205-206]. Соискателем, в ходе работ по теме диссертации, на основе полученных в ходе реализации программы «Культурное наследие» отмеченных материалов, совместно с коллегой из ИА им. Маргулана проведено аналитическое исследование, по результатам которого сделан ряд важных выводов по времени бытования X-образных поясных накладок, выдвинуто свое видение хронологических рамок вариаций конфигурации X-образной поясной гарнитуры, сделаны предпосылки к дальнейшим исследованиям путем постановки вопросов о возможной интерпретации X-образных насечек в районах поясов оленных камней как элементов поясной гарнитуры отмеченной формы и возможной связи поясных блях в виде противопоставленных голов грифона с X-образными деталями поясного набора [465, с. 51-55].

Подводя итоги раздела, хотелось бы еще раз отметить, что, помимо классической скифской триады, ученые в качестве маркера культур раннего железного века рассматривают ряд дополнительных предметов материальной культуры – зеркала, котлы, образцы статуарного искусства и мелкой пластики, памятники архитектуры и зодчества [460, с. 75]. Последнее из приведенного особо актуально, на наш взгляд, в изучении архитектуры кочевников Казахстана в контексте истории народов Евразии и преемственности с культурой казахского народа. Здесь почётное место занимают исследования С.Е. Ажигали. Ученый, на примере Арало-Каспийского региона, приводит динамику эволюции памятников монументально-мемориального зодчества, дает исчерпывающую информацию по малым формам погребально-культовой архитектуры, осуществляет интерпретацию памятников в контексте археологических и этнографических источников по истории Евразии и конкретно казахского народа [250; 466].

Арало-Каспийский регион играет важную роль в древней истории Евразии. Ученые, на основе анализа археологических, письменных и других данных, рассматривают этот регион как важнейший промежуточный пункт на пути распространения сако-скифской культуры в Европу, в пределы Кавказа и Передней Азии [467, с. 49-53].

Некоторые ученые, занимающиеся проблемой аланов – знаменитого в древнем мире народа, оставившего заметный след в истории Рима, в древней и раннесредневековой истории Европы, Азии и Кавказа, видят прародину этого мощнейшего конгломерата племен именно в пределах Арало-Каспийского региона [468, с. 120-121].

Именно с племенами раннего железного века Арало-Каспийского региона связывают ученые боевую мощь Парфянского царства – грозного противника и неоднократного победителя могущественной Римской империи [469].

Отдельные исследователи делают осторожные предположения о возможной связи между берущими начало с середины I тыс. до н.э.

специфическими охотничьими традициями Арало-Каспия с аналогичной промышленной деятельностью Аравийского полуострова, также имеющей древние корни [470, с. 281-285], т.е. вполне возможно, что это весьма близкое сходство может говорить о глубинных диффузионных связях в пределах Евразийского континента еще в эпоху раннего железа.

На фоне сказанного вполне обыденно выглядят теории о родстве между коновязной традицией Средней Азии и Сибири – предполагается генетическая связь элементов надмогильных конструкций Арало-Каспия и Северной Евразии [471, с. 272].

Автор многолетних комплексных исследований, немаловажное место среди которых занимают изыскания в период реализации нацпрограммы, С.Е. Ажигали осуществил максимально информативный и корректный анализ истории Арало-Каспийского региона от эпохи бронзы до этнографической современности, приводя широкий круг аналогий с множества близких и отдаленных регионов и ареалов Евразийского континента [472, с. 17-19 272].

Суммируя все сказанное, можно констатировать, что территория Казахстана в раннем железном веке являлась одним из ключевых очагов зарождения и становления скифо-сибирского мира Евразии.

3.3 История Евразии I тысячелетия нашей эры по археологическим материалам государственной программы

В число историко-культурных объектов I тысячелетия нашей эры, исследованных в рамках программы «Культурное наследие», входят археологические памятники гунно-сарматского времени, древнетюркской и других культур раннего средневековья, объекты исследования представлены в основном погребально-поминальными и поселенческими памятниками, также изучались объекты городской культуры. Практически все исследованные памятники относимы к нескольким историческим этапам. В период работы по национальной программе исследования проводились на погребальном комплексе Борижары, который датируется в I-VIII вв. н.э., на городищах I тыс. н.э. Жуантобе и Сидак в Южном Казахстане, на памятниках древнетюркского времени и начальных этапов средневековья Мерке, Жайсан и Акыртас в Жамбылской области, Сарыколь в Восточном Казахстане, Исык в Алматинской области. Также разовые археологические изыскания проводились на некоторых памятниках, соотносимых с I тыс. н.э., и пласты указанных периодов зафиксированы при изысканиях на объектах иных исторических эпох.

Погребальный комплекс Борижары в Туркестанской области в результате многолетних исследований, в том числе и в период реализации национальной программы, дал обширный материал по погребально-поминальным памятникам и по связанным с ними верованиям и мировоззренческим основам ряда регионов Евразии I тыс. нашей эры. Зафиксированы возможные влияния на культы и верования населения Южного Казахстана религиозных течений Ирана, Римской империи и других стран Средней Азии и Ближнего Востока [473, с. 139], однако авторы исследований памятников Борижары делают

итоговый вывод, что религиозные каноны племен Южного Казахстана I тыс. нашей эры имеют местное происхождение и берут свое начало с предыдущих эпох. Вместе с тем, признается определенное влияние ведущих культов и религий того времени из других регионов Евразии [473, с. 140].

Памятники городской культуры I тыс. н.э. Сидак и Жуантобе по итогам археологических изысканий, в среде которых значимую роль играют исследования в годы работ по нацпрограмме «Культурное наследие», принесли науке ценные материалы, касающиеся роли и места ранних городов Казахстана в процессах урбанизации Евразии I тыс. н.э. [474, с. 90-100; 475, с. 378-408]. На основе практического материала и теоретических обобщений зафиксировано, что эти памятники играли роль межрегиональных центров торгового и сакрального характера, имели обширные разносторонние связи с прогрессивными центрами Казахстана, Средней Азии, Ближнего Востока, Китая и Восточной Европы [474, с. 90-100; 475, с. 378-408].

Одним из важных памятников I тыс. н.э., изученных в рамках национальной программы, является крепость Акыртас в Жамбылской области. Исследователи, проанализировав значительный пласт данных, полученных за многие годы научных изысканий, в том числе в период реализации нацпрограммы, установили, что Акыртас отождествляется со средневековым Касрибасом и строился по приказу арабского полководца Кутейбы [476, с. 217]. Ученые зафиксировали широкие параллели Акыртаса с архитектурными и строительными канонами стран Ближнего и Среднего Востока, аналогии прослеживаются в средневековой архитектуре Сирии, Иордании, Омана и других арабских государств. По всем данным, Акыртас является памятником, получившим свое начало в период арабских религиозно-миссионерских походов в Среднюю Азию, материалы Акыртаса отражают широкий спектр сложных взаимоотношений и взаимовлияний арабской и тюркской культур Евразии [258, с. 399-413].

Следующая группа памятников, относимая ко второй половине I тыс. н.э., это – тюркские памятники раннего и развитого этапа. В их среде по объему выполненных в годы реализации программы работ значимое место занимают памятники Мерке и Жайсан в Жамбылской области, Сарыколь в Восточном Казахстане. Исследователи уже в начальные периоды работ на памятниках, в рамках государственного проекта, дали оценку вклада раннетюркских памятников Казахстана в исследование проблем тюркской культуры Евразии – территория страны играла роль трансграничного пространства, где проходили интенсивные процессы смешения и взаимовлияния различных этнических, религиозных и культурных групп [17, с. 118-121; 262, с. 151-159], результаты которых значительно сказались на этногенезе современных тюркских народов Евразии.

По итогам работ на указанных памятниках, по госпрограмме, авторы исследований делают важные выводы об автохтонности тюркской культуры Казахстана, о значительном влиянии тюркской историко-культурной общности на территории нашего государства на формирование тюркского мира Евразии,

зафиксированы обширные связи с тюркскими культурами Волго-Донского региона, Тывы, Алтая, Монголии, Средней Азии, Ближнего Востока, Восточной Европы и других ключевых регионов Евразийского континента [254, с. 164-193; 263, с. 163-165].

Соискателем в рамках исследований по закреплённой теме проведен анализ места и роли археологических памятников Казахстана первой половины I тыс. н.э. в истории народов Евразии, с основой на полученные в годы работ по национальной программе материалы.

Первое исследование посвящено этнокультурным параллелям некоторых археологических памятников гунно-сарматской эпохи Евразии. На основе данных археологии и письменных источников прослежена возможная близость между памятниками указанного периода Сибири, Саяно-Алтая, Тянь-Шаня, Китая и Казахстана, зафиксирована возможная преемственность между эпохами, выдвинуто предположение о консолидации сил хунноидных племен на территории Казахстана для последующей экспансии на запад – Великое Переселение народов вполне могло получить свой основной импульс здесь [477, с. 157], и поднявшаяся на территории Казахстана волна кардинально изменила этнокультурную карту Евразии.

Если говорить об истории народов Евразии I тыс. н.э. в конструктивной связке с историей Казахстана, на основе синтеза археологических материалов и письменных источников, то тут весьма ценны научные исследования К.Т. Жумагулова. Ученый, в совершенстве владеющий несколькими современными европейскими и древними языками, в рамках обширных научных изысканий по нацпрограмме, основываясь строго на письменные свидетельства на языке оригиналов и на материалах европейской археологии из первоисточников, осуществил масштабные работы по анализу материальной и духовной культуры гуннов Европы, в контексте их места и роли в истории народов Евразии. Исследователь, проведя тщательный анализ материальной культуры гуннов по имеющимся археологическим данным научной школы Европы и письменным источникам, подробно описал все основные маркеры гуннской историко-культурной общности Европы с параллельным сравнительным анализом с материалами других регионов Евразии, в среде которых особое место занимают данные казахстанской науки, в том числе полученные в годы реализации нацпроекта [478, с. 10-14; 479, с. 17-19; 480, с. 13-17]. Весьма высока ценность исследовательских работ в изучении вопроса о роли в Евразийской истории Каталаунского сражения (именуемое в истории Евразии – Битвой народов, нем. *Völkerschlacht auf den katalaunischen Gefilden*) в контексте взаимовлияния культур и цивилизаций Евразийского континента [481, с. 8-16; 482, б. 25-37]. Важны изыскания ученого в области научной оценки гуннской державы Европы в контексте истории тюрков Евразии – ученый с привлечением письменных источников и данных археологических исследований лаконично и весьма корректно обозначает место западных гуннов в системе тюркской культуры Евразийского континента [483, с. 96-100].

В процессе подготовки диссертации, соискателем осуществлены

сравнительные исследования тюркской культуры Евразии на предмет поиска и обоснования истоков, по результатам работ сделан вывод о подавляющей автохтонности основных тюркских народов Евразии и прямой преемственности с племенами и племенными союзами предшествующих эпох. Вместе с тем прослежено, что в предыдущие исторические этапы, не все этнокультурные объединения в пределах современного тюркского ареала были прототюркскими – высказано мнение о полиязычии и поликультурности племен и народов на территории тюркской ойкумены Евразии наших дней в древние периоды, рассмотрено наследие древнетюркской культуры в духовном и материальном достоянии современных тюркских народов Евразийского континента [484]. Многие из сказанного подтверждается исследованиями признанного специалиста по сакской археологии и традиционной культуре казахского народа А.Т. Толеубаева, ученый на основе своих многолетних разносторонних изысканий, в том числе и в рамках нацпроекта, приходит к обоснованному мнению, что сакская культура в своей основе больше протюркская, чем индоиранская. И, что в перспективе возможны два варианта решения этого вопроса – либо будет общепризнана тюркская основа сако-скифской культуры и языка, либо ученые придут к выводу, что сако-скифский культурный комплекс сформировался в результате симбиоза тюркского и индоиранского компонентов [256, с. 349].

Суммируя все сказанное, можно сказать, что территория страны в гунно-сарматскую эпоху была одним из импульсных очагов начала Великого переселения народов и трансформации этнокультурной картины Евразии, и что именно на территории Казахстана проходили основные процессы этногенеза современных тюркских народов Евразии.

3.4 Памятники археологии средневековья в контексте урбанистической и кочевой культуры народов Евразии II тысячелетия нашей эры

В период научно-исследовательских работ, в рамках национальной программы «Культурное наследие», одними из самых многочисленных из исследованных памятников археологии были средневековые города Казахстана. Научные изыскания проводились на таких широко известных памятниках, как Отырар, Сауран, Жуантобе, Караспантобе, Сидак, Шымкент, Сыганак, Созак, Туркестан и др. в Туркестанской области, Талхир, Койлык в Жетысу, Бозок в Акмолинской области, средневековые памятники Акыртас, Актобе (Баласагун), Туймекент и др. в Жамбылской области, городища Сарайшык, Жайык в Западном Казахстане, Хан Ордасы в Карагандинской области, Жанкент в Кызылординской области.

Некоторые памятники исследовались единожды при поддержке местных исполнительных властей и из других источников, но под эгидой нацпрограммы; также работы велись на археологических памятниках средневековья погребально-поминального и поселенческого характера по отдельным регионам Казахстана.

По древним и средневековым городам и памятникам оседлой культуры Казахстана К.М. Байпаковым проведены масштабные обобщающие работы, в том числе и по итогам работ в рамках национальной программы «Культурное наследие». Согласно результатам аналитических исследований, ученым выделено несколько этапов оседло-городской культуры Казахстана в контексте урбанизации центральной Евразии.

Протоурбанизационный этап связан с бронзовым веком – укрепленные поселения и памятники протогородского типа эпохи палеометалла Казахстана были первоосновой городов последующих периодов, особенности их архитектурных и строительных канонов находят широкие аналогии в синхронных памятниках Евразийского континента [259, с. 372-373]. Более того, не исключено, что источники этих общих тенденций происходят как раз с территории Казахстана – в предыдущих разделах нами было показано место и роль памятников эпохи палеометалла в древней культуре народов Евразии.

Первый этап урбанизации Казахстана связан с эпохой раннего железного века и первой половиной I тыс. н.э., когда повсеместно распространяются укрепленные и открытые поселения саков, усуней и сарматов, появляются первые памятники городского типа. Архитектурные и строительные методы и приемы памятников погребально-поминального и поселенческо-городского характера указанных периодов указывают на начало становления городской цивилизации [260, с. 374-376].

На рубеже эр и в начале I тыс. н.э. значительную роль в развитии городской культуры Евразии начинает играть Великий Шелковый путь, связавший передовые культуры Европы, Ближнего и Среднего Востока, Индии, Кавказа, Китая, Средней и Центральной Азии – практически всех ключевых регионов Евразийского континента. Беспрецедентная торговая дорога древности и средневековья исполняла своего рода роль артерии жизни – благодаря ей появлялись новые и расцветали старые города, вчерашние заурядные поселения, по историческим меркам в одночасье, превращались в крупные межрегиональные и даже межгосударственные политические и экономические центры, семимильными шагами шел бурный процесс обмена материальными и культурными достижениями самых отдаленных регионов Евразии [260, с. 470-485]. Именно с развитием Великого Шелкового пути можно связать второй и третий этапы урбанизации Казахстана.

В этот период, согласно данным археологических исследований, в среде которых немаловажное место занимают научные изыскания в годы работ по нацпрограмме, интенсивность роста городов Казахстана и их социально-экономический прогресс значительно активизируются, расширяются трансконтинентальные связи, территория Казахстана все больше начинает играть роль своего рода центра межрегиональных торговых, культурных и религиозных взаимодействий на просторах Евразии. Расширяются процессы синтеза и взаимовлияния тюркской, ирано-согдийской, арабской и монголо-сибирских культур – активно протекает симбиоз различных этнических, религиозных и даже расовых общностей срединной Евразии и других регионов,

несмотря на имевшие места периоды угасания и деградации, связанные в первую очередь с монгольским нашествием и последовавшим за этим разгромом и опустошением, за которыми следовал этап нового возрождения, города с оседлой культурой Казахстана продолжали свое развитие. Войдя в состав монгольской империи, земли Казахстана начинают играть еще большую роль в политических и социально-экономических процессах Евразии – археологические материалы золотоордынских городов и других памятников средневекового Казахстана показывают имевшие место торговые, дипломатические и иные связи с различными, порой с самыми отдаленными уголками Евразийского континента [259, с. 212-387; 485, с. 54-79].

Тысячелетние процессы политогенеза, культурогенеза и этногенеза самых разных культур и цивилизаций Евразии, протекавшие на территории Казахстана, в итоге привели к образованию Казахского ханства в XV веке, и многовековой синтез племен, племенных союзов и народов Евразии, на основе ядра формировавшегося в местной среде, как минимум, от эпохи палеометалла, закончился образованием казахской нации. Города Золотой Орды, после ее ухода с политической карты средневековья, со временем стали ставками казахских ханов и продолжили существования до позднего средневековья, а некоторые и до нового времени [485, с. 54-79].

Можно суммировать, что города и оседлая культура средневекового Казахстана имеет в своей основе заложенную еще в эпоху первых поселений базу архитектурных и строительных канонов. Даже более того, можно небезосновательно предполагать о значительном влиянии протогородов Казахстана на становление и развитие урбанизации обширной территории Евразии [259, с. 93-117], однако, очевидно, что в силу своего географического положения как трансграничной и транскультурной территории городская цивилизация Казахстана не могла развиваться локально, и необходимо признать наличие согдийского, арабского и др. евразийских компонентов в культуре городов средневекового времени в истории страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги диссертационной работы, в рамках оценки материалов и результатов археологических исследований, по национальной стратегической программы «Культурное наследие», как источников по истории народов Евразии, в виду обширности темы и разносторонности результатов наиболее оптимальным будет подытожить по отдельным конкретным направлениям, согласно главам и разделам исследования.

Первым делом хотелось бы сказать, что рассмотрение столь важной темы, попадающей в поле интересов исторической науки и ее ключевых отраслей, в первую очередь источниковедения и археологии, по вполне очевидным причинам требует теоретико-методологических обоснований, так как специфика темы вызывает определенные сомнения в соответствии шифру специальности, по которой представлена к защите. Более того, в мировой науке широко распространяются и утверждаются научные позиции, согласно которым археология – это чуждая истории наука, и археологические источники, кардинально отличаясь от исторических, служат интересам других наук или сугубо своим. Результаты проведенного анализа и обоснований, на взгляд автора, однозначно указывают, что археологические источники как результат сознательной деятельности человека и функционирования обществ являются историческими источниками со своей спецификой, которая при неоспоримом требовании специальных подходов, методики обработки не дает достаточно твердых оснований к дифференциации археологии от истории, более того на финальном этапе археолог выступает как полноценный историк, делая выводы широкого профиля и исторического толка. Это не дань традициям, заложенным в ранние этапы развития археологии как науки. Заметно, что в исследованиях современных авторов проскальзывает некая снисходительность к ученым XIX-начала XX вв., которая, вероятно, объяснима с оценкой их, по нашим меркам, несовершенных разработок, которые были первыми шагами в той или иной науке, но они не были такими отсталыми, как может показаться. Для своего времени это были лучшие умы мира, и не по собственной прихоти или блажи они отделили археологию от искусствоведения и сочли, что это часть исторической науки. Их подвигло к этому то, что проведенные и осуществлявшиеся на тот момент первые археологические исследования – легендарные раскопки Трои, цивилизаций Ближнего Востока и Египта, скифских древностей и многих иных памятников четко показали им, что итоговые цели этих научных работ - сугубо исторические, и понять всю суть сложнейших археологических материалов, обработать и постичь ее во всех отношениях в силах только историческая наука.

Помимо сказанного, в диссертации обосновано то, что теоретические разработки в археологии должны проводиться в системной связи с реалиями конкретного региона, конкретно с полевыми археологическими исследованиями, с учетом специфики разного характера. Эта мысль не нова и является одним из краеугольных аргументов в рамках имеющей место в

археологии определенной конфронтации между «полевыми» и «теоретиками», доходящая до выражения взаимного пренебрежения к оторванным от реалий «кабинетникам» и к собирателям «эмпиристам». Конечно, выводы автора не ставят окончательную точку в этом вопросе, но, надеемся, внесут свой вклад в утверждение верности сказанного.

То, что национальная стратегическая программа «Культурное наследие» включила в свое содержание археологические исследования как важный инструмент изучения национальной истории и историко-культурного наследия, не в утилитарной и механической плоскости, а как способа расширения границ исторического сознания нации, восстановления связей времен, укрепления самосознания и идентичности, возрождения исторической памяти народа и повышения интереса народа к истории и культуре родины [486], прямо указывает на то, что результаты проведенных с такой конкретной и точной установкой, с соответствующими целью, задачами и мотивацией археологических исследований должны, в первую очередь, рассматриваться как исторические источники вне зависимости от конъюнктуры в науке, обществе, политике и пр., и вне зависимости от сценария развития археологии в исторической перспективе. Это также является одним из весомых резонансов в представлении данной работы по утвержденному шифру специальности.

По результатам осуществленного обзора археологических изысканий по регионам Республики, в рамках оценки степени реализации основных задач, социально-экономического эффекта и подведения некоторых итогов формального характера по научно-исследовательским работам на памятниках археологии в рамках программы «Культурное наследие», можно констатировать:

Из поставленных перед археологией задач в рамках нацпрограммы осуществлены все запланированные полевые археологические работы на древних и средневековых памятниках – курганы, поселения и городища и мн. др., созданы государственные историко-культурные заповедники-музеи – «Берел», «Иссык», проведены работы по реконструкции и музеефикации памятников археологии – Тараз, Акыртас и широкого круга памятников истории и культуры средневековья, этнографического времени и современности, получены копии образцов древнетюркской руники [2].

После официального завершения программы ряд исследованных памятников Великого Шелкового пути в Чанъань-Тянь-Шанском коридоре – городища Каялык, Талгар, Актобе, Акыртас и др. включены в списки всемирного наследия ЮНЕСКО [487], это тоже можно считать одним из важных инерционных результатов реализации общенационального проекта.

Социально-экономический эффект реализации программы в археологии и не только выражается, в первую очередь, в создании новых рабочих мест для сотрудников научно-исследовательских организаций, учреждений культуры и т.д., в результате увеличения штатных единиц в существовавших организациях и комплектации штатов созданных научно-культурных структур. Важно отметить улучшение материальной базы организаций науки и культуры, а

также влияние на рост общего благосостояния жителей отдаленных районов, в пределах которых проводились полевые изыскания – они привлекались в качестве сезонных работников, с солидной для представителей сельской глубинки оплатой. Проведенные выставки и иные культурно-массовые мероприятия, издание литературы, в том числе учебно-методического и научно-популярного характера, созданные музеи-заповедники, огромное количество переданных в музеи уникальных артефактов, широкое освещение результатов археологических исследований в СМИ внесли значительный вклад в популяризацию историко-культурного наследия среди самых широких слоев населения, способствовали притоку в археологию молодежи и представителей других отраслей науки. Более чем значительно повлияло на рост международного научного авторитета страны, в том числе в сфере сохранения и популяризации историко-культурного наследия как основы исторической памяти нации.

В числе важных эффектов экономического характера нужно назвать мультипликативный: масштабные археологические исследования – от полевых изысканий до музеефикации и реконструкции – спровоцировали объемные приобретения оборудования и снаряжения, наем сотрудников широкого профиля, привлечение услуг самого обширного вида – от полиграфических до проведения лабораторных анализов и строительно-монтажных работ. Это, по четкой экономической формуле, выразилось в мультипликативной отдаче государству в виде налогов, социальных и иных бюджетных платежей, оплаты услуг государственных организаций и других прямых поступлений в казну. Созданные заповедники-музеи и разработанные туристические маршруты по исследованным и отреставрированным памятникам стали приносить стабильный доход в бюджет страны.

Можно констатировать, что как социальный заказ государства, в сфере археологии поставленные задачи были выполнены по мере возможностей нашей науки. Из недостатков по результатам реализации программы следует назвать преобладающий эмпиризм всех проведенных археологических исследований – акцент на массовые полевые изыскания с оставлением на второй план обработку и осмысление материалов, за редким исключением. Впрочем, ученые могут обоснованно объяснить это сложностью материалов или незавершенностью исследований. На текущий день они активно его осмысливают и соответственно издают свои труды по продолжающимся или завершенным полевым работам, имевшим место в годы проекта. Еще одно замечание, которое касается не только периода реализации нацпроекта – в отечественной археологии практически не развивается теоретическая археология, нет методологических и методических разработок в контексте тенденций мировой археологии. В годы реализации при наличии всех возможностей в пределах страны, при профильных научных организациях не было создано, не говоря о достаточном количестве, хотя бы одной специализированной лаборатории по дендрохронологии, радиоуглеродному датированию и т.д. Возможно, последнее можно объяснить также коротким

периодом функционирования программы, и то, что в последние годы ситуация зримо улучшается – создаются и активно развиваются научно-исследовательские центры по физической антропологии, консервации и реставрации, геоархеологии, по трасологическим и иным анализам археологического материала, междисциплинарными полевыми исследованиями при КазНУ им. аль-Фараби, ИА им. А.Х. Маргулана, Нацмузее РК, ПГПУ, ПГУ им. Торайгырова, ВКГУ им. С. Аманжолова – это и создание новых научных структур, таких, как заповедники-музеи «Ботай», «Бозок», «Сарайшык» – тоже можно рассматривать как инерционные результаты национальной программы.

Тем не менее, все еще на повестке дня создание специализированной лаборатории по датированию археологических материалов методами естественных наук и др.

Можно сказать, что государственный проект «Культурное наследие», по сути, еще не завершен и продолжается в принятых после официального окончания государственной программы общенациональных проектах, направленных на сохранение и популяризацию культурного достояния народа и страны – «Народ в потоке истории», «Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру», «Семь граней Великой степи».

И наконец, подытоживая результаты национального проекта в сфере археологии, необходимо сказать о значительном вкладе в изучение древней и средневековой истории Казахстана и Евразии в целом.

Исследование памятников эпохи камня указывает на то, что на территории Казахстана была своеобразная первобытная культура, сформировавшаяся в ходе взаимодействий групп древних гоминидов с различных регионов Евразии, просторы древнего Казахстана были одним из очагов становления производящего хозяйства и играли важную роль в первичном заселении Евразийского континента в силу своего географического расположения и природно-климатической аттракции.

Научно-исследовательские работы на памятниках эпохи палеометалла, в рамках национальной программы, принесли новые и дополнили имеющиеся материалы, также внесли вклад в итоговое обобщение всех данных, указывающих на то, что племена меднокаменного века Казахстана одомашнили лошадь и, более того, использовали ее в качестве тягловое животного и даже для верховой езды. Также результаты работ по нацпрограмме дали новые данные и систематизировали имеющиеся касательно того, что в бронзовом веке Казахстан был одним из центров металлургического производства Евразии, племена культур эпохи бронзы развивались автохтонно и оказали значительное влияние на формирование скифо-сибирского мира Евразии.

По итогам работ в рамках национального проекта установлена обширная связь практически со всеми регионами Евразии, роль протогородов эпохи бронзы Казахстана в становлении первых государств Евразии. Одним из важных результатов является то, что на основе анализа жилищ бронзового века учеными сделано обоснованное предположение, что юрта, важнейший элемент кочевого хозяйства Евразии, могла быть создана на территории Казахстана.

Изучение памятников раннего железного века, в рамках национального проекта, по археологическим и письменным источникам показало, что территория страны в I тыс. до н.э. была ареной становления и распространения кочевого скотоводства и соответственно развития военизированного общества боевых всадников, потрясших устои древнего мира и давшим импульс передовым новшествам в истории народов Евразии.

Научные работы на археологических памятниках I тыс. н.э., по программе «Культурное наследие» существенно пополнили базу источников и помогли систематизировать ранее накопленные материалы касательно места племен и народов Казахстана в истории Евразии гунно-сарматского времени и раннего средневековья. Установлено, что основной импульс Великому Переселению народов мог быть дан на территории Казахстана, дана оценка важной роли племен Казахстана в трансформации культур Европы и Азии – изучена связь гуннов Европы с племенами прародины.

Ученые доказывают, что тюркская культура Казахстана развивалась на местной основе и оказала значительное влияние на этногенез тюркских народов Евразии. Вместе с тем, прослежено влияние других культур Евразии на становление и развитие народов Казахстана I тыс. н.э.

Исследовательские работы на древних и средневековых городах Казахстана дали важные результаты, говорящие о превалировании местного компонента в ходе становления урбанизационного феномена Казахстана; вместе с этим, четко прослежено значительное влияние архитектурных и зодческих канонов иных регионов Евразии – арабских, ирано-согдийских и т.д.

Безусловно, в период реализации национального стратегического проекта «Культурное наследие» археология Казахстана достигла новых высот и инициировала комплекс позитивных достижений последних лет – исследовано колоссальное количество историко-культурного достояния, в основном разной степени полноты, обобщаются результаты работ всех проведенных научных изысканий, и опубликованы итоговые труды. Одним словом, проделана поистине огромная и кропотливая работа, охватывающая более чем значительный исторический диапазон – от палеолита до позднего средневековья и, практически, нового времени.

Задачи всех заявленных археологических исследований были выполнены в той полной мере, которая была возможна, учитывая довольно короткий по научным меркам период функционирования программы, и естественно, сложно говорить о том, что все исследования были завершены и получен стопроцентный результат. Работы на всех основных памятниках, исследовавшихся в рамках нацпроекта, продолжают по сей день и будут еще производиться не один год, и для их полного окончания и осмысления результатов требуется время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Указ Президента Республики Казахстан. О Государственной программе «Культурное наследие» на 2004-2006 гг.: утв. 13 января 2004 года, № 1277 // ИПС Эділет. – 2007, декабрь – 14.

2 Итоги реализации государственной программы «Культурное наследие» [Электронный ресурс] // Национальный портал «Мәдени мұра» – Режим доступа: <http://www.madenimura.kz/ru/government-program-madenimura/program-results-madenimura> (дата обращения: 30.11.2017).

3 Kariyev Ye.M. Program «Cultural Heritage» – innovation of archeology, history and art in the context of the development of education in the Republic of Kazakhstan // New Trends and Issues Proceedings on Humanities and Social Sciences. – 2017. – Issue 7. – P. 67-73.

4 Kariyev Ye.M. On new scientific achievements of National program “Cultural heritage” in investigating archaeological monuments in Kazakhstan // Materially X mezinarnodnoi vedecko-prakticka conference «Aktualni Vymozenosti Vedy-2014». – Praha: Publishing House Education and Science s.r.o, 2014. – P. 41-43.

5 Нурмуханбетов Б.Н., Ахатов Г.А., Бермагамбетов А.Ж. Археологические исследования на могильнике Иссык // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 112-114.

6 Бермагамбетов А.Ж. Археологическое исследование могильника Иссык в 2005 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 189-192.

7 Самашев З., Жумабекова Г., Киясбек Г., Онгар А., Чотбаев А. Археологические исследования на могильнике Берел // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 121-123.

8 Самашев З.С., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Чотбаев А.Е., Толегенов Е.Т., Киясбек Г.К. Археологические исследования на некрополе Берел в 2005 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 272-277.

9 Самашев З., Джумабекова Г., Базарбаева Г., Чотбаев А., Толегенов Е., Киясбек Г., Хасенова Б. Берельский курган № 9 // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 127-128.

10 Самашев З., Буржуа Ж., Джумабекова Г., Воутер Д., Базарбаева Г., Чотбаев А. Поиски курганов с мерзлотой в Казахском Алтае с использованием методов дистанционного зондирования // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 155-156.

11 Самашев З., Северский Э.В., Курашкин С.А., Чотбаев А.Е. Курганы с мерзлотой Казахского Алтая: использование методов геокриологии в

археологическом поиске // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 203-207.

12 Чотбаев А., Самашев З., Уварова А.К., Джумабекова Г., Базарбаева Г. Использование ГИС-технологий при проведении археологической разведки в Казахском Алтае // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 207-209.

13 Самашев З.С., Чотбаев А.Е., Толегенов Е.Т., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Отчет ВКАЭ о полевых археологических исследованиях «Могильник Берел» в 2007 году // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Фонд 11. – Дело № 2841. – 193 с.

14 Самашев З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Бесетаев Б.Б., Чотбаев А.Е., Толегенов Е.Т., Жунисханов А.С., Женискайыр Н.Ж. Об итогах полевых исследований на могильнике Берел в 2008 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 160-162.

15 Самашев З., Джумабекова Г., Базарбаева Г., Бесетаев Б., Альжанов К., Жунисханов А. Исследования на могильнике Берел-2 // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 169-171.

16 Самашев З.С., Онгар А., Чотбаев А.Е., Киясбек Г.К., Альжанов К. Продолжение исследований на могильнике Берел // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2010 года. – Алматы, 2011. – С. 93-96.

17 Самашев З., Абу А. Сарыколь тарихи-ескерткіш кешені // ҚР ҰҒА Хабарлары. Қоғамдық ғылымдар сериясы. – 2008. – № 1. – Б. 118-121.

18 Самашев З., Оралбай Е., Исин А., Томаш П., Толегенов Е. Начало работ на святилище тюркского времени Сарыколь // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 171.

19 Самашев З.С., Оралбай Е., Бесетаев Б. Сарыкөл ғибадатханасындағы қазба жұмыстарының кейбір қорытындылары // «Қазақ даласының көшпенділері: Еуразиядағы скиф-сақ дәуіріндегі этноәлеуметтік-мәдени үрдістер мен қарым-қатынастар» халықар. конф. матер. жинағы. – Астана: ПМО баспа тобы, 2008. – Б. 67-68.

20 Самашев З., Жетибаев Ж., Оралбай Е. Первоначальные итоги работ на святилище Кызыл Уик // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 118-121.

21 Самашев З., Онгар А., Киясбек Г., Оралбай Е., Жетписбай Н. Археологические исследования святилища Кызыл Уйик // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 202-205.

22 Самашев З.С., Онгарулы А., Киясбек Г., Жетписбай Н., Оралбай Е. Исследования на сарматском святилище Кызылуйк // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 157-159.

23 Самашев З., Онгар А., Киясбек Г., Оралбай Е., Жетписбай Н. Некоторые итоги изучения храма-святилища Кызылуйк // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 154-157.

24 Самашев З., Онгар А., Киясбек Г. Об исследовании культовых памятников Кызылуйкского типа // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 164-165.

25 Самашев З., Плахов В.В., Лошакова Т.Н. Городище Сарайчик // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 114-118.

26 Самашев З.С., Лошакова Т.Н., Оралбай Е., Қожа М.Б. Археологическое изучение городища Сарайчик в 2005 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 209-211.

27 Самашев З., Қожа М., Лошакова Т., Лукпанова Я., Турарулы А., Слованевський В. Раскопки на городище Сарайчик в 2006 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 170.

28 Самашев З. Отчет о работах ЗКАЭ ИА МОН РК по программе «Научно-прикладные исследования в области археологии – Культурное наследие. Раздел «Городище Сарайчик» в 2007 году // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Фонд 11. – Дело № 2842. – 73 с.

29 Самашев З. Отчет о работах ЗКАЭ ИА МОН РК по программе «Научно-прикладные исследования в области археологии – Культурное наследие. Раздел «Городище Сарайчик» в 2008 году // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Фонд 11. – Дело № 2872. – 134 с.

30 Самашев З., Плахов В., Лошакова Т., Лукпанов Я. Исследования на городище Сарайчик в полевом сезоне 2009 г. // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 166-168.

31 Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Поселение Токсанбай – выдающийся памятник бронзового века на Устюрте // Научно-популярный информационный сборник «Культурное наследие. Региональная отраслевая программа». – Актау, 2008. – С. 20-23.

32 Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н., Логвин А.В., Шевнина И.В. Поселение Токсанбай // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 156-161.

33 Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Поселение Токсанбай // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 261-264.

34 Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Продолжение раскопок на поселении Токсанбай в 2006 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 188-189.

35 Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н., Логвин А.В., Шевнина И.В. Отчет о работах Западно-Казахстанской археологической экспедиции в 2007 году по программе «Культурное наследие»: «Поселение Токсанбай» // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Фонд 11. – Дело № 2844. – 46 с.

36 Самашев З., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Работы на поселении Токсанбай // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 217-218.

37 Самашев З., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Работы на поселении Токсанбай // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 222-223.

38 Толеубаев А.Т., Шайкен Ж., Омаров Г.К., Умиткалиев У.У., Самашев С. Исследования могильника Чиликты // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 123-125.

39 Толеубаев А.Т. Отчет по научному проекту «Сакские памятники Шиликтинской долины» по государственной программе «Культурное наследие» (2004 г.) // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Фонд 11, – Дело № 2700. – 153 с.

40 Толеубаев Ә.Т. Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша «Шілікті жазығының сақ ескерткіштері» ғылыми жобасы бойынша 2005 жылғы есебі // ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы АИ мұрағаты. – Қор 11. – Іс № 2754. – 96 б.

41 Толеубаев А.Т., Умиткалиев У.У., Шайкен Ж., Жуматаев Р., Кожаметов Б., Иргебаев Г.Д. Результаты исследования кургана № 1 могильника Шиликты-III // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 277-284.

42 Толеубаев А.Т., Омаров Г.К., Умиткалиев У.У., Иргебаев Г.Д., Майданбекова М.М., Кожаметов Б. Отчет Шиликтинской археологической экспедиции за 2006 год // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 199-201.

43 Толеубаев Ә.Т., Омаров Ғ.Қ., Үмітқалиев Ұ.Ұ., Жұматаев Р.С., Сегізбаева А.Қ., Іргебаев Ғ.Д., Терекбаева Ж.М. Шілікті археологиялық экспедициясының 2007 жылғы есебі // ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы АИ мұрағаты. – Қор 11. – Іс № 2847. – 119 б.

44 Төлеубаев Ә.Т. Шілікті археологиялық экспедициясының 2008 жылғы есебі // ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы АИ мұрағаты. – Қор 11. – Іс № 2879. – 85 б.

45 Толеубаев А.Т., Омаров Г.К., Умиткалиев У.У., Жұматаев Р.С., Иргебаев Г.Д., Терекбаева Ж.М. Результаты исследования раннесакских памятников Шиликтинской долины в 2009 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 172-174.

46 Төлеубаев Ә.Т., Үмітқалиев Ұ.Ұ., Жұматаев Р.С., Терекбаева Ж.М., Мұсырманқұл П.Б. Ғылыми-зерттеу жұмыстары жайлы есеп. 2010 ж. Шілікті қорымы (аралық) // ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы АИ мұрағаты. – Қор 11. – Іс № 2993. – 75 б.

47 Төлеубаев Ә.Т., Үмітқалиев Ұ.Ұ., Жұматаев Р.С., Терекбаева Ж.М. Ғылыми-зерттеу жұмыстары бойынша есеп. «Мәдени мұра» стратегиялық ұлттық жобаның концептуалды тақырыбы: Шілікті қорымы (аралық). 2011 ж. // ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы АИ мұрағаты. – Қор 11. – Іс № 3042. – 80 б.

48 Толеубаев А.Т. Отчет по теме «Научные исследования и реконструкция Шиликтинского золотого человека». – Алматы: ТОО «Сокровища Турана», 2007. – 171 с.

49 Ажигали С.Е., Бекназаров Р.А. Хан моласы – место захоронения Абулхаир-хана (ок. 1680-1748): предварительные итоги научно-исследовательских работ по некрополю в 2007 г. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2007. – № 2. – С. 77-87.

50 Артюхова О.А., Бирмуханова А.У., Мамиров Т.Б. Археологические исследования на стоянке Токтаул // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 141-143.

51 Артюхова О.А., Бирмуханова А.У. Работы на стоянке Токтаул в 2005 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 243-245.

52 Артюхова О.А., Бирмуханова А.У., Мамиров Т.Б., Майгельдинов К.У. Предварительные результаты раскопок на стоянке Токтаул в 2006 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 190-192.

53 Артюхова О.А., Бирмуханова А.У., Мамиров Т.Т., Майгельдинов К.У. Работы на стоянке Токтаул в 2007 г. // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 157-162.

54 Артюхова О.А., Бирмуханова А.У., Мамиров Т.Б., Саргизова Г. Исследование стоянки Токтаул в 2008 г. // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 182-184.

55 Артюхова О.А., Бирмуханова А.У., Мамиров Т.Б., Саргизова Г.Б. Раскопки стоянки Токтаул в 2009 г. // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 194-196.

56 Артюхова О.А., Бирмуханова А.У., Мамиров Т.Б., Саргизова Г.Б. Работы на стоянке Токтаул в 2010 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2010 года. – Алматы, 2011. – С. 109-111.

57 Артюхова О.А. Отчет о научно-исследовательской работе «Стоянка Токтаул» // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Фонд 11. – Дело № 3010. – 50 л.

58 Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Каттани М., Ержанова А.Е. Археологические исследования на комплексе Талдысай // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 150-152.

59 Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е., Байтлеу Д., Калиева Ж. Археологические исследования на поселении Талдысай в 2005 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 245-248.

60 Курманкулов Ж.К., Ермолаева А.С., Бонора Ж.Л., Джардино К., Калиева Ж., Исаков А. Отчет о работах на поселении металлургов эпохи бронзы Талдысай в 2006 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 185-188.

61 Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е., Калиева Ж., Исаков А. Продолжение археологических исследований на поселении Талдысай // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 179-183.

62 Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е., Калиева Ж.С., Исаков А. Продолжение археологических исследований на поселении Талдысай в 2008 г. // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 190-193.

63 Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е., Калиева Ж.С. Археологические исследования на поселении Талдысай в 2009 г. // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 202-204.

64 Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е., Сембинова Л. Археологические раскопки на поселении Талдысай в 2010 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2010 года. – Алматы, 2011. – С. 106-108.

65 Ермолаева А.С. Отчет о раскопках на поселении Талдысай в 2011 году // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Фонд 11. – Дело № 3029. – 50 с.

66 Курманкулов Ж.К., Ишангали С.К. Исследование на могильнике Айбас Дарасы // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 143-147.

67 Курманкулов Ж.К., Ишангали С.К. Исследования на могильнике Айбас-Дарасы в полевом сезоне 2005 года // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 240-242.

68 Курманкулов Ж.К., Ишангали С.К. Предварительные итоги исследования комплекса Айбас Дарасы в 2004-2006 годах // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 111-114.

69 Курманкулов Ж.К., Ишангали С. Могильник Айбас Дарасы. Полевые археологические исследования в 2007 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 175-178.

70 Курманкулов Ж., Ишангали С., Байтилеу Д., Усманова Э. Отчет о научно-исследовательской работе по программе «Культурное наследие» по теме «Айбас Дарасы». 2008 г. // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Фонд 11. – Дело № 2892. – 41 с.

71 Курманкулов Ж. Ишангали С. Археологическое изучение комплекса Айбас Дарасы в 2009 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 200-201.

72 Курманкулов Ж.К., Утубаев Ж. Отчет о научно-исследовательской работе. Археологическое изучение поселения Айбас Дарасы (промежуточный). 2011 г. // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Фонд 11. – Дело № 3034. – 31 с.

73 Курманкулов Ж.К., Бирмуханова А., Калиева Ж., Утубаев Ж. Археологические исследования на городище Чирик-рабат и в его окрестностях // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 152-156.

74 Курманкулов Ж., Жетибаев Ж., Утубаев Ж., Байтилеу Д., Искаков А. Археологические исследования памятника Чирик-рабат и прилегающих районов // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 249-251.

75 Курманкулов Ж.К., Жетибаев Ж., Утубаев Ж., Искаков А. Археологические исследования памятников городища Чирик рабат // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 135-136.

76 Курманкулов Ж., Переводчикова Е., Жетибаев Ж., Утубаев Ж., Искаков А., Тажекеев А., Дарменов Р. Археологические работы на городище Чирик-рабат в 2007 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 205-210.

77 Курманкулов Ж., Переводчикова Е., Жетибаев Ж., Утубаев Ж., Тажекеев А., Дарменов Р. Археологические работы на городище Чирик-Рабат в 2008 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 198-201.

78 Курманкулов Ж., Переводчикова Е., Жетибаев Ж., Утубаев Ж. Археологические исследования на городище Чирик-Рабат в 2009 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 210-212.

79 Курманкулов Ж., Переводчикова Е., Жетибаев Ж., Утубаев Ж. Археологические исследования, проведенные на городище Ширик-Рабат в 2010 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2010 года. – Алматы, 2011. – С. 120-122.

80 Курманкулов Ж.К., Жетибаев Ж.М., Утубаев Ж. Отчет о научно-исследовательской работе по концепции национального стратегического проекта «Культурное наследие» по теме «Городище Ширик-Рабат» (промежуточный). 2011 г. // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Фонд 11. – Дело № 3035. – 32 с.

81 Таймагамбетов Ж.К. Древнейшая стоянка первобытного человека вблизи г. Алматы // История тысячелетия. – 2008. – Вып. 1. – С. 34-40.

82 Таймагамбетов Ж.К. Новые сведения о палеолитической стоянке Майбулак // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 142-147.

83 Таймагамбетов Ж.К., Мамиров Т.Б. Работы на стоянке Майбулак в 2010 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2010 года. – Алматы, 2011. – С. 85-86.

84 Таймагамбетов Ж.К., Сойкина Н.Ю., Мамиров Т.Б. Отчет о научно-исследовательской работе. Исследования на палеолитической стоянке Майбулак и ее окрестностях в 2011 году (промежуточный) // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Фонд 11, – Дело № 3043. – 80 с.

85 Таймагамбетов Ж.К. Некоторые выводы по итогам работ на палеолитических памятниках Шоктас и Кошкурман // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 188-189.

86 Таймагамбетов Ж.К. Техничко-типологическая характеристика каменной индустрии памятника Кошкурман 1 по итогам раскопок 2005 года // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 315-316.

87 Таймагамбетов Ж.К., Исаков Г.Т., Калиев Б.А. Работы на палеолитической стоянке Кошкурман 1 // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 163-164.

88 Зайберт В.Ф. Историко-культурное значение поселения Ботай // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 161-165.

89 Зайберт В.Ф., Тюлебаев А.Ж., Кулаков Ю.В., Задорожный А.В. Основные итоги изучения поселения Ботай в 2005 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 176-183.

90 Зайберт В.Ф., Тюлебаев А.Ж., Кулаков Ю.В., Задорожный А.В. Исследование поселения Ботай в 2006 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 130-132.

91 Хабдулина М.К. Археологические исследования в Акмолинской области: Городище Бузок // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 101-103.

92 Хабдулина М.К. Археологические работы на городище Бузок в 2005 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 172-176.

93 Хабдулина М.К. Проведение археологических исследований в Акмолинской области: городище Бозок за 2006 год // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 132-135.

94 Хабдулина М.К. Археологические работы на городище Бозок в 2007 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 264-267.

95 Хабдулина М.К. Археологические работы на городище Бозок в 2008 г. // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 150-153.

96 Хабдулина М.К., Орлова Л.А. Некоторые результаты исследования городища Бозок // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 160-163.

97 Горячев А.А. Могильник раннего железного века археологического комплекса в верховьях Ущелья Тургень // Известия НАН РК. Сер. общ. наук. – 2007. – № 1. – С. 3-14.

98 Горячев А.А. Археологический комплекс Тургень. Эволюция древних культур // Матер. междунар. науч. конф. «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы». – Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2011. – Т. I. – С. 256-266.

99 Горячев А.А. Археологический комплекс ущелья Тургень // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 188-192.

100 Горячев А.А. Археологический комплекс ущелья Тургень // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 141-142.

101 Горячев А.А. Археологический комплекс ущелья Тургень // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 135-139.

102 Смаилов Ж.Е., Амиров Е.Ш. Исследование сакских курганов на территории города Алматы (могильник Улжан) // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 193-195.

103 Смаилов Ж.Е., Амиров Е.Ш. Работы на могильнике Улжан в 2007 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 168-171.

104 Акылбек С.Ш., Амиров Е.Ш. Исследования на могильнике Улжан 2 в 2008 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 137-140.

105 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Железняков Б.А. Раскопки на городище Киялык // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 103-107.

106 Байпаков К.М., Акылбек С.Ш., Воякин Д.А. Археологические исследования на городище Каялык в 2005 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 187-188.

107 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Акылбек С.Ш., Железняков Б.А., Каменщиков М.В., Сорокин Д.В. Исследования средневекового Каялыка в 2006 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 150-153.

108 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Акылбек С.Ш., Сорокин М.А., Фофонов К.А. Археологические исследования Каялыка в 2007 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 211-216.

109 Байпаков К.М., Беляева Т.В., Воякин Д.А., Фофонов К.А., Сорокин Д.В. Археологические исследования городища Каялык // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 143-145.

110 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Сералы Н., Долгушев А.С., Беляева Т.В., Кудабаяев Ч.А., Сорокин Д.В. Отчет о раскопках на городище Каялык в 2009 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 153-156.

111 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Сералы Н. Археологические исследования на городище Кайлык в 2010 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2010 года. – Алматы, 2011. – С. 81-84.

112 Савельева Т.В. Результаты исследований южного рабада средневекового города Талхир в 2015 году // Известия НАН РК. Сер. общ. наук. – Алматы, 2015. – № 6 (304). – С. 223-235.

113 Савельева Т.В., Каменщиков М.В. Исследования городища Талгар // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 107-112.

114 Савельева Т.В., Каменщиков М.В. О раскопках средневекового городища Талгар в 2005 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 184-186.

115 Савельева Т.В., Каменщиков М.В. Предварительный отчет об археологических исследованиях на городище Талгар в 2006 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 183-184.

116 Савельева Т.В. Раскопки средневекового города Тальхира // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 146-149.

117 Савельева Т.В. Исследования средневекового города Тальхира в 2009 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 157-159.

118 Савельева Т.В. Продолжение раскопок средневекового Тальхира (результаты исследований в 2010 году) // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2010 года. – Алматы, 2011. – С. 87-92.

119 Досымбаева А., Нускабай А. Тюркские культово-мемориальные комплексы. Святилище Жайсан // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 128-131.

120 Досымбаева А.М., Нускабай А., Есбергенова Б. Изучение и сохранение тюркского наследия святилища Жайсан // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 223-225.

121 Досымбаева А.М., Есбергенова Б., Нускабай А. Изучение и сохранение тюркского наследия святилища Жайсан // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 137-138.

122 Досымбаева А., Богенбаев Н. Археологические исследования памятников тюркского культурного комплекса Жайсан // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 248-252.

123 Досымбаева А., Есбергенова Б., Нускабай Э., Богенбаев Н., Мордовин М., Кадримбетова Н.Н. Археологические исследования памятников тюркского культурного комплекса Жайсан в 2008 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 167-169.

124 Досымбаева А.М., Есбергенова Б.С., Нускабай Э.А., Кадримбетова Н.Н. Археологические исследования памятников тюркского культурного

комплекса Жайсан в 2009 г. // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 183-186.

125 Досымбаева А., Нускабай А. Тюркские культово-мемориальные комплексы. Святилище Мерке // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 125-128.

126 Досымбаева А.М., Нускабай А., Есбергенова Б. Изучение и сохранение тюркского наследия святилища Мерке // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 221-223.

127 Досымбаева А.М., Есбергенова Б., Нускабай А. Изучение и сохранение тюркского наследия святилища Мерке // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 161-162.

128 Досымбаева А.М., Есбергенова Б., Нускабай А. Археологические исследования тюркского могильника Каракыстак 1 // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 253-257.

129 Досымбаева А.М., Богенбаев Н.Е., Есбергенова Б.С., Нускабай А.А. Археологические исследования тюркского могильника Каракыстак 1 // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 163-166.

130 Досымбаева А.М., Нускабай Э.А., Есбергенова Б.С., Кадримбетова Н.Н. Археологические исследования памятников тюркского культурного комплекса Мерке в 2009 г. // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 187-188.

131 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Агитаев С., Туякбаев Х.К., Шарденова З.Ш. Исследования городища Акыртас // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 131-133.

132 Байпаков К.М., Антонов М.А., Воякин Д.А. Археологические исследования на архитектурно-археологическом комплексе Акыртас в 2005 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 212-216.

133 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Антонов М.А. Археологические исследования Акыртаса в 2006 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 114-117.

134 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Антонов М.А. Исследования Акыртаса в период полевого сезона 2007 года // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 258-260.

135 Антонов М.А., Акымбек Е.Ш. Археологические исследования комплекса Акыртас в 2008 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 174-177.

136 Шарденова З.Ж. Древняя крепость на городище Акыртас // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 175-179.

137 Шалекенов У.Х., Нуржанов А.А., Акымбек Е.Ш. Археологические исследования на городище Актобе (Баласагун) в 2007 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 235-237.

138 Шалекенов У.Х., Акымбек Е.Ш. Краткие итоги исследований 2008 года, проведенные на средневековом городище Актобе (Баласагун) // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 170-171.

139 Шалекенов У.Х., Акымбек Е.Ш., Байбугунов Б.А. Краткий отчет об археологических исследованиях средневекового городища Актобе (Баласагун) в 2009 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 189-190.

140 Байпаков К.М., Буряков Ю.Ф. Археологические исследования на городище Жуантобе // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 165-168.

141 Байпаков К.М., Железняков Б.А., Беляева Т.В. Отчет о раскопках городища Жуан-Тобе // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 298-301.

142 Железняков Б.А. Предварительный полевой отчет по работам на городище Жуантобе в 2006 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 145-148.

143 Железняков Б.А., Беляева Т.В. Краткие результаты работ на городище Жуантобе в 2007 г. // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 296-303.

144 Железняков Б.А. О раскопках на городище Жуантобе в 2008 г. // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 236-240.

145 Железняков Б.А. Исследования городища Жуантобе в 2009 г. // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 236-238.

146 Байтанаев Б.А., Ергешбаев А., Сулейменова Ж. Исследования на городище Жуантобе в 2010 году // Отчет об археологических исследованиях по

государственной программе «Культурное наследие» 2010 года. – Алматы, 2011. – С. 129-131.

147 Байтанаев Б.А., Ергешбаев А., Сүлейменова Ж. «Жуантөбе қалашығы» бойынша ғылыми-зерттеу жұмыстары жайлы есеп (аралық). «Мәдени мұра» ұлттық стратегиялық жобаның тұжырымдамасы // ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы АИ мұрағаты. – Қор 11. – Іс № 3017. – 34 б.

148 Шербаев Р.К., Дудаков С.А. Археологические исследования на городище Караспантобе // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 168-170.

149 Байпаков К.М., Шербаев Р.К. Археологические исследования на городище Караспантобе // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 308-311.

150 Талеев Д.А. Итоги исследования городища Караспантобе // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 149.

151 Талеев Д.А. Қараспантөбе кешенінде 2007 ж. жүргізілген зерттеудің түйіні // ҚР ҰҒА Хабарлары: Қоғамдық ғылымдар сериясы. – 2008. – № 1. – Б. 188-190.

152 Талеев Д.А. Қараспан қалашығындағы зерттеулер қорытындысы // «Еуразияның көне және ортағасырлық урбанизациясы және Шымкент қаласының жасы» халықар. ғылыми конф. мат. – Шымкент, 2008. – Б. 133-135.

153 Байтанаев Б.А., Сулейманов Р.Х., Сулейменова Ж.Ж., Ергешбаев А. Исследования на городище Караспантобе // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 251-256.

154 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Айткул Х. Исследования на городище Отрар // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 180-183.

155 Байпаков К.М., Акылбек С.Ш., Воякин Д.А., Сорокин Д.В. Исследование памятников Отрарского оазиса // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 287-294.

156 Байпаков К.М., Алдабергенов Н.О., Воякин Д., Акылбек С., Ахмет С., Антонов М. Исследования Отрарского оазиса // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 162-169.

157 Байпаков К.М., Алдабергенов Н.О., Воякин Д.А., Акылбек С.Ш., Ахмет С.З., Беляева Т.В., Маханбаева Н., Калдыбек С.Т. Отчет о работах ЮККАЭ проводимых в Отрарском оазисе по программам «Культурное наследие ЮКО: Древний Отрар» и «возрождение Древнего Отрара» // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 268-280.

158 Байпаков К.М., Алдабергенов Н.О., Воякин Д.А., Акылбек С.Ш., Кожа М.Б., Парменкулов С.Т., Сорокин Д.В. Культурное наследие: городище Отрар // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 246-249.

159 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Долгушев А.С. Исследования памятников Отрарского оазиса // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 242-244.

160 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Акылбек С.Ш., Долгушев А.С., Сорокин Д.В., Антонов М.А. Археологическое изучение городища Отрар в 2010 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2010 года. – Алматы, 2011. – С. 145-148.

161 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Долгушев А.С., Камалдинов И.Р. Отчет о научно-исследовательской работе «Городище Отрар» (промежуточный) // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Фонд 11. – Дело № 3013. – 154 с.

162 Бейсебаев А.И., Шербаев Р.К. Отчет об археологических исследованиях на городище Сауран // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 174-177.

163 Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Туякбаев М.К., Талеев Д., Бейсебаев А., Железняков Б. Исследования городища средневекового Саурана // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 301-304.

164 Елеуов М., Акымбек Е., Калиев С. Раскоп на северо-восточном въезде средневекового городища Сауран // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 257.

165 Смагулов Е.А., Туякбаев М.К., Ержигитова А.А. Жума мечеть на регистане Саурана // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 172-175.

166 Байпаков К.М., Акылбек С.Ш. Раскопки Сауранского медресе в полевом сезоне 2006 года // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 175-177.

167 Елеуов М., Акымбек Е., Калиев С. Раскопки 2006 года на северо-восточном въезде средневекового городища Сауран // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 219-220.

168 Байпаков К.М., Акылбек С., Есжан Е., Шохаяев Қ. Медресе Саурана // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 281-283.

169 Ержигитова А.А. Продолжение исследования архитектурного ансамбля Сауранского регистана // Отчет об археологических исследованиях по

государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 289-291.

170 Смагулов Е.А. Некоторые итоги исследования древнего Саурана (городище Каратобе) // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 284-288.

171 Байпаков К.М., Акылбек С.Ш., Ержигитова А.А., Шохаев К.К., Есжан Е. Отчет об археологических исследованиях на средневековом городище Сауран в 2008 году по программе «Культурное наследие» // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Фонд 11. – Дело № 2854. – 62 с.

172 Смагулов Е., Ержигитова А., Лушпенко О. Продолжение исследования объекта №3 на центральной площади Саурана // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 230-231.

173 Акылбек С.Ш., Шохаев К.К. Отчет об археологических исследованиях на раскопе 4 городища Сауран в 2009 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 232-235.

174 Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Лушпенко О.Н. Отчет об исследованиях на центральной площади Саурана // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2010 года. – Алматы, 2011. – С. 132-136.

175 Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Отчет о научно-исследовательской работе. Концепция национального стратегического проекта «Культурное наследие» по теме «Городище Сауран» (промежуточный) // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Фонд 11. – Дело № 3040. – 46 с.

176 Смагулов Е.А. Исследования на городище Сидак // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 177-180.

177 Смагулов Е.А. Исследования доисламского храмового комплекса на городище Сидак // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 304-308.

178 Смагулов Е.А. Предварительный отчет об археологических исследованиях храма на городище Сидак в Туркестанском районе ЮКО // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 181-183.

179 Смагулов Е.А. Продолжение исследований храмового комплекса на городище Сидак // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 292-295.

180 Смагулов Е.А. «Культурный двор» на цитадели Сидака // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 241-245.

181 Смагулов Е.А. Раскопки на городище Сидак в 2009 г. // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 239-241.

182 Смагулов Е.А. Итоги работ 2010 году на цитадели городища Сидак // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2010 года. – Алматы, 2011. – С. 137-139.

183 Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Отчет о научно-исследовательской работе. Концепция национального стратегического проекта «Культурное наследие» по теме «Городище Сидак» (промежуточный) // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Фонд 11. – Дело № 3038. – 50 с.

184 Байтанаев Б.А. Раскопки городища Шымкент // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 170-174.

185 Байтанаев Б.А. Археологические исследования городища Шымкент // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 311-314.

186 Байтанаев Б.А. Раскопки городища Шымкент // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 201-203.

187 Байтанаев Б.А. Культурное наследие Южно-Казахстанской области. «Городище Шымкентское». 2007 г. // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Фонд 11. – Дело № 2821. – 55 с.

188 Байтанаев Б.А., Сулейманов Р.Х., Авизова А.К., Сулейменова Ж.Ж., Ергешбаев А. Археологические исследования городища Шымкент // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 256-262.

189 Байтанаев Б.А., Сулейменова Ж., Ергешбаев А. Отчет по результатам лабораторных исследований керамических материалов с городища Шымкент // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 245-247.

190 Ержигитова А.А. Исследования могильника Борижары // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 183-187.

191 Ержигитова А.А. Исследования склепов могильника Борижары в 2005 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 316-319.

192 Ержигитова А.А. Отчет об археологических исследованиях Борижарского могильника в 2006 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 129-130.

193 Ержигитова А.А. Отчет об археологических исследованиях курганов Борижарского могильника в 2007-2008 годах // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 232-235.

194 Ержигитова А.А. Отчет по итогам археологических исследований Борижарского могильника за 2009 год // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 226-227.

195 Ержигитова А.А. Итоги археологических исследований могильника Борижары в 2010 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2010 года. – Алматы, 2011. – С. 127-128.

196 Ержігітова А.А. Ғылыми-зерттеу жұмысы туралы есеп: «Бөріжары қорымы» тақырыбы бойынша «Мәдени мұра» ұлттық стратегиялық жобасының тұжырымдамасы (аралық). 2011 ж. // ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы АИ мұрағаты. – Қор 11. – Іс № 3028. – 48 б.

197 Байпаков К.М., Айдосов А.Х., Воякин Д.А., Антонов М.А., Бермагамбетов А.Ж. Археологические исследования на дне Арала // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 119-121.

198 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Айдосов А.Х., Нургазаринов А., Баштанник С., Сорокин Д. Археологические исследования памятников на дне Аральского моря // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 238-247.

199 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Долгушев А.С., Фофонов К.А., Кудабаяев Ч.А., Амиров Е.Ш., Сорокин Д.В. Краткий отчет о полевых работах ЮККАЭ в 2008 г. на поселении Арал-Асар, в мавзолее Кердери 2 // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 215-216.

200 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Долгушев А.С., Кудабаяев Ч.А., Сорокин Д.Б. Полевые исследования на поселении Арал-Асар, на мавзолее Кердери 2 в 2009 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 219-221.

201 Ахатов Г.А., Смагулов Т.Н., Ганиева А.С., Амиргалина Г.Т. Археологические исследования древнего городища Жанкент // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 142-145.

202 Ахатов Г.А., Смагулов Т.Н. Археологические работы на цитадели древнего Жанкента // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 217-222.

203 Ахатов Г.А., Смагулов Т.Н. Археологические исследования городища Жанкент // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 212-214.

204 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Долгушев А.С., Антонов М.А., Кудабаяев Ч.А., Сералы Н. Исследования городища Жанкент в полевом сезоне

2009 года // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 215-218.

205 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Сорокин Д.В., Акылбек С.Ш., Долгушев А.С., Кудабаев Ч.А. Раскопки городища Жанкент в 2010 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2010 года. – Алматы, 2011. – С. 117-119.

206 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Долгушев А.С., Сорокин Д.В., Сералы Н.О. Отчет о научно-исследовательской работе «Городище Джанкент» (промежуточный) // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Фонд 11. – Дело № 3014. – 124 с.

207 Ломан В.Г., Варфоломеев В.В. Археологические раскопки поселения Кент // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 147-149.

208 Варфоломеев В.В., Евдокимов В.В. Археологические работы на поселении Кент в 2005 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 236-240.

209 Варфоломеев В.В. Раскопки в центральной части Кента // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 154-155.

210 Варфоломеев В.В. Продолжение исследований в центральной части поселения Кент // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 184-187.

211 Варфоломеев В.В. Работы с материалами поселения Кент по Государственной программе «Культурное наследие» // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 194-197.

212 Варфоломеев В.В. Исследования поселения Кент в 2009 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 205-206.

213 Варфоломеев В.В. Археологические исследования на поселении Кент в 2010 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2010 года. – Алматы, 2011. – С. 104-105.

214 Варфоломеев В.В. Отчет о научно-исследовательской работе по государственной программе «Культурное наследие»: «Поселение Кент». 2011 г. // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Фонд 11. – Дело № 3024. – 34 с.

215 Бейсенов А.З., Касеналин А.Е. Археологические исследования на могильнике Бегазы // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 172-174.

216 Бейсенов А.З., Касеналин А.Е., Жамбулатов К.А. Исследование памятников Бегазы-дандыбаевской и Тасмолинской культур // Отчет об

археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 185-189.

217 Бейсенов А.З., Жамбулатов К.А., Касеналин А.Е. Исследование памятников Бегазы-дандыбаевской и Тасмолинской культур в Карагандинской области // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 197-199.

218 Бейсенов А.З., Касеналин А.Е., Жамбулатов К.А. Новые исследования на памятниках Бегазы-Дандыбаевской и Тасмолинской культур Центрального Казахстана // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2010 года. – Алматы, 2011. – С. 101-103.

219 Бейсенов А.З., Касеналин А.Е., Жамбулатов К.А., Дуйсенбай Д. Государственная программа «Культурное наследие». Отчет по теме «Памятники Бегазы-Дандыбаевской и Тасмолинской культур» (промежуточный). 2011 г. // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Фонд 11. – Дело № 3023. – 40 с.

220 Смаилов Ж.Е., Ахатов Г.А., Туртулов А.Н. Археологические исследования городища Хан-Ордасы в 2009 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 207-209.

221 Ахатов Г.А. Археологические исследования на городище Хан-Ордасы // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2010 года. – Алматы, 2011. – С. 112-114.

222 Ахатов Г.А. Отчет о научно-исследовательской работе. Концепция стратегического национального проекта «Культурное наследие». Тема: «Городище Хан Ордасы» (промежуточный). 2011 г. // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Фонд 11. – Дело № 3011. – 40 с.

223 Логвин А.В., Шевнина И.В. Раскопки могильника Бестамак в 2005 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 258-260.

224 Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В., Нетета А.В. Исследования могильника Бестамак в 2006 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 123-127.

225 Мерц В.К. Исследования многослойной стоянки Шидерты III // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 265-271.

226 Мерц В.К. Раскопки на стоянке Шидерты 3 в 2006 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 195-198.

227 Смагулов Т.Н. Археологические исследования на некрополе Аулиеколь // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 223-229.

228 Смагулов Т.Н., Жанисов А.Т., Казизов Е.С. Исследования на археологическом комплексе Аулиеколь // Отчет об археологических

исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 228-231.

229 Смагулов Т.Н., Жанисов А.Т., Казизов Е.С., Пересветов Г.Ю., Айлыбаев Т.К. Работы на археологическом комплексе Аулиеколь в 2009 г. // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 224-225.

230 Смагулов Т.Н., Пересветов Г.Ю., Казизов Е.С., Айлыбаев Т.К. Работы на археологическом комплексе Аулиеколь // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2010 года. – Алматы, 2011. – С. 123-126.

231 Смагулов Т.Н., Пересветов Г.Ю., Айлыбаев Т.К., Казизов Е.С., Исмаилов А. Отчет о НИР (программа «Культурное наследие»). Тема: «Археологические исследования городища Аулиеколь» (промежуточный) // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Фонд 11. – Дело № 3051. – 41 с.

232 Смагулов Е.А. Исследования на некрополе Кыркоба // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 137-141.

233 Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., Сдыков М.Н. Исследования курганов могильного комплекса Кырык-Оба // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 231-235.

234 Смаилов Ж.Е. Археологические исследования на некрополе Кырыкоба // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 226-228.

235 Смаилов Ж.Е., Сейткалиев М.К. Исследование могильника Кырык-Оба // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 159-161.

236 Смаилов Ж.Е., Сейткалиев М.К. Археологические исследования некрополя Кырык-Оба II в 2007 г. // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 165-167.

237 Смаилов Ж.Е., Сейткалиев М.К. Археологические исследования на н. Кырык-Оба II в 2008 г. // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 178-181.

238 Смаилов Ж.Е., Казизов Е.С. Археологические исследования некрополя Кырык-Оба II в 2009 г. // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 191-193.

239 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Сейткалиев М.К. Археологические исследования на могильнике Кырык-Оба II в 2010 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2010 года. – Алматы, 2011. – С. 99-100.

240 Ахатов Г.А., Бермагамбетов А.Ж. Археологические работы на городище Жайык // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 133-137.

241 Ахатов Г.А. Археологические работы на городище Жайык // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 228-231.

242 Ахатов Г.А. Археологические исследования средневекового городища Жайык // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 139-141.

243 Бейсенов А.З. (отв. ред.) Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы // Матер. междунар. науч. конф., посв. 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Алматы: Хикари, 2011. – Т. I. – 428 с. – Т. II. – 344 с. – Т. III. – 328 с.

244 Байтанаев Б.А. (отв. ред.) Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана // Сб. науч. статей, посвященный 20-летию Независимости Казахстана (1991-2011). – Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2011. – 444 с.

245 Ажигали С.Е. (отв. ред.) Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии» // Матер. II междунар. науч. конф., посв. 20-летию независимости Республики Казахстан. – Алматы-Актобе: Арыс, 2011. – 404 с.

246 Зайберт В.Ф. Ботай. У истоков степной цивилизации. – Алматы: Балауса, 2011. – 480 с.

247 Зайберт В.Ф. Основные итоги изучения ботайской культуры и ее роль в древней истории Казахстана // Сб. науч. статей, посв. 20-летию Независимости Казахстана (1991-2011) «Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана». – Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2011. – С. 43-56.

248 Зайберт В.Ф. Ботайская культура. – Алматы: ҚазАқпарат, 2009. – 576 стр.

249 Зайберт В.Ф., Тюлебаев А.Ж., Кулаков Ю.В., Задорожный А.В. Тайны древней степи. – Кокшетау: КГУ им. Ш. Уалиханова, 2007. – 163 с.

250 Ажигали С.Е. Памятники Манкыстау и Устюрта: книга-альбом: на 3 языках (каз., рус., англ.). – Алматы: Өнер, 2014. – 504 с.

251 Самашев З., Онгар А., Оралбай Е., Киясбек Г. Храм-святилище – Кызылуийк. – Астана: ТОО «Археология», 2011. – 200 с.

252 Тасмагамбетов И., Самашев З. Сарайчик. – Алматы: ОФ «Берел», 2001. – 320 с.

253 Самашев З. Берел. – Алматы: Таймас, 2011. – 236 с.

254 Самашев З., Сапашев О., Оралбай Е., Төлегенов Е., Исин А., Сайлаубай Е. Памятники монументального искусства Восточного Казахстана (древность и средневековье). – Алматы: ТОО «Археология», 2010. – 216 с.

255 Толеубаев А.Т. Проблемы эпохи бронзы и раннего железного века Казахстана. – Алматы: Service Press, 2013. – Т.1. – 496 с.

- 256 Толеубаев А.Т. Раннесакская Шиликтинская культура. – Алматы: ИП «Садвакасов А.К.», 2018. – 528 с.
- 257 Омаров Ғ.Қ. Шығыс Қазақстанның ерте темір дәуірі. – Алматы: Қазақ университеті, 2015. – 256 б.
- 258 Байпаков К.М., Капекова Г.А., Воякин Д.А., Марьяшев А.Н. Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. – Тараз: Археологическая экспертиза, 2011. – 620 с.
- 259 Байпаков К. М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Кн. I: Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы-раннем средневековье. – Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2012. – 390 с.
- 260 Байпаков К.М. Великий Шелковый путь на территории Казахстана. – Алматы: Адамар, 2007. – 496 с.
- 261 Досымбаева А., Богенбай Н. Жайсан – сакральная земля тюрков долины реки Чу. – Алматы: Evo Press, 2015. – 192 б.
- 262 Досымбаева А.М. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. – Алматы: Тюркское наследие, 2006. – 168 с.
- 263 Досымбаева А.М. История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. – Алматы: Service Press, 2013. – 250 с.
- 264 Артюхова О.А., Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е. Комплекс памятников в урочище Талдысай. – Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2013. – Т. 1. – 400 с.
- 265 Ермолаева А.С., Курманкулов Ж., Ержанова А.Е. Поселение Талдысай – памятник технической культуры степных племен Улытау // Матер. междунар. научн. конф. «Роль степных городов в цивилизации номадов». – Астана, 2008. – С. 124-130.
- 266 Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е. Поселение Талдысай – памятник древней металлургии. – Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2012. – 132 с.
- 267 Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В. Могильник Бегазы. Центральный Казахстан в Бегазы-Дандыбаевскую эпоху. – Алматы: Инжу-Маржан, 2008. – 112 с.
- 268 Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники Бегазы-Дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. – Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2014. – 192 с.
- 269 Бейсенов А.З., Мусаева Р.С. Культурное наследие как важный аспект современного образования // Интеграция образования. – 2015. – Т. 19, № 1. – С. 65–73.
- 270 Байғонақов Д.С. «Мәдени мұра» бағдарламасы: көне тарихтың мәселелері мен кейбір қорытындылары // Заң. – 2008. – № 9. – Б. 19-22.
- 271 Байғонақов Д.С. Археология институтының мұрағаты – 2004-2006 жылдардағы мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасының көне археологиялық дерек көзі // Қазақстан мұрағаттары. – 2008. – № 4 (8). – Б. 68-73.

272 Байғонақов Д.С. Ежелгі Қазақстан археологиясы және «Мәдени мұра» Ұлттық Стратегиялық Жобасы // Қазақстан 20 жыл тәуелсіздік ішінде: халықар. ғыл. конф. матер. – Варшава: ALMAMER, 2011. – Б. 13-28.

273 Садықов Т.С. (отв. ред.) Культурное наследие Казахстана: открытия, проблемы, перспективы // Матер. междунар. науч. конф. – Алматы: КазНПУ, 2005. – 332 с.

274 Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия // Матер. респуб. науч.-практ. конф. – Алматы: Казак университеті, 2006. – 314 с.

275 Темирбеков Н. (глав. ред.) Вклад ученых КазНУ имени аль-Фараби в реализацию программы «Культурное наследие»: достижения и перспективы развития // Матер. междунар. науч.-практ. конф. – Алматы: Казак университеті, 2009. – 310 с.

276 Атабаев Қ.М. (жауапты ред.) «Мәдени мұра» – казак тарихының дерек көзі // Мақалалар жинағы. – Алматы: Казак университеті, 2013. – 156 б.

277 Абусейтова М.Х. Государственная программа «Мәдени мұра» и формирование национальной идеи как основа устойчивого развития Казахстана // Инициативы, направленные в мир. Коллективная монография. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2011. – С. 243-249.

278 Абусейтова М.Х. Новые открытия в истории изучения Казахского ханства [Электронный ресурс] // Сайт Института истории государства – Режим доступа: http://www.history-state.kz/ru/?ELEMENT_ID=607 (дата обращения: 12.02.2019).

279 Тәшенов Т. «Мәдени мұра» – ұлттық тарихтың негізі // Айқын. – 2011. қараша – 1.

280 Мажитов С.Ф., Сыздықов С.М., Калиев Ж.А. Түркілердің тарихи-мәдени мұрасы Орталық Азия және Еуразиялық контексте: ғылыми-зерттеу жұмыс туралы есеп 2006-2008 жж. – Алматы: Тарих тағылымы, 2009. – 47 б.

281 Мыңбай Д. «Мәдени мұра» ұлттық сана сілкінісі // Мирас. – 2009. – № 1. – Б. 71-77.

282 Қасқабасов С. Бағдарламаның екінші кезеңі басталды // Ақиқат. – 2009. – № 4. – Б.18-21.

283 Қасқабасов С. Жұрта қалған жұмбақты кім шешеді? немесе мәдени мұра өз деңгейінде зерттеліп жатыр ма? // Дала мен қала. – 2009, қаңтар – 22.

284 Асонова А. Сохранить и приумножить // Центр Азии. – 2009. – №11. – С. 50-53.

285 Алим М. Сохраним памятники для будущих поколений (о программе «Культурное наследие» Жамбылской области на 2008-2009 годы) // Знамя труда. – 2008, март – 4.

286 Калыбекова К.С. Закон Республики Казахстан «О культуре». государственные программы «Культурное наследие» и «Народ в потоке истории» // Культура, традиции и самобытность. – Караганда: Изд-во КарГТУ, 2014. – Сб. 3. – 98 с.

287 Караманова М.С. Государственная программа «Культурное наследие» Казахстана: этапы ее реализации и значение. // Вестник КГУ имени Коркыт Ата. – 2011. – № 2. – С. 24-26.

288 Кумыспаев С.С. Роль государственной программы «Культурное наследие» при изучении социально-гуманитарных дисциплин в условиях глобализации // Вестник Актыбинского университета им. С. Баишева. – 2009. – № 4. – С. 10-14.

289 Ильясова Г.С. Место историко-культурного наследия в системе культурной политики Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Научный портал «Qazaqstan tarihy» – Режим доступа: <http://e-history.kz/ru/contents/view/1614> (дата обращения: 10.01.2018).

290 Аязбеков К. На пути восстановления исторической памяти [Электронный ресурс] // Портал «Nomad» – Режим доступа: <http://nomad.su/?a=15-201311270016> (дата обращения: 11.01.2018).

291 Мажитов С.Ф. Национальный стратегический проект «Культурное наследие» в контексте современной истории Казахстана // Сборник материалов и документов «Елбасы және мәдениет». – Алматы: ОФ «Ел-шежіре», 2012. – 312 с.

292 Отарбаева Г.К., Отарбаева А.К., Мусаева С.Т. Проблемы сохранения историко-культурных и природных территорий в свете государственной программы Республики Казахстан «Культурное наследие» // Қазақ өркениеті-Казахская цивилизация. – 2015. – № 4. – С. 100-106.

293 Строгеецкий В.М. Создатель истории как науки Фукидид. Ч. 1: Фукидид «Археология» и его метод. – М: Флинта, 2016. – 186 с.

294 Платон - Полное собрание творений Платона в 15 томах / Перевод под ред. С.А. Жебелева, Э.Л. Радлова. – Л: Academia, 1924. – Т. IX. – 144 с.

295 Фукидид. История. / пер. и примеч. Г.А. Стратановского. – М: Ладомир-АСТ, 1999. – 736 с.

296 Фаган Б., ДеКорс К. Археология. Вначале / пер. с англ.; под ред Н.Ю. Струкова. – М.: Техносфера, 2007. – 592 с.

297 Клейн Л.С. История археологической мысли. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2011. – Т. 2. – 624 с.

298 Кузнецов О.В. Процессуализм и постпроцессуализм в современной археологической теории // Известия Лаборатории древних технологий ИрГТУ. – 2004. – Вып. 2. – С. 19-23.

299 Клейн Л.С. Археологические теории третьего тысячелетия на западе // Camera Praehistorica. – 2018. – №1. – С. 150-158.

300 Аникович М.В. Методология археологии и новые подходы к изучению верхнего палеолита Евразии: избранные лекции. – Новосибирск: НГУ, 2010. – 56 с.

301 Маргулан А.Х. Сочинения. В 14 томах. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001-2010.

302 Алпысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 208 с.

303 Хабдулина М.К. (отв. ред.) Диалог культур Евразии в археологии Казахстана // Сб. науч. статей, посв. 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. – Астана: Сарыарка, 2014. – 736 с.

304 Вопросы археологии Казахстана // Сб. памяти М.К. Кадырбаева (1932-1982 гг.). – Алматы; Москва: Ғылым, 1998. – Вып. 2. – 234 с.

305 Самашев З. М.К. Кадырбаев и некоторые вопросы археологии раннего железного века Казахстана // Матер. III междунар. науч. конф. «Кадырбаевские чтения-2012». – Актобе: ГККП «Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии», 2012. – С. 6-20.

306 Толеубаев А.Т. (отв. ред.) Материалы международной научно-практической конференции «Оразбаевские чтения». – Алматы: Қазақ университеті, 2010. – 410 с.

307 Үмітқалиев Ұ.Ұ. Қазақстан археологиясындағы Ә.М. Оразбаевтың тұлғасы. – Алматы: Эверо, 2015. – 224 б.

308 Профессор Шәлекенов Уахит Хамзаұлы. Библиографиялық көрсеткіш. Құраст. Г.С. Коурдакова. – Алматы: Қазақ университеті, 1999. – 31 б.

309 Самашев З. Наскальные изображения Казахстана как исторический источник: дисс. ... док. ист. наук: 07.00.06. / Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. – Алматы, 2010. – 352 с. Инв. № 0510РК00129.

310 Ажигали С.Е. О необходимости развития в Казахстане «памятниковедения» – как важнейшего научно-практического направления в сфере культуры // Матер. 1-го и 2-го Симп. по «казахскому памятниковедению». – Алматы; Атырау: Ағатай, 2012. – С. 19-23.

311 Ажигали С.Е. Актуальное направление науки: «казахское памятниковедение» // Мысль. – 2013. – № 6. – С. 38-43.

312 Ажигали С.Е. Памятниковедение казахское, украинское, повсеместное...: размышления об актуальной научно-практической дисциплине // Ніжинська старовина: збірник регіональної історії та пам'яткознавства. – Ніжін; Київ: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОPIК, 2017. – С. 5–22.

313 Ажигали С.Е. Судьбы современного памятниковедения на постсоветском пространстве // Вестник Омского университета. Серия «История». – 2018. – №3 (19). – С. 74-89.

314 Досымбаева А.М. Тюркское наследие Казахстана как источник по истории тюркских народов Евразии // Матер. междунар. науч. конф. «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы». – Алматы: Хикари, 2011. – Т. II. – С. 274-282.

315 Хабдулина М.К. Кочевая цивилизация: критерии и понятия // Известия МН-АН РК. Сер. общ. наук. – 1997. – № 1. – С. 3-9.

316 Байпаков К.М., Цинман М.З. Социально-экономический строй кочевых обществ (вопросы совершенствования методологии) // Известия НАН РК. Сер. общ. наук. – 1993. – № 5. – С. 12-19.

- 317 Байғонақов Д.С. Ежелгі Қазақстан тарихының тарихнамасы (палеолиттен ерте орта ғасырларға дейін): тарих ғыл. док. дис. ... авторефераты. – Алматы: Әрекет-Принт, 2010. – 55 б.
- 318 Байғонақов Д.С. Көне тарихты зерттеудегі негізгі ғылыми бағыттар // Ақиқат. – 2010. – № 2. – Б. 74-78.
- 319 Байғунаков Д.С. О некоторых проблемах методологии исследования каменного века Казахстана // Археология Азербайджана. – 2011. – Вып. 14. – № 1. – С. 9-21.
- 320 Зайберт В.Ф. Основные концептуальные положения изучения древней истории Казахстана // Матер. междунар. науч.-метод. конф. «X Оразбаевские чтения». – Алматы: Қазақ университеті, 2018. – С. 33-40.
- 321 Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Труды М.К. Кадырбаева как источник по изучению палеосоциологической ситуации населения раннего железного века казахских степей // Отан тарихы. – 2020. – № 1 (89). – С. 30-42.
- 322 Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
- 323 Мирошниченко Л.Н., Шарый В.И. Понятия «парадигмы» и «парадигмального подхода» в истории и методологии науки // Новая наука: от идеи к результату. – 2017. – № 1-3. – С. 194-198.
- 324 Большаков А.М. Вспомогательные исторические дисциплины: археология, архивоведение, география историческая, геральдика, дипломатика, метрология, нумизматика, палеография, сфрагистика, эпиграфика. – Тверь: Тверское изд-во, 1922. – 121 с.
- 325 Кареев Н.И. Избранные труды. – М: РОССПЭН, 2010. – 597 с.
- 326 Румянцева М.Ф. Вспомогательные исторические дисциплины в системе субдисциплин современной исторической науки: приглашение к дискуссии [Электронный ресурс] // Научный портал «Источниковедение». – Режим доступа: <http://ivid.ucoz.ru/publ/obsuzhdenija/rumianceva2012/12-1-0-126> (дата обращения: 12.09.2018).
- 327 Гражданников Е.Д., Фелингер А.Ф., Холушкин Ю.П. Системная классификация разделов археологии. // Сб. науч. статей «Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии». – Новосибирск: «Наука» СО, 1989. – С. 5-16.
- 328 Подзюбан Е.В. Американская историческая школа и культурная концепция Ф. Боаса: историографический обзор. // Вестник КемГУКИ. – 2014. – Вып. 29 (2). – С. 33-43.
- 329 Данилевский И.Н., Добровольский Д.А., Казаков Р.Б., Маловичко С.И., Румянцева М.Ф., Хоруженко О.И., Швейковская Е.Н. Источниковедение. – М.: Изд-во ВШЭ, 2015. – 685 с.
- 330 Тихонов И.Л. А.С. Лаппо-Данилевский и археология // Клио. – 2013. – № 12 (84). – С. 115–119.
- 331 Пушкирев Л.Н. Классификации русских письменных источников по отечественной истории. – М.: Наука, 1975. – 282 с.

- 332 Шмидт С.О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. – 1985. – Вып. 16. – С. 3-23
- 333 Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. Изд. 2-е, доп. – М.: Наука, 2003. – 486 с.
- 334 Атабаев Қ. Қазақстан тарихының деректанулық негіздері. – Алматы: Қазақ университеті, 2002. – 302 б.
- 335 Атабаев, Қ. Деректану. – Алматы: Қазақ тарихы, 2007. – 272 б.
- 336 Атабаев Қ.М., Тасилова Н.А., Толамисов А.Ғ. Деректану пәнін оқыту методикасы: оқу құралы. – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – 301 б.
- 337 Соффер О.А. Организация и финансирование археологии в США // Археологические вести. – 1993. – Вып. 2. – С. 213-220.
- 338 Bourgeon L., Burke A., Higham T. Earliest Human Presence in North America Dated to the Last Glacial Maximum: New Radiocarbon Dates from Bluefish Caves, Canada // PLOS ONE. – 2017. – Vol. 12, № 1. – P. e0169486.
- 339 Жакишева С.А. Историческая информатика в Казахстане: теория, историография, методики и технологии: монография. – Алматы: КазАТиСО, 2011. – 336 с.
- 340 Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации: к постановке проблемы // История СССР. – 1982. – № 3. – С. 129-148.
- 341 Бовыкин В.И. Проблемы изучения исторической информации (к вопросу об информационном источниковедении) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». – 1998. – № 23. – С. 8-9.
- 342 Репина Л.П. Междисциплинарность и история // Альманах интеллектуальной истории «Диалог со временем». – 2004. – Вып. 11. – С. 5-17.
- 343 Гражданников Е.Д., Холюшкин Ю.П. Системное решение вопроса о статусе археологии как науки (к дискуссии о предмете археологии) // СА. – 1991. – № 2. – С. 111-114.
- 344 Пучкова О.С. Археологический источник: состояние проблемы // Вестник Омского университета. – 2001. – № 4. – С. 68-70.
- 345 Клейн Л.С. Археологические источники. Л.: ЛГУ, 1978. – 148 с.
- 346 Плахин В.Т. Гносеологическая специфика исторических источников // Межвуз. сб. «Алтай в эпоху камня и раннего металла». – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1985. – С. 15-28.
- 347 Клейн Л.С. Археологическое исследование: методика кабинетной работы археолога. – Кн. 1. – Донецк: ДонНУ, 2012. – 622 с.
- 348 Васильев С.А. Работа археолога: от раскопа до книги (Клейн Л. С. Археологическое исследование: методика кабинетной работы археолога) // Российский археологический ежегодник. – 2013. – № 3. – С. 696-702.
- 349 Палиенко С.В. Концепция предмета археологии в научном творчестве Л.С. Клейна // Сб. статей памяти Льва Самуиловича Клейна. – СПб: ИИМК РАН, 2020. – С. 29-48.
- 350 Шер Я.А. Еще раз об археологических источниках и «заклученной» в них информации // Сб. статей, посвященный 77-летию Льва Самойловича

Клейна «Археолог: детектив и мыслитель». – СПб: Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 114-123.

351 Евглевский А.В., Говорун В.А. Археолог – не историк, вооруженный лопатой: о месте археологии в пространстве наук // Матер. III междунар. науч. конф. «Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности». – Донецк: ДонНУ, 2018. – С. 289-291.

352 Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию: учебное пособие / под ред. Г. Чередниченко и О. Гусаковой. – Кн. 1: Метаархеология. – СПб: Бельведер, 2004. – 470 с.

353 Холушкин Ю.П. Еще раз к вопросу о системном решении вопроса о статусе археологии как науки // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. – 2006. – Вып. 10. – С. 6-14.

354 Григорьев Г.П. О предмете археологии // Сборник научных трудов «Описание и анализ археологических источников». – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1981. – С. 3-15.

355 Васильев С.А. Г.П. Григорьев, продолжатель дела С.Н. Замятина // Замятинский сборник «Каменный век: от Атлантиды до Пацифики». – СПб: МАЭ РАН, ИИМК РАН, 2014. – Вып. 3. – С. 3-11.

356 Клейн Л.С. Историзм в археологии // Археологические вести. – 1993. – Вып. 2. – С. 135-144.

357 Башилов В.А., Лооне Э.Н. Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии // СА. – 1986. – № 3. – С. 192-208.

358 Мартынов А.И. Археология СССР. – М.: Высшая школа, 1973. – 295 с.

359 Мартынов А.И. Археология: учебник для вузов / под ред. Л.П. Желобановой. – Изд. 5-е, перер. – М.: Высшая школа, 2005. – 447 с.

360 Шер Я.А. К характеристике структуры общей археологии // Тезисы докладов сессии, посвящённой итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР «ТД СПИПАИ 1972 года». – Ташкент: Фан, 1973. – С. 53-56.

361 Археология: учебник для вузов / под ред. В.Л. Янина. – М.: Изд-во МГУ, 2006. – 608 с.

362 Шер Я.А. Вступительная статья // в кн.: Гарден Ж.К. «Теоретическая археология». – М.: Прогресс, 1983. – С. 5-28.

363 Советская археология. – 1988. – № 1. – С. 208-231.

364 Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология научного исследования. – Изд. 2-е. – М.: Либроком, 2013. – 272 с.

365 Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования: учебное пособие для вузов / под ред. О.К. Смирновой. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2002. – 240 с.

366 Елеуов М. Археологиялық зерттеулердің әдістері: оқу құралы / М.М. Бахтыбаев редакциясымен. – Түркістан: Тұран, 2006. – 151 б.

367 Авдусин Д.А. Полевая археология СССР: учебное пособие / под. Ред. А.С. Янковой. – Изд. 2-е, перер. и доп. – М.: Высшая школа, 1980. – 335 с.

368 Малышева С.Ю. Основы архивоведения: учебное пособие / под ред. А.Л. Литвина. – Казань: Хэтер, 2002. – 170 с.

- 369 Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. – М.: РГГУ, Ин-т «Открытое общество», 2004. – 701 с.
- 370 Burke H., Morrison M., Smith C. The Archaeologist's Field Handbook. – Second Edition. – Sydney: Allen&Unwin Academic, 2017. – 536 p.
- 371 Артықбаев Ж.О. Қазақстан тарихы (90 сұрақ және жауап). – Астана, 2004. – 147 б.
- 372 Балков Е.В., Манштейн А.К., Чемякина М.А., Манштейн Ю.А., Эпов М.И. Опыт применения электромагнитного частотного зондирования для решения археолого-геофизических задач // Геофизика. – 2006. – № I. – С. 43-50.
- 373 Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б., Кариев Е.М., Сагындыкова С.Т. Полевые исследования в Жарминском районе Восточно-Казахстанской области (результаты электромагнитного профилирования) // Материалы Международной научно-практической конференции «Естественнонаучные методы в современных археологических исследованиях: теория и практика», КазНУ им. аль-Фараби, 30 октября 2020 г. – Алматы: Қазақ университеті – С. 49-56.
- 374 Полевая археология древнекаменного века // КСИА. – 1990. – Вып. 202. – 120 с.: ил.
- 375 Блаватский В.Д. Античная полевая археология (Материалы и исследования по археологии СССР №146). – М.: Наука, 1967. – 208 с.
- 376 Шелов Д.Б. (отв. ред.) Методика полевых археологических исследований. – М.: Наука, 1983. – 82 с.
- 377 Шелов Д.Б. (отв. ред.) Методика полевых археологических исследований. – Л.: Наука, 1989. – 103 с.
- 378 Холушкин Ю.П. (отв. ред.) Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. – Новосибирск: НГУ, 2006. – Вып.10. – 105 с.
- 379 Грушин С.П., Сосновский И.А. Фотограмметрия в археологии – методика и перспективы // Теория и практика археологических исследований. – 2018. – № 1. – С. 99-105.
- 380 Колпаков Е.М., Назаренко В.А. Методология археологических раскопок // Сб. статей, посвящённый 77-летию Льва Самойловича Клейна «Археолог: детектив и мыслитель». – СПб.: СПбГУ, 2004. – С. 100-104.
- 381 Клейн Л.С. Археологическое исследование: методика кабинетной работы археолога. – Кн. 2. – Донецк: ДонНУ, 2013. – 599 с.
- 382 Самашев З., Боковенко Н.А., Чотбаев А.Е., Кариев Е.М. Культура саков и скифов Великого Пояса Евразийских степей // Мир Большого Алтая. – 2016. – № 2 (4.1). – С. 719-736.
- 383 Акишев К.А. Иссыкское письмо и руническая письменность // Матер. междунар. науч.-практ. конф. «Древнетюркская цивилизация: памятники письменности». – Алматы: Гылым, 2001. – С. 389-395.
- 384 Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж. Археология Казахстана: учебное пособие для вузов / под ред. В.Н. Сейткуловой. – Алматы: Қазақ университеті, 2006. – 355 с.

385 Самашев З. Производственный центр ранних саков в Казахском Алтае (поселенческий комплекс Акбауыр) // Археология Южной Сибири. – 2020. – Вып. 28. – С. 103-118.

386 Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. – Алматы: Инжу-Маржан, 2009. – 264 с.

387 Бейсенов А.З. Об использовании данных казахской этнографии в археологических исследованиях // Матер. междунар. конф. «II Аргынбаевские чтения». – Алматы: Қазақ университеті, 2014. – С. 87-90.

388 Бейсенов А.З. К.А. Акишев и вопросы изучения памятников казахского времени // Матер. междунар. археол. науч.-практ. конф. «Маргулановские чтения-2019». – Нур-Султан: Глобус, 2019. – С. 10-38.

389 Руденко С.И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. – М.: Искусство, 1968. – 136 с.

390 Амиров Е.Ш. Археологические исследования на могильнике Улжан (предварительные итоги) // Известия НАН РК. Сер. общ. наук. – 2008. – № 1 (254). – С. 29–34.

391 Нурпеисов М., Бесетаев Б., Чотбаев А., Киясбек Г., Толегенов Е. Исследование аварийного кургана № 2 сакского могильника Улжан на территории города Алматы // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи: матер. междунар. науч. конф. – Астана: Изд. группа ПЦК РК, 2008. – С. 225-240.

392 Қариев Е., Самратова Д. ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАН археологиялық ескерткіштерінің зерттелу тарихы («Мәдени мұра» ұлттық бағдарламасына еңген ескерткіштер) // Қазақ тарихы. – 2017. – № 7. – Б. 23-24.

393 Наглер А., Кариев Е. Вклад немцев в исследование истории и культуры Казахстана // Археологические исследования степной Евразии: сборник статей к 70-летию В.В. Евдокимова. – Қарағанды: TENGRI Ltd, 2013. – С. 225-231.

394 Самашев З., Чотбаев А., Кариев Е., Киясбек Г., Самашев С., Ахмадиев Ж. Берел в истории культуры древних кочевников Казахского Алтая. – Астана: Фолиант, 2018. – 262 с.

395 Төлегенов Е., Оралбай Е., Бесетаев Б. Сарыкөл ескерткіштеріндегі жаңа зерттеулер (семантикасы мен интерпретациясы) // әл-Фараби атындағы ҚазҰУ ғалымдарының «Мәдени мұра» бағдарламасын жүзеге асыруға қосқан үлестері: жетістіктері мен даму бағыттары: халықар. ғыл.-тәжір. конф. матер. – Алматы: Қазақ университеті, 2009. – Б. 41-44.

396 Төлегенов Е., Оралбай Е., Қариев Е., Әлжанов Қ. Сарыкөл ескерткіштеріндегі 2010 жылғы қазба жұмыстарының қорытындылары // Марғұлан оқулары-2011: халықар. археол. конф. матер. – Астана: ЕҰУ, 2011. – Б. 365-372.

397 Свод Памятников Истории и Культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. – Т. 1: Чимкентская область. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1994. – 368 с.

398 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Антонов М.А., Акылбек С.Ш., Сорокин Д.В. Создание геоинформационной системы Борижарского могильника // Известия НАН РК. Сер. общ. наук. – 2008. – № 1. – С. 239-247.

399 Ержанова А.Е., Мерц В.К., Ченченкова О.П. Зооморфный «утюжок» из поселения Талдысай // Матер. всерос. археол. науч.-практ. конф. «Шестые Берсовские чтения». – Екатеринбург: Квадрат, 2011. – С. 73–74.

400 Ажигали, С. Хан моласы – место захоронения Абулхаир-хана // Отан тарихы. – 1999. – № 2. – С. 11-19.

401 Бекназаров, Р.А. О некоторых актуальных проблемах современного памятниковедения: на материалах ЗККЭАЭ Актюбинской области // Отан тарихы. – 2018. – № 4. – С. 5-15.

402 Ажигали С.Е. Как была найдена могила Абулхаир-хана // Матер. междунар. науч. конф. «Развитие Казахского ханства: эпоха, события, личности». – Актобе: М. Стиль, 2015. – С. 5-11.

403 Байпаков К.М., Горячев А.А., Мотов Ю.А. Отчет о раскопках поселения эпохи бронзы Бутакты-I в 2008 г. Программа «Культурное наследие» // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Фонд 11. – Дело № 2852. – 134 с.

404 Горячев А.А., Мотов Ю.А. Отчет о раскопках поселения эпохи бронзы Бутакты-I в 2010 г. Программа «Культурное наследие» // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Фонд 11. – Дело № 2976. – 202 с.

405 Мотов Ю.А. Урочище Ой-Джайляу – археологический комплекс тюркского культурного наследия // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 261-263.

406 Мотов Ю.А. О полевых исследованиях в урочище Ой-Джайляу в 2008 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 172-173.

407 Мотов Ю.А. Исследования памятников в урочище Ой-жайляу по программе «Культурное наследие» в 2009 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 148-150.

408 Савельева Т.В., Шербаев Р.К. Исследование городища Большая Алматы (Алмарасан) в 2009 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 140-141.

409 Марьяшев А.Н. Раскопки поселений Ак-Кайнар и Асы-I в 2009 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 151-152.

410 Берденов С.А., Гарнер Дж., Горелик А., Куш Г., Мерц В., Самашев З., Черны Я., Штольнер Т. Исследование шахт по добыче оловянной руды, поселения и некрополя эпохи бронзы в горном массиве Дельгебетей (Аскаралы II) в Восточном Казахстане // Отчет об археологических

исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007. – С. 122-123.

411 Елеуов М., Калиев С., Есенов С. Археологические исследования на средневековом городище Тамды в 2009 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 180-182.

412 Елеуов М., Калиев С., Есенов С., Бейсебаев А. Археологические исследования 2010 года на средневековом городище Туймекент // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2010 года. – Алматы, 2011. – С. 97-98.

413 Талеев Д.А. Предварительные результаты раскопок городища Созак // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 257-259.

414 Смагулов Е.А. Исследования городища Культобе в Туркестане в 2010 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2010 года. – Алматы, 2011. – С. 141-144.

415 Смагулов Е., Туякбаев М. Отчет об археологических исследованиях шахристана городища Ески Туркестан в 2009 г. // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 228-229.

416 Оңтүстік Қазақстан облысының 2006-2008 жылдарға арналған «Мәдени мұра» өңірлік бағдарламасын жүзеге асыру жоспары // ОҚО әкімдігінің мәдениет басқармасы. – Шымкент, 2005. – 13 б.

417 Курманкулов Ж., Болелов С., Утубаев Ж., Дарменов Р., Торежанова Н. Исследования на укрепленной усадьбе Баланды 1 в 2007 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 230-234.

418 Курманкулов Ж., Жетибаев Ж., Утубаев Ж., Дарменов Р., Тажекеев А. Археологические исследования на укрепленной усадьбе Баланды 1 и в ее окрестностях в 2008 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 202-203.

419 Курманкулов Ж., Жетибаев Ж., Утубаев Ж. Итоги археологических работ на мавзолее «Мынарал» Баландинского комплекса // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 213-214.

420 Курманкулов Ж., Жетибаев Ж., Утубаев Ж. Археологические исследования на городище Буланды I и в его окрестностях в 2010 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2010 года. – Алматы, 2011. – С. 115-116.

421 Жолдасбаев С. Перспективы охраны и изучения средневекового городища Сыганак // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 254-256.

422 Жолдасбаев С. Археологические исследования на средневековом городище Сыганак в 2008 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 263-268.

423 Жолдасбаев С., Нурханов Б., Мургабаев С., Бахтыбаев М., Амантуров М. Археологические исследования на средневековом городище Сыганак в 2009 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 248-250.

424 Зайберт В.Ф., Ибраев Т.К., Захаров С.В., Тюлебаев А.Ж. Охранные работы на могильнике Кеноткель-ХVIII // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 196-199.

425 Зайберт В.Ф., Ибраев Т.К., Задорожный А.В. Охранные работы на могильнике Кеноткель XIX // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 200-204.

426 Региональная программа «Культурное наследие» Акмолинской области на 2005-2007 годы // Управление культуры акимата Акмолинской области. – Кокшетау, 2004. – 10 с.

427 Смаилов Ж.Е., Ошанов О.Ж. Археологические раскопки средневекового мавзолея Кобыланды // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 205-208.

428 Бисембаев А.А., Дуйсенгали М.Н. Археологические исследования на курганном могильнике Онайбулак в 2008 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 158-159.

429 Ақтөбе облысының 2007-2009 жылдарға арналған «Мәдени мұра» Өңірлік Бағдарламасы: 2004-2006 жылдарға арналған «Мәдени мұра» бағдарламасының жүзеге асырылуы туралы мәлімет. // Ақтөбе облысы әкімдігінің мәдениет басқармасы. – Ақтөбе, 2007. – 20 б.

430 «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2007 жылы атқарылған жұмыстардың есебі // Ақтөбе облысы әкімдігінің мәдениет басқармасы. – Ақтөбе, 2007. – 6 б.

431 Смаилов Ж.Е., Казизов Е.А. Исследование культового сооружения Тасбас в Мангистауской области // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 219-223.

432 Ахатов Г.А., Казизов Е.С. Археологические исследования памятников комплекса «Күйрық тебе» в Мангистауской области // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. – Алматы, 2009. – С. 224-227.

433 Қарағанды облысы бойынша 2005-2007 жылдарға арналған «Мәдени мұра» аймақтық бағдарламасы // Қарағанды облысы әкімдігінің мәдениет департаменті. – Қарағанды, 2004. – 36 б.

434 Қарағанды облысы бойынша 2008-2010 жылдарға арналған «Мәдени мұра» аймақтық бағдарламасы // Қарағанды облысы әкімдігінің мәдениет департаменті. – Қарағанды, 2007. – 37 б.

435 Региональная программа «Культурное наследие Костанайской области на 2007 –2009 годы» // Департамент культуры акимата Костанайской области. – Костанай, 2007. – 25 с.

436 План мероприятий Северо-Казахстанской области по реализации Государственной Программы «Культурное наследие» на 2004-2006 гг. // Департамент культуры акимата СКО. – Петропавловск, 2004. – 9 с.

437 Областная программа «Культурное наследие» на 2004-2006 годы // Департамент культуры акимата Павлодарской области. – Павлодар, 2004. – 36 с.

438 Марьяшев А.Н., Потапов С.А. Памятники наскального искусства (Петроглифы Казахстана) Ешкиольмес, Тамгалы, Арпа-Узен, Койбагар, Каракыр // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 года. – Алматы, 2008. – С. 193-195.

439 Марьяшев Н.А., Ахатов Г.А., Горячев А.А., Потапов С., Камалова Г. Свод памятников истории и культуры Алматинской области // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 190-193.

440 Елеуов М.Е. Свод памятников истории и культуры Кызылординской области // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 194-195.

441 Плешаков А.А. Подготовка к изданию свода памятников истории и культуры Северо-Казахстанской области // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 196-198.

442 Ерофеева И.В. Свод памятников истории и культуры Алматинской области (исследование памятников истории в 2006 году) // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 213-214.

443 Ошанов О.Ж., Книсарин Б.А. Новые материалы своду памятников истории и культуры Актюбинской области: Уилский район // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 214-216.

444 Курманкулов Ж.К., Тажекеев А., Кзылбаев Т., Абдихалыков Ш. Отчет о разведке на территории Кызылординской области по своду памятников за 2006 год // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2004 года. – Алматы, 2005. – С. 216-217.

445 Таймагамбетов Ж.К. Внедрение результатов государственной программы «Культурное наследие» в научный и учебный процесс // Вестник

Казахского Государственного женского педагогического университета. Серия «История». – Алматы, 2010. – № 2 (5). – С. 160-164.

446 Таймагамбетов Ж.К., Ожерельев Д.В. К проблеме изучения каменного века Жетысу // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – 2006. – Вып. 2. – С. 39-44.

447 Таймагамбетов Ж. К. Древнейшая стоянка первобытного человека вблизи г. Алматы // История тысячелетия. – 2008, – Вып. 1. – С. 34-40.

448 Таймагамбетов Ж. К. Памятники палеолита как часть историко-культурного наследия Казахстана // Вопросы археологии Казахстана. – 2011. – Вып. 3. – С. 465-468.

449 Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. Стоянка Токтаул как уникальный памятник каменного века Центрального Казахстана // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2014. – № 3. – С. 165-171.

450 Мерц В.К. Периодизация голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты 3: автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – Кемерово: КемГУ, 2008. – 26 с.

451 Outram A.K., Stear N.A., Bendrey R., Olsen S., Kasparov A., Zaibert V., Thorpe N., Evershed R.P. The Earliest Horse Harnessing and Milking // Science. – 2009. – Vol. 323, № 5919. – P. 1332-1335.

452 Нурушев М.Ж. Об эволюции аборигенных популяций лошадей, или где впервые одомашнена лошадь? [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Бюллетень Оренбургского научного центра УрО РАН». – 2018. – № 1 – Режим доступа: <http://elmag.uran.ru:9673/magazine/Numbers/2018-1/Articles/NMZ-2018-1.pdf> (дата обращения: 15.03.2019).

453 Anthony D.W., Brown D.R. The origins of horseback riding // Antiquity. – 1991. – Vol. 65, № 246. – P. 22-38.

454 Кызласов Л. Р. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры // СА. – 1977. – № 2. – С. 69-87.

455 Варфоломеев В.В. Кент – город бронзового века. Новые исследования в эпоху независимости // Сб. научных статей «Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана». – Алматы, 2011. – С. 85-96.

456 Лошакова Т.Н. Поселенческие комплексы эпохи бронзы северо-восточного Устюрта // Новые материалы и методы археологического исследования: материалы II междунар. конф. молодых ученых. – М: ИА РАН, 2013. – С. 78-79.

457 Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Поселения токсанбайского типа на северо-восточном Устюрте // Сб. научных трудов «Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны восточной Европы». – Оренбург, 2009. – С. 159-167.

458 Берденов С.А., Самашев З., Черны Я., Штолльнер Т., Ермолаева А.С., Куш Г.А. Древнее горное дело и металлургия Восточного Казахстана (начало работ по казахстанско-германскому проекту) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2004. – № 4. – С.154-170.

459 Гончаров А. Особенности использования металла населением Казахстана в эпоху поздней бронзы // Мир Большого Алтая. – 2016. – № 2 (4.1). – С. 679-688.

460 Кариев Е.М. О дефиниции «раннесакский культурный комплекс» (по материалам до 2000 года) // Матер. междунар. археол. конф. «Маргулановские чтения-2011». – Астана: ЕНУ, 2011. – С. 74-79.

461 Чотбаев А.Е. Вооружение древних кочевников казахских степей. – Астана: Изд. группа ФИА им. А.Х. Маргулана, 2013. – 200 с.

462 Besetayev V.B., Kariyev E.M. New Evidence on the Early Saka Horse Harness from Eastern Kazakhstan // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – Novosibirsk, 2016. – Vol. 44, № 3. – P. 72-78.

463 Бейсенов А.З. Сарыарка – колыбель степной цивилизации. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. – 32 с.

464 Оралбай Е., Кариев Е., Жуматаев Р. Ақсуат өңірінің археологиялық ескерткіштерінің зерттелу тарихы // «Қадырбаев оқулары-2012»: III халықар. ғыл.-тәжір. конф. матер. – Ақтөбе: МКҚК «Ақтөбе облыстық тарих, этнография және археология орталығы», 2012. – Б. 202-207.

465 Кариев Е., Оралбай Е. X-образные поясные накладки из Восточного Казахстана // Известия НАН РК. Сер. общ. наук. – 2013. – № 3 (289). – С. 50-60.

466 Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). – Алматы: Ғылым, 2002. – 654 с.

467 Гасанов З.Г. К проблеме археологических памятников ранних скифов в контексте идентификации с сообщениями древних и средневековых письменных источников // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: матер. II междунар. науч. конф., посв. 20-летию независимости Республики Казахстан. – Алматы-Актобе: Арыс, 2011. – С. 49-53.

468 Цуциев А.А. Аланы в этнической истории народов Арало-Каспийского региона // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: матер. II междунар. науч. конф., посв. 20-летию независимости Республики Казахстан. – Алматы-Актобе: Арыс, 2011. – С. 120-123.

469 Ажигали С.Е. Очерк культурного наследия Арало-Каспийского региона [Электронный ресурс] // Электронное научное издание «Альманах Пространство и Время». – 2014. – Том 5. – Выпуск 1. – Часть. 2 – Режим доступа: <http://j-spacetime.com/actual%20content/t5v1p2/> (дата обращения: 04.12.2020).

470 Ягодин В.Н., Беттс А.В.Г. «Пустынные змеи» Северной Аравии и «стреловидные планировки» Арало-Каспия // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: матер. II междунар. науч. конф., посв. 20-летию независимости Республики Казахстан. – Алматы-Актобе: Арыс, 2011. – С. 281-285.

471 Романова Е.Н., Данилова Н.К. Культурная традиция ранних кочевников в Северной Азии: символика коновязных столбов (сэргэ) у тюрков-саха // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: матер. II

междунар. науч. конф., посв. 20-летию независимости Республики Казахстан. – Алматы-Актобе: Арыс, 2011. – С. 269-275.

472 Ажигали С.Е. Арало-Каспий в исторической судьбе казахов и туркменов // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: матер. II междунар. науч. конф., посв. 20-летию независимости Республики Казахстан. – Алматы-Актобе: Арыс, 2011. – С. 17-19.

473 Смагулов Е.А. Наземные склепы Борижарского могильника // Вопросы археологии Казахстана. – 2011. – Вып. 3. – С. 119-141.

474 Железняков Б.А. К вопросу о датировке верхних слоев городища Жуантобе // Известия НАН РК. Сер. общ. наук. – 2011. – № 3. – С. 90-100.

475 Смагулов Е.А. Сидакский культовый центр в системе межрегиональных связей // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент: матер. междунар. науч.-практ. конф. – Шымкент, 2008. – С. 378-408.

476 Шарденова А.З. Крепость Акыртас // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. – Алматы, 2006. – С. 217-220.

477 Кариев Е.М. Параллели некоторых археологических памятников гунно-сарматской эпохи Евразии (по материалам исследований на плато Кеген) // Матер. V междунар. науч. конф. «Кадырбаевские чтения-2016». – Актобе: ГKKП «Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии», 2016. – С. 156-170.

478 Жумагулов К.Т. Данные европейской археологии по истории гуннов IV-V вв. // Матер. респуб. науч.-практ. конф. «Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия». – Алматы: Қазақ университеті, 2006. – С. 10-14.

479 Жумагулов К.Т. Материальная культура и военное искусство гуннов в экспозиции исторического музея города Шпейера (Германия) // Матер. междунар. науч.-практ. конф. «Вклад ученых КазНУ имени аль-Фараби в реализацию программы «Культурное наследие: достижения и перспективы развития». – Алматы: Қазақ университеті, 2009. – С. 17-19.

480 Жумагулов К.Т. Хронисты поздней античности и средневековья о гуннах и Аттиле // Дулатовские чтения: историческая наука и преподавание истории в современном Казахстане, России и государствах центральной Азии: матер. междунар. науч. конф., посв. 80-летию со дня рождения видного казахстанского историка, организатора науки, профессора Дины Исабаевны Дулатовой. – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – С. 13-17.

481 Жумагулов К.Т. Кatalaунское сражение в сюжетах евразийской истории // Научное творчество Л.Н. Гумилева и история народов Евразии: современные подходы и перспективы: VIII междунар. евраз. науч. фор., посв. 20-летию независимости Республики Казахстан. – Астана: ЕНУ, – 2011. – С. 8-16.

482 Жумағұлов Қ.Т. Кatalaун даласындағы ғұндар мен Батыс әлемінің шайқасы туралы (латын хроникалары бойынша) // Тарихи дерек: археография

және деректану мәселелері: респуб. ғыл.-тәжір. конф. материалдары. – Алматы: Қазақ университеті, 2007. – Б. 25-37.

483 Жумагулов К.Т. Гуннская держава на Западе как объект тюркской истории // Актуальные проблемы региональной безопасности: история и современность: матер. междунар. науч.-теор. конф., посв. 70-летию доктора исторических наук, профессора К. Кожахметулы. – Алматы: Қазақ университеті, 2008. – С. 96-100.

484 Кариев Е.М. Еуразия көне түркі өркениетінің бастаулары және мәдени мұрасы (ерте темір дәуірі және қазіргі заман) [Электронды ресурс] // «edu.e-history.kz» Халықаралық электронды ғылыми журнал. – 2016. – 01 Қазан. – № 4 (08)– Қолжетімділік тәртіптемесі: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/562> (жолығу күні: 25.04.2019).

485 Байпаков К. М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана: города XIII-XV века // Известия НАН РК. Сер. общ. наук. – 2012. – № 3. – С. 54-79.

486 Президент Н.А. Назарбаев о перспективах и значении программы «Культурное наследие» (Астана, 13 февраля 2007 года) [Электронный ресурс] // Образовательный сайт «Тарих» – Режим доступа: <http://tarih-begalinka.kz/ru/history/independent/history/page3395/> (дата обращения: 08.01.2021)

487 Список объектов всемирного наследия – UNESCO [Электронный ресурс] // Сайт UNESCO – Режим доступа: <https://whc.unesco.org/ru/list/> (дата обращения: 12.01.2021).

ПРИЛОЖЕНИЕ А

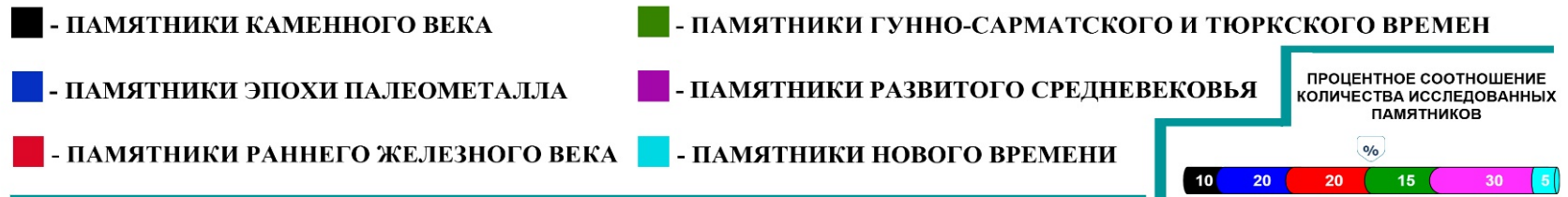

Рисунок А.1 – Археологические памятники программы «Культурное наследие» по регионам Казахстана

ЭТАПЫ И ИНТЕНСИВНОСТЬ СТАНОВЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАХРОНИИ

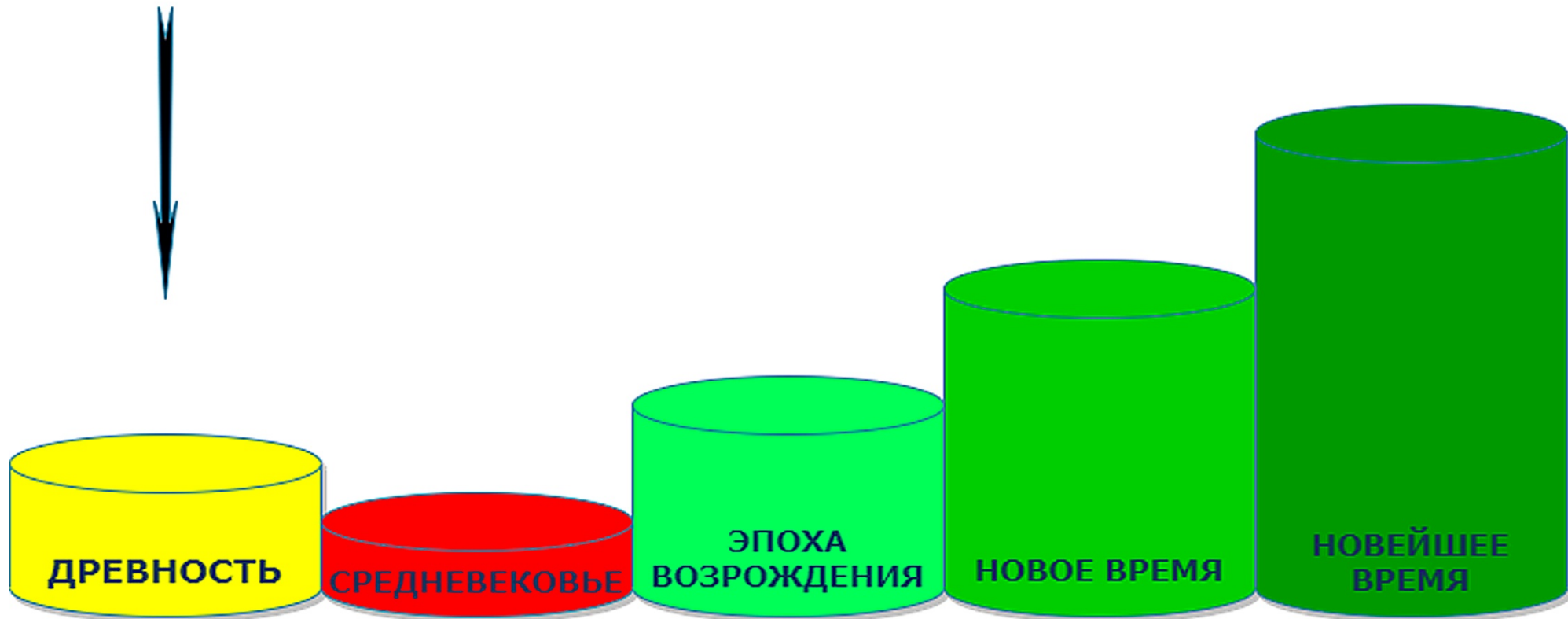

Рисунок А.2 – Этапы и интенсивность развития археологической науки

Рисунок А.3 – Варианты трактовки археологии в исторической науке

Рисунок А.4 – Этапы и порядок научного поиска в археологии

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Рисунок В.1 – Раскопки стоянки Майбулак (по Ж.К. Таймагамбетову)

Рисунок В.2 – Раскопки в Тургенском ущелье (по А.А. Горячеву)

Рисунок В.3 – Исследование курганов Улжан (по Ж.Е. Смаилову)

Рисунок В.4 – Иссыкские курганы (по Б.Н. Нурмуханбетову)

Рисунок В.5 – Городище Койлык (по К.М. Байпакову)

Рисунок В.6 – Городище Талгар (по Т.В. Савельевой)

Рисунок В.7 – Шиликтинские курганы (по А.Т. Толеубаеву)

Рисунок В.8 – Берельские курганы (по З. Самашеву)

Рисунок В.9 – Раскопки тюркского комплекса Сарыколь (по З. Самашеву)

Рисунок В.10 – Раскопки тюркского святилища Жайсан (по А.М. Досымбаевой)

Рисунок В.11 – Тюркское святилище Мерке (по А.М. Досымбаевой)

Рисунок В.12 – Комплекс Акыртас (по К.М. Байпакову)

Рисунок В.13 – Раскопки городища Актобе (Баласагун) (по У.Х. Шалекену)

Рисунок В.14 – Раскопки стоянки Кошкурган (по Ж.К. Таймагамбетову)

Рисунок В.15 – Городище Жуантобе (по К.М. Байпакову)

Рисунок В.16 – Городище Караспантобе (по К.М. Байпакову)

Рисунок В.17 – Городище Оттырар (по К.М. Байпакову)

Рисунок В.18 – Городище Сауран (по ГИКЗМ «Азрет Султан»)

Рисунок В.19 – Городище Сидак (по Е.А. Смагулову)

Рисунок В.20 – Раскопки городища Шымкент (по Б.А. Байтанаеву)

Рисунок В.21 – Некрополь Борижары (по Е.А. Смагулову)

Рисунок В.22 – Аэрофотосъемка пересохшего дна Арала (по К.М. Байпакову)

Рисунок В.23 – Раскопки городища Чирик Рабат (по Ж.К. Курманкулову)

Рисунок В.24 – Аэрофотосъемка городища Жанкент (по К.М. Байпакову)

Рисунок В.25 – Раскопки стоянки Токтауыл (по О.А. Артюховой)

Рисунок В.26 – Раскопки поселения Талдысай (по А.С. Ермолаевой)

Рисунок В.27 – Раскопки памятника Айбас Дарасы (по Ж.К. Курманкулову)

Рисунок В.28 – Поселение Кент (фото А. Петрова)

Рисунок В.29 – Некрополь Бегазы (по А.З. Бейсенову)

Рисунок В.30 – Городище Хан Ордасы (по Г.А. Ахатову)

Рисунок В.31 – Городище Бозок (по М.К. Хабдулиной)

Рисунок В.32 – Раскопки поселения Ботай (по В.Ф. Зайберту)

Рисунок В.33 – Могильник Бестамак (по А.В. Логвину)

Рисунок В.34 – Раскопки стоянки Шидерты 3 (по В.К. Мерц)

Рисунок В.35 – Раскопки на памятнике Аулиеколь (по Т.Н. Смагулову)

Рисунок В.36 – Могильник Кырык Оба (по М. Калменову)

Рисунок В.37 – Городище Жайык (по Г.А. Ахатову)

Рисунок В.38 – Главное культовое сооружение святилища Кызыл Уик
(по З. Самашеву)

Рисунок В.39 – Мемориальный комплекс Хан Моласы (по С.Е. Ажигали)

Рисунок В.40 – Городище Сарайшык (по З. Самашеву)

Рисунок В.41 – Поселение Токсанбай (по З. Самашеву и Т.Н. Лошаковой)